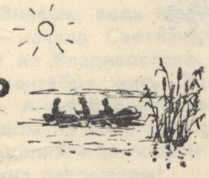
ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 7
ИЮЛЬ
1956

В этом номере:

На обложке:

Рисунок В. Константинова
«В амазонских джунглях»
(К путевым очеркам А. Фидлера).

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

РОЖОК ЗОВЁТ БОГАТЫРЯ

К. Воронков,
Л. Воронкова

Рисунки О. Коровина.

1

Светлана вышла на крыльцо. Огромный куст жасмина свесил над самыми ступеньками зелёные ветки и кремовые цветы.

Дом был разделён на две половины. На другой половине было такое же крыльцо с такою же мелкозастеклённой террaской, только жасминового куста у соседей не было. Зато у них под самым окном густо цвели какие-то особенно крупные белые левкои.

От домика вниз, к шоссе, уходила каменистая розоватая дорожка. По сторонам сразу начинались заросли ольхи, черёмухи и сирени, а дальше на сопках густо зеленела тайга.

Светлана вчера приехала из Владивостока к своей тётке Надежде Любимовне в таёжный мараловодческий совхоз. Муж тётки работает в совхозе заведующим хозяйством, часто бывает в разъездах. А тёте Надежде скучно приходить с работы в свой пустой домик. Вот она и выпросила Светлану у матери.

«У вас, на море, воздух сырой,— так написала она в письме,— то и дело дождик сеет. А когда жара, то пыль да бензином от машин пахнет. Сравнить ли с нашей тайгой? Начинается июль месяц, всё цветёт, всё бушует, каждая травинка норовит розой развернуться. Пускай приедет девочка на каникулы, побегает по нашим зелёным сопкам!..»

Вот Светлана и приехала. Дядя Виктор вчера ездил на грузовой машине во Владивосток за продуктами и захватил оттуда с собой Светлану.

Светлана стояла на крыльце и глядела кругом — на домики совхоза, приютившегося в зелёных склонах, на гудроновое шоссе, будто тёмная река блестевшее то здесь, то там среди кустов, на кроны деревьев, которые переплетались между собой, почти не пропуская солнца.

Вдруг маленький зверёк, похожий на белку, с чёрными полосками на спине и пушистым хвостом, прыгнул откуда-то и закачался на ветке почти над головой Светланы. Светлана замерла: кто это там прыгнул? Белка, что ли?

— Открытым рот держать опасно, может ворона влететь!

Это сказал стройный синеглазый мальчик в голубой холстинковой рубашке с короткими рукавами, в широких штанах с протёртыми коленками, но с матросским клёшем и с маленьким фотоаппаратом, висевшим через плечо. Он торопливо и легко шагал по розоватой дорожке.

Пока Светлана думала, что ответить, мальчик уже отвернулся и вошёл на крыльцо к соседям.

— Сергей! — крикнул он в открытое окно.— Сергей!

Сергей появился из-за угла. Это был коренастый широкоскулый парнишка, неуклюжий и вообще неказистый. Только глаза у него были хороши — большие, зеленовато-серые, глубокие.

— Толя, ты...— начал было Серёжа.

Но Толя прервал его:

— Да, я за тобой. Вожатый поручил побольше маралов заснять для фотоуголка, чтобы весь наш совхоз как на ладони показать.

— И аппарат дал?

— Ага. Свой дал. Алёша мне доверяет, ты же знаешь. Если хочешь, пойдём вместе. Я-то, конечно, сумею и один, смешно. Но лучше вдвоём. И потом ты маралов кормишь, они тебя близко подпускают... Говорят, секретарь райкома приедет... Ну, так вот — пионерское задание... Как думаешь, куда сначала?

Серёжа неторопливым движением приставил к стене заступ, который держал в руках.

— Думается, вроде как на варку надо сходить. Сушку тоже снять надо. А завтра утром — в загон... Когда маток с телятами кормить будем.

— А срезку?

— Да ведь срезка кончилась?

— Нет ещё. Сегодня последних пригнали.

Светлана, задетая тем, что на неё совсем не об-

ращают внимания, решила тоже сделать вид, что она и не видит и не слышит мальчишек. Но она и видела их,— правда, краем глаза — и очень хорошо слышала. О чём они говорят? Какая варка? Какая срезка?

Чтобы как-то обратить на себя внимание, она тихонько запела. Но ребята говорили о своём, будто её тут совсем и не было, хотя то один, то другой с любопытством поглядывал в её сторону.

— Ну, пошли? — спросил Толя.

— Пошли.

Светлана, увидев, что они уходят, отбросила все церемонии.

— Ребята,— сказала она,— я тоже с вами пойду... Поглядеть.

— Ступай,— охотно ответил Серёжа, будто только и ждал, чтобы Светлана обратилась к ним.

Но Толя даже не ответил. Он ещё вчера слышал, что в совхоз приехала девочка из Владивостока, и тут же решил, что девчонка эта — обязательно задавака. Как же, городская! Небось, воображает, что тут все будут сейчас перед ней на задних лапках ходить! И Толя заранее решил поставить её на место.

Светлана минутку колебалась: идти или не идти, когда тебя так вот, не очень-то зовут? Пожалуй, не идти. Но если очень интересно, тогда как?

«Подумаешь!» — Она закинула косу за плечо и решительно догнала ребят.

2

Совхоз раскинулся среди сопок, заросших тайгой. Домики рабочих и служащих, кабинет научных работников, склады, гараж и всякие хозяйственные постройки ютились на склонах, в зелени садов и огородов, отвоёванных у тайги.

Далеко по окрестным сопкам раскинулись парки. Парками в совхозе назывались отгороженные участки тайги, где паслись маралы — главное богатство совхоза. В парках жили дикие маралы, пойманные в тайге. А были и такие, что родились и выросли здесь, они и не знали, что живут в неволе, пока не приходила пора срезать их молодые рога — панты.

У маралов рога вырастают каждый год. Весной показываются крутые шишечки на лбу. К маю они становятся ветвистыми, но ещё очень нежны они в это время, ещё покрыты пушком и налиты кровью. К осени рога деревенеют, это уже острое и опасное оружие, годное для битвы. А позже, когда глухая зима отнимает у марала тепло солнца и обильные корма, рога у него засыхают и кусками спадают с головы, как сухие ветки с дерева.

Но маралам, живущим в совхозных парках, никогда не приходится доносить до осени своих рогов. Людям нужны панты! Весь май и весь июнь в совхозе особенно горячее время — идёт срезка пантов. Сейчас уже начался июнь, панты становятся твёрдыми. И сегодня последняя партия маралов пройдёт через панторезный станок.

Обо всём этом коротко Светлане рассказал по дороге Серёжа. Светлана не всё понимала, что он рассказывал, о многом ей хотелось расспросить его: а на что нужны панты, а почему марал даёт срезать свои рога? Но решилась она только на один вопрос:

— А чем же их срезают? Ножиком? Или бритвой?

— Ножницами! — ответил Анатолий и засмеялся.

Светлана больше ни о чём не стала спрашивать. Бывают же на свете такие люди, как этот Анатолий! И откуда такие берутся? Если он председатель совета дружины — это видно по нашивкам на его рукаве,— значит, нужно так важничать? Нашивки носит, а галстука не надевает. Пионер тоже! И руки в чём-то чёрном, в смоле, что ли...

Светлана сердилась на Толю. Ведь она только что приехала из Владивостока. Неужели ему даже не интересно узнать, кто она такая? Светлана не хотела глядеть на него — и всё-таки видела, какие длинные у него ресницы, какое нежное, чистое лицо.. «Подумаешь, задавака!» — твердила она дорогой. И всё-таки, разговаривая с Серёжей, всё время ждала, что Толя заговорит с ней. Но — что делать! — Светлана для него не существовала.

— Знаешь, ведь Надежда Любимовна — это моя тётя,— начала Светлана, обращаясь к Серёже.— Я к ней из Владивостока приехала. Буду тут до первого сентября жить. Здесь климат здоровее — лес, сопки. А во Владивостоке сырости много, туману... Наш дом на горе стоит, так иногда облако спустится, зацепится за гору и лезет прямо в дом. Мы даже окна закрываем!

— Значит, у тебя отец — моряк? — спросил Серёжа.

— Нет. Почему это непременно моряк?

— Так ведь там порт. Корабли.

— Ну и что же? А разве одни моряки живут в городе? Мой отец — сварщик. Почему же непременно моряк?

— Сергей, ты дело делать вышел или с девчонками болтать? — спросил Толя.

— С девчонками! — оскорбилась Светлана.

Она вся кипела. Она бы, кажется, сейчас так и схватилась с этим задавакой Толькой. Но как к нему придерёшься? Лучше ей просто повернуться и уйти. И пускай они снимают там какую-то срезку...

А впрочем, почему же ей сейчас-то уходить? Вот посмотрит, как срезают рога у маралов, и уйдёт. Ей ещё столько надо увидеть! Сопки, сопки кругом, а за сопками ещё сопки, зелёные, заросшие лесом... А что в этих лесах? А что в этих распадках? А какие цветы желтеют там, под кустами у ручья?..

Светлана зазевалась и немножко отстала. И очень удивилась и обрадовалась, увидев, что Сергей остановился и поджидает её.

— Давай. Подтягивайся.

Она прибавила шагу.

Ребята подошли к длинному, белённому известью забору, приоткрыли калитку, вошли. Вошла за ними и Светлана.

На небольшом дворе высокий, смуглый, сероглазый человек приказывал рабочим:

— Заканчивайте сегодня. И так запоздали. Чтобы ни одного на завтра!

— Бригадир? — шёпотом спросила Светлана.

— Директор,— буркнул Сергей.

Толя подобрался, наморщил свои тонкие брови и принял самый деловой вид.

— Роман Николаевич,— сказал он, подойдя к директору.— Разрешите, пожалуйста, мне сделать фотографию, как срезают панты. Пионерское задание, понимаете! Я обязан выполнить!

— Ну что ж, раз обязан,— выполняй,— ответил директор.— Но откуда же ты снимать будешь? В загон мы вас пустить не можем: зверя пугать будете. К станку — тем более. Придётся там, у ворот, ждать, когда он уже без рогов к вам выскочит!

— Но, Роман Николаевич,— возразил Толя,— что же тут интересного? Мне же самый процесс надо!

— На забор влезть и снять,— сказал Серёжа,— как он к станку будет подходить, как в станок войдёт...

— Не годится,— директор махнул рукой,— испугаете.

— А если незаметно одну дощечку отодви-

нуть,— опять сказал Серёжа,— и снизу, в щёлку, снять?

— Может быть, может быть,— ответил директор,— идите и придумайте что-нибудь. Только не мешайте, пожалуйста, работе.

— У нас тоже работа, Роман Николаевич,— ответил Толя.— А можно, мы прямо по загонам к станку подойдём?

— Ребята, постарайтесь не отнимать у меня так много времени,— уже нетерпеливо сказал директор.— Можно подумать, что и совхоз и все мы существуем только для ваших пионерских заданий. Кстати, руки промывать надо!

Но Толя уже не слышал.

— Пошли!

Он победоносно оглянулся на Сергея, краем глаза — на Светлану и первым вошёл туда, куда никому из посторонних ходить не разрешалось.

Светлана по характеру была независимым человеком и слегка даже упряма в своей независимости, но тут она чуть-чуть сдалась и присмирела. «Вот как Толя разговаривает с директором совхоза,— подумала она.— С самим директором! Ну и смелый же!..»

Ребята шли по какому-то белому коридору, в нескольких местах прорезанному воротами. Сзади за ними ворота закрылись, но такие же ворота были и впереди. Серёжа открыл их, ребята вошли в другой отрезок коридора, такой же белый, только более узкий, и впереди оказались ещё ворота... Светлане стало интересно и немножко страшно: куда они попали, куда идут? А коридор всё тянется, тянется, и за каждыми воротами он становится всё у́же и у́же.

И вот, наконец, совсем узким стал коридор и замкнулся.

Впереди уже не было ворот. Но там, где должны быть ворота, светился пролёт — выход на волю, на зелёный луг. Выйти туда из коридора можно было только по узкому мостику, к которому эти глухие белые стены вплотную примыкали с обеих сторон. У мостика стояло несколько человек. Это были рабочие совхоза и с ними совхозный ветеринарный врач в белом медицинском халате.

— Илья Назарыч у станка...— с сомнением сказал Серёжа.— Шуганёт, пожалуй...

— Не бойся, не шуганёт,— успокоил его Толя.

Он поправил на плече ремешок фотоаппарата и, приподняв подбородок, решительным шагом пошёл вперёд.

— Гляди-ка-сь,— сказал один из рабочих, старый специалист по резке пантов, седоусый дедушка Ларион,— молодые пантачи идут!

Рабочие засмеялись.

Илья Назарыч, ветеринарный врач совхоза, нахмуренный, с прокуренными усами и с большой самодельной цыгаркой во рту, посмотрел на ребят из-под косматых тёмных бровей.

— Отлично,— пробурчал он,— сейчас и срежем им панты, чтобы посмирнее были да не шатались куда не следует.

Илья Назарыч посмотрел на часы.

— Через десять минут первый пантач войдёт в загон. Минут через тридцать он будет здесь... А что вы, молодые люди, намерены делать?

— Мне надо фотографировать, Илья Назарыч! — сказал Толя.— Мне директор разрешил. Для клуба. Пионерское задание.

Илья Назарыч выпустил облако дыма, окутался им. А когда дым немножко рассеялся, сказал:

— Не возражаю. Но фотографирует кто-нибудь один. Можно стать вот тут, за моей спиной. Остальные — марш на выгон. Имейте в виду, иногда марал бывает нервный и тогда может броситься куда попало. Нужна выдержка. Ну? Кто у вас тут главный?

— Я главный,— Толя выступил вперёд с аппаратом.— Но...— и обернулся к товарищу.— Может, тебе хочется поснимать, Сергей?

— А то нет?— Сергей даже слегка покраснел от радости.— Только не испортить бы!..

— Да уж ладно,— Толя сбросил с плеча фотоаппарат и передал его Сергею,— так и быть, поснимай, ты ведь любишь...

Сергей, смущённый и счастливый, встал в уголок, указанный Ильёй Назарычем. Толя и Светлана по мостику вышли на солнечную зелёную луговину.

— А где же станок,— обратилась Светлана к Толе,— панторезный станок какой-то?.. Где же он? Я не вижу!

— Ты его видела,— возразил Толя.

— Я? Когда же?

— Ты по нему прошла.

— Я? По станку?

Толя снисходительно засмеялся.

— Какая ненаблюдательная! Ну вот этот мостик, который ты отсюда видишь, как по-твоему, что это такое?

— Как что? Мостик и есть... Чтобы из загонов выходить.

— Это и есть станок. Впрочем, сама увидишь. Марал сейчас уже идёт сквозь ворота. Может, в пятом или в шестом загоне. Идёт к станку.

— А он знает, куда он идёт?

Толя пожал плечами, на щеке его появилась ямочка.

— Смешно! Откуда он может знать? Его из тайги загоняют в широкий загон. Первый загон такой широкий, что и не заметишь, что это загон. Ну, и он входит. Хочет вернуться, а ворота сзади уже закрыты. Понятно? Сзади ворота закрыты, а впереди открыты. Ну, ясно, он в эти открытые идёт. Понятно? Так вот и идёт — всё вперёд да вперёд, до самого станка... А иначе как же его в станок затащишь? Ведь марал не корова. Он тебя не рогами, так копытами запорет!

Светлана, не отрывая глаз, глядела на этот станок, зажатый между стенами загона. Какой обман! Бедный марал идёт сейчас по белому коридору, тревожный, испуганный. С надеждой стремится он вперёд, к открытым воротам, а стены всё тесней и тесней сходятся с обеих сторон... А что же он будет делать, когда войдёт сюда, в последний загон?

— Идёт,— вдруг сказал Толя.

И Светлана увидела, как в загон вошёл марал и последние ворота закрылись за ним. Увидев людей, марал всхрапнул и бросился в пролёт, сквозь который виднелась зелёная солнечная даль. Марал ринулся между перилами, но вдруг перила сошлись и зажали ему бока, а настил мостика утонул, ушёл из-под ног. В ужасе, ничего не понимая, марал напрягался, пытаясь выскочить, но он не мог даже двинуться, не мог пошевелиться, только ноги его беспомощно болтались в воздухе.

И в ту же секунду, когда станок поймал марала, острый нож снял с его головы рога, молодые, нежнобархатистые рога — панты. Рабочий ловко подхватил их, а Илья Назарыч тут же присыпал жёлтым порошком иодоформа кровавые комельки, оставшиеся на голове марала...

И вот снова разошлись перильца, ноги марала встали на твёрдый пол станка. Выход ему был открыт. Дрожащий, с мокрыми боками, марал выскочил из станка и помчался через луговину к распад-

ку, заросшему песом. Светлана видела его глаза — большие, лиловые, полные страха и недоумения...

А в загон вошёл уже следующий марал. Осмотревшись, он вдруг начал метаться от стены к стене, пытаясь перепрыгнуть забор. Он то грудью, то боками бился о стены и, словно чуя беду, ни за что не хотел идти в станок...

— Не буду! Не хочу! — крикнула Светлана. И, быстро повернувшись, побежала прочь от панторезных загонов.

— А никто и не приглашал, между прочим...— донеслись ей вслед толины слова.— Чудачка! Думает, им больно!

Но Светлана только тряхнула головой, словно отгоняя муху.

— Не хочу, не хочу, не буду! — повторяла она, чуть не плача.— Нашли тоже, что́ фотографировать!.. Нашли тоже! А то разве не больно?!

3

Светлана, взволнованная, почти бежала по дорожке. Дорожку пересекал ручей. У самого ручья стоял небольшой низкий сарай. Ворота его были широко открыты, а из этих ворот клубился густой пар. Что там такое? Банька такая маленькая, что ли, стоит здесь, у ручья?

Но тут Светлану обступила густая трава, ростом чуть не в два метра. Ромашки и лиловые колокольчики окружали её: они были Светлане выше головы... А под кустами у ручья отовсюду глядели на неё те самые жёлтые цветы, которые она видела издали. Да это лилии! Настоящие жёлтые и оранжевые лилии, которые сажают в садах и выращивают на окнах. А здесь они прямо под кустами растут, в траве, их можно рвать. И как же их много!

Незаметно Светлана вошла в красивую светлую рощу. Деревья стояли, широко раскинув перистые ветви. Светлозелёные листья не могли сдержать солнца, оно обильно проливалось сквозь кроны, бросая на траву лёгкую, трепетную тень.

«Будто праздник какой в этой роще! — подумала Светлана.— Пальмы это, что ли?»

Тут она увидела парнишку. Толстый, в синей фланелевой курточке, этот парнишка рвал траву и совал её в мешок.

— Мальчик, это пальмы? — спросила Светлана.

Мальчик поднял голову и посмотрел на Светлану круглыми голубыми глазами. Белёсые волосы его были гладко причёсаны на косой пробор, оттопыренные уши просвечивали на солнце и казались совсем розовыми, будто лепестки мака.

— Никакие это не пальмы,— ответил он.

— А ты почём знаешь? — сказала Светлана, помолчав.

— Пфу!— вздохнул парнишка.— Я же... как это... тут живу. А чего не знать-то? Маньчжурский орех — и всё.— Он говорил медленно, словно прислушиваясь к словам, которые произносил.— Их бурундуки едят. Таскают и едят. Вот он, видишь?

Светлана посмотрела, куда показывал парнишка.

— А! Это бурундук и есть? Я одного уже видела сегодня! Думала, белка...

Парнишка рвал траву, пыхтел, отдувался, вытирал пот со лба. Потом вынул что-то из кармана, сунул в рот и принялся жевать.

— Ты разве не завтракал? — спросила Светлана.

— Завтракал,— ответил он, не оборачиваясь.

— А почему жуёшь?

— Так... во рту скучно.

Он умял траву в мешке и вскинул его на плечи. Но так неловко вскинул, что мешок перекатился через голову и упал. Парнишка потерял равновесие и тоже упал. Светлана рассмеялась.

— Ты для чего травы нарвал?..

— А ты ловкий, кажется!

— Ну и ладно,— ответил он и снова начал поднимать свой мешок.

— Давай уж я тебе помогу,— сказала Светлана.

Но парнишка уже вскинул мешок на плечо. Пошатнулся, но не упал и, твёрдо ступая по мягкой траве, пошёл из рощи. Светлана пошла за ним.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Меня? — он посмотрел на неё из-под мешка.

Светлана пожала плечами:

— Ну, а кого же? Ведь тут, кроме тебя, никого нет. Что ж я, у бурундука, что ли, спрашиваю?

— Ну, если меня, то я... это... Антон Телёнкин. Мой отец — кладовщик в совхозе. Вот мы тут и живём.

Они молча прошли шагов десять. Светлана сорвала ветку ломоноса, длинную, гибкую, усаженную мелкими белыми цветами, и, свернув её венком, надела на голову.

— Ну и цветов здесь! — сказала она.— Такой гербарий привезу — вся школа ахнет!

Антон остановился.

— А ты, значит... ты и есть эта... которая?..

— Ну да, это я и есть Светлана, которая приехала из Владивостока,— объяснила Светлана.— А теперь скажи: ты для чего травы нарвал?

— А как же? Этим надо... телятам маленьким.

— Каким телятам?

— Ну, маральим телятам. Маралёнкам...

— А почему ты таскаешь? Пускай рабочие.

— Ага, рабочие! Это же мы, пионеры, взялись

маралят выхаживать. Юннаты. А ведь я эта... юннат же!

Так они шли и разговаривали. И за разговором Светлана не заметила, как они вышли на широкую совхозную улицу. Антон со вздохом достал из кармана куртки обломок печенья.

— Опять рот соскучился? — усмехнулась Светлана.

Антон в ответ только пропыхтел что-то.

Светлана пренебрежительно отвернулась: и что это за человек, который всё время жуёт?

Небольшие домики совхозных построек весело поглядывали на улицу промытыми окошками. Всюду на подоконниках цвели красные и розовые герани, на крылечках завивался дикий виноград. Огромные липы, кедры и берёзы, словно заблудившись, забрели сюда из леса и остановились среди улицы — у конторы, у склада, у гаража... Со старых еловых лап свисала свежая зелень вьющейся лианы — актинидии, а у крыльца директорского домика кустилась ежевика и, пробираясь к самому шоссе, прорастали колючие побеги аралии — чёртова дерева. Казалось, тайга, окружавшая совхоз, хотела незаметно захватить и утопить в своей непроходимой зелени жилища людей, поселившихся здесь.

У длинного высокого сарая Светлана остановилась. Её заинтересовало это строение. Почему оно такое высокое, а без окон? Почему у него сквозные стены?

— А здесь панты сушат, — сказал Антон, равнодушно продолжая свой путь.

Но Светлана вцепилась в набитый травой мешок, стащила его с антонова плеча на землю и села на этот мешок.

— Чего ты? — в изумлении спросил Антон.

— А того, — ответила Светлана, — идёт и идёт. И ничего не рассказывает. Только жуёт всё время! Мне хочется посмотреть, как панты сушат. Пойдём посмотрим, а?

— Пойди и посмотри, — спокойно продолжал Антон, — ворота открыты.

— И ты со мной пойди.

Антон отрицательно закачал головой.

— Мне эта... Надо траву нести.

Но Светлана схватила его за руку.

— Ну ничего, Антон. Ну на минуточку!

Антон и Светлана, оставив мешок на дорожке, подошли к раскрытым воротам высокого сарая. В сарае от самой крыши и до самого низу были положены тонкие ровные жерди. И на этих жердях висели связанные парами молодые рога — панты. Они были покрыты нежным светлосерым пушком и казались бархатными. Половина сарая была увешана этими рогами, они сушились здесь на сквозняке, гуляющем между сквозными ребристыми стенами.

— Ух, сколько рогов! — удивилась Светлана. — Куда их столько? Ну везде эти рога, везде!

Один из приёмщиков, взвешивающий на весах большую бархатную пару рогов, взглянул на Светлану.

— Много? — сказал он, приподняв одну бровь. — Это уже мало осталось. Последние досушиваем. А вот в мае посмотрела бы или в начале июня, когда срезка у нас полным ходом идёт, так и местечка свободного на вешалах не найдётся!

— А куда их столько? — недоумевала Светлана.

— Ну, найдётся, куда, — приёмщик весело подмигнул, — за эти штучки другие государства нам чистым золотом платят. А уж золото найдём куда девать, а?

— Да разве дело только в золоте? — отозвался другой приёмщик, поднимая глаза от большой конторской книги, куда он вписывал вес принимаемых рогов. — Медицина их много требует.

— Я пошёл. — Антон повернулся и побрёл к мешку.

Светлана догнала его.

— А почему медицина их требует? — спросила она. — Антон, почему?

— Ну вот, как её... — лениво ответил Антон. Ему уже надоело объяснять все эти простые вещи девчонке из Владивостока. — Ну, из них какое-то там лекарство делают... И почему ты ничего не знаешь?

— Вот поживу здесь и всё узнаю. — Светлана отбросила со лба влажную прядку волос. — И ещё побольше твоего узнаю! Куда ты?

— А в загон же... к телятам.

— А... Значит, здесь этот загон?.. Я тоже пойду.

— Посторонним нельзя.

— А я посторонняя? Я пионерка. Возьму — и тоже в юннатский кружок вступлю!

Она упрямо сжала губы, качнула головой, как это делают своенравные жеребята, и пошла следом за Антоном.

Телята паслись на зелёном склоне под большими липами. Изгородь отделяла их от тайги, но они, наверно, и не знали об этом. Тайга была и здесь. Липы цвели и осыпали их маленькими жёлтыми цветочками. Между сопками в низинке бежал прохладный ручей — из него можно было пить. Под тенью берёз, в траве, усыпанной солнечными зайчиками, можно было прятаться. Кто учил этому маралят? Откуда они знали, что у них на спинах проглядывали светлые жёлтые пятнышки, похожие на солнечные зайчики, упавшие сквозь листву?

Маралята паслись, не обращая ни на кого внимания. Лишь один поднял голову и посмотрел на Светлану большими чёрными глазами. Смотрел, а сам жевал какую-то длинную травину.

Антон шёл дальше. Светлана улыбнулась маралёнку с травиной, почмокала губами. Но только поросята прибегают, когда человек чмокает губами. А маралёнок отвернулся от неё, показал свой кургузый хвостик и ушёл в кусты.

— А что это у него на ушке? — спросила Светлана. — Серьга, что ли?

Антон фыркнул.

— Серьга! Это не серьга, а как её... бирка.

— А что такое бирка?

— Ну, это... как её... ну, бирка — и всё. Номер. Имя.

Показалась ещё одна изгородь. Антон открыл дверцу и вошёл. Это был славный, чисто подметённый солнечный дворик. Тут были невысокие навесы, сарайчики со стойлами — что-то похожее на телятник. Среди двора толпились маралятки на тонких, слабых ножках, совсем ещё беспомощные. Они даже с ногами своими управиться не могли: слишком эти ноги были длинные!

Среди маленького рыжего стада стояла девочка в пёстром с красными цветами сарафанчике и молоком из бутылки с соской поила самого маленького маралёнка. Она подняла на Светлану тёмные глаза и улыбнулась. Светлана улыбнулась тоже.

— Я тебя вчера видела, — сказала девочка, — из окна.

— Из какого окна? — не поняла Светлана.

— А из своего. Мы же с тобой соседки!

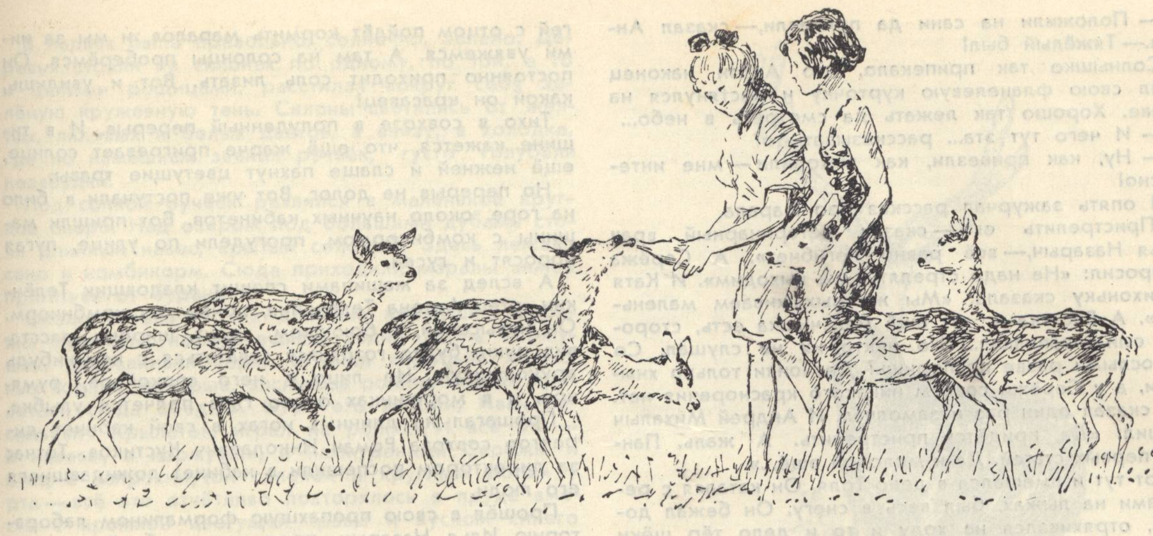
— Это, значит, у вас левкои цветут?

— Ага. У нас.

— А Сергей — это твой брат?

— Ага. Брат. А меня Катя зовут. Хочешь маралёнка попоить?

Светлана вспыхнула от удовольствия. Она неуверенно взяла бутылку с молоком.

Светлана чуть не выпустила бутылку из рук: так маралёнок дёргал и толкал её.

— А я сумею?

— Конечно, сумеешь. Чего тут уметь-то?

Маралята окружили Светлану. Они тянулись чёрными мордочками к бутылке. Один, попроворней, ухватил соску и стал сосать. Светлана чуть не выпустила бутылку из рук: так он дёргал и толкал её.

— Повыше, повыше держи,— сказала Катя,— будто он мать сосёт. Ведь когда они матку сосут, то голову кверху подымают.

Голос у Кати был добрый и ровный. И Светлана вдруг почувствовала, что ей очень легко и просто с этой спокойной девочкой.

— На, теперь ты,— сказала она и отдала бутылку. Светлана немножко устала от боязни уронить бутылку или сделать что-нибудь не так.

— А! Да он всё выпил!.. Хватит с тебя, хватит!

Катя налила молока и стала поить других маралят. А когда в бутылке осталось немножко молока, она снова подошла к самому маленькому.

— На, допей,— сказала она ему, будто он был маленький человек и всё понимал.— Тебе надо побольше пить. Ты у нас вырастешь большой, как наш Богатырь, и у тебя будут золотые рога... Мы его выходили и тебя выходим. Он-то был раненый, умирал совсем, да и то выходили. А ты здоровенький, только что маленький.

— Ты ему рассказываешь сказку? — улыбнулась Светлана.

— А как же? Он ведь сиротка, у него матки нет — умерла,— сказала Катя и погладила маралёнка своей загорелой, крепкой, с широкой ладонью рукой.

4

Это была не сказка.

Молодой марал бродил у самого моря. Была зима, тайга стояла чёрная и глухая. Шумел океан, загоняя в бухту пенную волну. Волна шла большая, но в бухте она стихала и уходила под ледяную кромку, окаймлявшую берег.

Загоны в совхозе обнесены высокой крепкой изгородью из оцинкованной сетки. Через такую высокую стену не перескочит ни один марал. И к маралам из тайги никакой зверь не проберётся. Бывает, что в мрачную, непроглядную ночь, а чаще на рассвете, волки воют около изгороди, ходят, рыщут взад и вперёд, чуя маралов, щёлкают зубами, прыгают на ячеистую проволочную стену, скребут её когтями... А потом скрываются, как тени, в тайге, так и не добравшись до живого маральего мяса.

Но случилось однажды так: подошёл молодой пантач к берегу залива. Он шёл, задумчиво жевал ветки деревьев, глодал сладкую кору и далеко отбился от стада. Он уже привык не бояться, он привык не прислушиваться к дальним лесным шорохам — шёл и шёл по берегу.

Изгородь концом упиралась в море. Волки изгородь не перескочат, по воде её не оплывут — они не полезут в воду... Чего бояться молодому маралу?

А волки и не стали перескакивать через изгородь и не стали прыгать в холодную тёмную воду. Ледяная закраина, слабо голубевшая в сумерках, легла им как мостик над водой. Они быстро пробежали по ней, обогнув изгородь, выскочили на берег и бросились на марала... Жалобно простонал марал предсмертным стоном в притихшей чёрной тайге...

Светлана и Катя сидели на лавочке в тени навеса. Сопки, одетые густой зеленью леса, замыкали горизонт. Словно тёмное зелёное море взбушевалось кругом, подняло огромные волны, да так и застыло.

— И загрызли? — с жалостью спросила Светлана.

— Да, почти загрызли,— ответила Катя,— только тут как раз набежал Андрей Михалыч Серебряков, объездчик, толин отец...

— Толин отец?!

— Да, он набежал да и пальнул по волкам. Ну, волки бросили марала, убежали.

— Одного эта... застрелил,— вставил Антон. Разложив по кормушкам траву, он подошёл и примостился около девочек.

— Ага, одного волка застрелил. А марал лежит в крови, встать не может...

Бархатные катины глаза прищурены и смотрят куда-то вдаль, в тот зимний лес, на побережье... Убитый волк, окровавленный снег, марал, который глухо стонет, пытается встать и снова падает...

— Ну, и что же потом? — прервала Светлана.— Получше расскажи!

— Положили на сани да привезли,— сказал Антон.— Тяжёлый был!

Солнышко так припекало, что Антон наконец снял свою фланелевую курточку и растянулся на траве. Хорошо так лежать да смотреть в небо...

— И чего тут эта... рассказывать-то?

— Ну, как привезли, как выходили — мне интересно!

И опять зажурчал рассказ про марала.

«Пристрелить его,— сказал ветеринарный врач Илья Назарыч,— всё равно погибнет». А Серёжа попросил: «Не надо стрелять, мы выходим». И Катя потихоньку сказала: «Мы же выхаживаем маленьких». А Васятка — тут ещё мальчишка есть, сторожа сын,— заплакал... Но никто их не слушал. Со взрослыми разве поспоришь? Девчонки только хныкали, а у Серёжи совсем никакого красноречия нет. Он сказал один раз и замолчал. И Андрей Михалыч решил: «Да, придётся пристрелить. А жаль. Пантач первых статей. Да и молодой ещё...»

Вот тут и вмешался в дело Толя. Он катался с ребятами на лыжах, был весь в снегу. Он бежал домой, отряхивался на ходу и то и дело тёр щёки и нос. Толя всегда трёт щёки зимой; так ему мать велит, чтобы не отморозить.

Толя подбежал к саням, сразу всё сообразил, поднял руку и сказал:

«Папа! Подожди! Я директора попрошу!» — И побежал к директору.

Очень скоро Толя примчался обратно. Он ещё издали махал рукой и кричал:

«Не стреляй, папа! Оставить! Оставить!»

Тут же позвали ветеринарного врача Илью Назарыча. Тот посмотрел на марала, закурил свою самокрутку, задымил, как паровоз...

«Ну что ж,— сказал он,— оставим. Только всё равно нам его не выходить!»

Серёжа подошёл к маралу. И Катя подошла. Он глядит на них, а из глаз бегут слёзы. Плачет. Прямо как человек.

Тут Серёжа закусил губу чуть не до крови, сбросил пальто и давай с себя рубашку стягивать. Прямо на морозе стягивает рубашку, чтобы маралу завязать рану. Катя, глядя на него, даже зубами застучала от холода...

«Не рви рубашку,— сказал Илья Назарыч,— не понадобится».

Он снял с плеча свою докторскую сумку, промыл маралу рану, залепил её чем-то, пластырем, наверно. Он ведь очень хороший врач: если берётся лечить, то всегда вылечивает. Правда, здесь он считал, что и лечить не стоит, всё равно маралу погибать...

— А вот и не погиб,— заключила Катя,— выходили. Мы его хлебом кормили. Он у нас смирный был, пока болел. А выздоровел, ушёл в стадо и знать никого не хочет. Только вот одного Серёжу ещё подпускает... А красивый! Настоящий Богатырь! Ему даже рога оставили: в Москву на выставку его повезём!

— А Толя?— живо спросила Светлана.— Он, наверно, больше всех за ним ухаживал?

— Толя?..— Катя задумчиво покачала головой.— Нет. У Толи всегда всяких дел много. Он доклад делал на дружине «Каким должен быть пионер». В каникулы во Владивосток ездил, на слёт. А ещё о дружбе доклад делал. Он у нас в школе всё доклады делает. Ему чекогда.

Светлана встала.

— Катя,— попросила она,— а можно мне того марала посмотреть, а?

— Ну что ж,— сказала Катя,— после обеда Сергей с отцом пойдёт кормить маралов, и мы за ними увяжемся. А там на солонцы проберёмся. Он постоянно приходит соль лизать. Вот и увидишь, какой он красавец!

Тихо в совхозе в полуденный перерыв. И в тишине кажется, что ещё жарче пригревает солнце, ещё нежней и слаще пахнут цветущие травы.

Но перерыв не долог. Вот уже постучали в било на горе, около научных кабинетов. Вот пришли машины с комбикормом, прогудели по улице, пугая поросят и гусей.

А вслед за машинами спешит кладовщик Телёнкин, отец Антона Телёнкина, принимать комбикорм. Он невысокий, с брюшком, ходит, широко расставив руки, будто готовится схватиться с кем-нибудь врукопашную. Но лицо у него спокойное, румяное, и в морщинках около глаз прячется улыбка.

Прошагал на длинных ногах в свой кабинет директор совхоза Роман Николаевич Кустиков. Тотчас за директором поспешили в кабинет дожидавшиеся его люди.

Прошёл в свою пропахшую формалином лабораторию Илья Назарыч, продымил трубкой по улице, ни на кого не глядя, не замечая ничьих поклонов. Такая уж у него манера: навесит брови на глаза и ничего не видит кругом.

И далеко, в маральих парках, запел рожок кормача Ивана Крылатова. Он пел, как птица, как необыкновенная птица с золотым горлышком,— протяжно, чуть-чуть печально, повторяя две или три ноты.

Серёжа приложил к губам рожок и заиграл...

В парках было привольно, солнечно, зелено. Деревья стояли на склонах по одному, по три, а то и целыми рощицами, расстилая вокруг себя зелёную кружевную тень. Склоны светились от жёлтых, лиловых и белых цветов, а внизу, в холодке, где по камешкам звенел ручеёк, густо голубели незабудки.

Под сопкой ручеёк разлился в маленькое круглое озеро. Над озером под большими дубами стоял длинный навес, крытый соломой. Здесь лежало сено и комбикорм. Сюда приходили маралы зимой прятаться от буранов.

Около навеса стояли длинные кормушки. Серёжа, деловито нахмурившись, ходил вдоль кормушек, разравнивал корм, отгонял воробьёв и лесных горлиц, которые, заслышав рожок, стаями прилетали сюда обедать. Отец его и Кати, Иван Васильевич Крылатов, играл на рожке. И всё это — и навесы, и кормушки, и нахмуренный Серёжа, и отец с запрокинутой головой и круглым рогом у рта — всё это отчётливо повторялось в пруде вместе с кромкой цветущей травы и куском синего неба.

Девочки уселись на бугорке и притихли. Тайга молчала. Неохватный старый тополь чуть пошевеливал листьями где-то высоко над головой, почти в облаках.

— Ну и дерево,— сказала Светлана.— А что, если оно упадёт и маралов задавит?

— Этот тополь, наверно, пятьсот лет стоит, а может, и тысячу,— ответила Катя,— и никогда не падал. А теперь вдруг упадёт? Да его и не свалишь ничем. И ещё тысячу лет будет стоять.

— А танком свалишь. Я видела в кино, деревья от танка так и падают, как трава, так и па...

— Не говори мне про танки,— прервала Катя,— я не люблю про них. И про войну не люблю. Я боюсь про это всё...

И вдруг замолкла, тёмные глаза её раскрылись и стали круглыми:

— Идут... Маралухи с детками...

Светлана вытянула шею и даже порозовела от волнения:

— Где?.. Вижу, вижу...

Рожок всё играл, всё повторял несложный напев: ту-ру-ру... ту-ру-ру... Звал маралух. Убеждал их, что никакая опасность им не грозит и даже, наоборот, они найдут здесь хороший обед...

И маралухи шли, они выходили из кустов, сторожко поглядывали во все стороны, шевелили ушами, останавливались, поднимая головы, слушали, не решаясь покинуть лесную тень. Длинноногие телята жались к маткам, мешали идти. А рожок всё звал, всё манил и уговаривал. И маралухи опять шли, подходили всё ближе и ближе. Чёрные влажные ноздри их вздрагивали, они чуяли тёплый запах корма. Тёмнобурые с жёлтыми подпалинами около хвоста и на задних ногах, они вдруг все сразу стали видны на зелёной поляне. Красивое бурое стадо, очень похожее на стадо крупных коров, появилось из леса.

Иван Васильич отошёл в сторонку: маралухи не любили, чтобы человек стоял возле, когда они едят.

— А где же тот, ваш... Гордец, что ли? — спросила Светлана шёпотом.

— Не Гордец, а Богатырь,— так же шёпотом ответила Катя.— Так он не здесь... Он в другом парке. Летом мы только одних маралух подкармливаем, у которых детки.

— А как же?..— начала было Светлана, но Катя сделала ей знак помолчать.

Марал подошёл гордой поступью...

— Серёжа! — негромко позвала она.

Сергей не спеша подошёл к ним и вопросительно уставился на сестру.

— Вызови нам Богатыря, а? — попросила Катя.— Вот Светлане очень посмотреть хочется, а?

Серёжа взглянул на Светлану и кивнул головой. Он взял у отца рожок, махнул рукой девочкам и пошёл куда-то, не оглядываясь. Девочки поспешили за ним.

— Аккуратней там! — строго сказал им вслед Иван Васильевич.— В загон не входите!

— Не будем! — ответила Катя.

Серёжа, а за ним и девочки пошли куда-то вглубь леса вдоль сквозной ячеистой изгороди. Тут было совсем дико. Только оцинкованная изгородь, сквозившая среди зарослей, напоминала о том, что всё это принадлежит хозяйской руке человека.

Серёжа подошёл к изгороди. Сквозь крупные ячейки крепкой оцинкованной сетки было всё видно. Серёжа приложил к губам рожок и заиграл «У дороги чибис, у дороги чибис...». Задорная песенка полетела в тайгу.

В дальнем углу парка пасся под липами молодой марал. Он щипал траву, шевеля ушами, прислушиваясь ко всем шорохам и голосам, бродящим в тайге. Здесь было хорошо, дикие запахи трав и цветущего кустарника успокаивали, веселили, манили всё дальше в заросшие распадки, на вершины сопок, в приволье долин, где буйная трава поднимается до плеч, а иногда и до самых рогов...

И вдруг в этой зелёной солнечной тишине золотым голоском позвал марала рожок. Марал при-

слушался, сердито фыркнул. Ему трудно было переносить присутствие людей.

Однако рожок звал, и спокойствие было утрачено. Марал принюхался: запах овса и хлеба почудился ему; этот запах словно доносился вместе с ласковым и настойчивым зовом рожка. Марал фыркнул ещё раз и побежал, закинув голову, туда, где пел знакомую песенку рожок.

— Ух, какой!— невольно охнула Светлана.

Марал подошёл гордой поступью, а высоко поднятые панты его, очерченные солнцем, будто корона, светились на голове.

— Король-олень! — сказала Светлана.— Я такого в кино видела!

— Вот какой наш Богатырь! — с гордостью ответила Катя.

А Серёжа, перестав играть, глядел на него влюблёнными глазами и молчал. А что говорить? И так видно, что это лучший марал в стаде.

— На выставку поедет,— сказал Серёжа.— Пусть и там на него полюбуются!

— И Толя Серебряков тоже поедет,— вздохнула Катя.— Счастливый!

5

Ночью Серёжа проснулся от удара грома. Что-то страшно затрещало, и синий свет молнии мгновенно осветил комнату. Мать вскочила:

— Что такое? Что случилось?

— Ничего не случилось,— спокойно ответил отец. Он стоял у окна и глядел, как на улице бушевала буря.

— Если не случилось, почему же ты не спишь? — подозрительно спросила мать.— Уж, видно, чего-нибудь опасаешься.

— Опасаться можно всего,— ответил он.

Мать ушла в боковую комнатку досыпать, а отец всё стоял у окна, всё к чему-то прислушивался, словно стараясь разглядеть, что́ сейчас происходит там, в парках. В его напряжённом взгляде, в покашливании — будто пересыхало горло — было что-то такое, от чего Серёжа забеспокоился. Он тихонько встал с постели и подошёл к отцу.

За окном глухо и грозно гудела тайга. В блеске молнии видно было, как раскачиваются вековые вершины, как волнуется подлесок всей массой своей листвы. Хлещет дождь, полосует тайгу, а тайга негодует, гудит, спорит с бурей и сама грозит кому-то... И кажется Серёже, что идёт яростное сражение в этой чёрной, изрезанной молниями ночи.

Вдруг где-то далеко в лесу затрещало большое старое дерево и упало на землю. Глухой стон прошёл по тайге...

— Буря деревья валит,— прошептал Серёжа.

— Да,— беззвучно ответил отец.

Тут отец спохватился: и в самом деле, чего же стоять и глядеть в чёрное окно, в которое хлещет дождь, и слушать, как гудит и шумит вековыми вершинами тайга? Всё равно сейчас ничего предпринять нельзя.

— Давай спать, Сергей. Утро вечера мудренее.

Серёжа снова забрался в постель. Но сон не приходил. Разные думы лезли в голову: воспоминания, мечты, дела прошедшего дня. Какая-то занозинка неприятно саднила в сердце. Какая заноза? Откуда? Отчего? Утро сегодня было хорошее. Рано, на заре, они с отцом ездили на покос, привезли клеверу. Росистые охапки были очень тяжёлые, но зато какой воз они навалили, весь розовый от цветов! Сам бы ел такую траву!

А что потом?

И потом было хорошо. Ходили с Толей фотографировать срезку пантов. А потом Богатырь пришёл на его рожок, и приезжая девчонка Светлана видела это.

Ах, да, Светлана... Вот тут занозинка. Вечером девчонки сидели на терраске и болтали. То и дело слышалось толино имя — Толя, Толя... Да, конечно, с Толей ни один парнишка в совхозе не сравняется. Он и в тайгу с отцом ходил, и стрелял из отцовского ружья, и верхом ездить научился: его отец — объездчик и ему иногда свою лошадь даёт. А как выступает! На каком хочешь собрании может речь произнести! И собой Толя — что говорить! — красивее всех из ребят. Не то что скуластый Серёжа со своим носом бабкой...

Ну, хорошо. Пусть так. Пусть Толя всем взял, и в жизни он будет какую-нибудь большую работу работать. Может, и орден получит. Пусть так. Но неужели Толя один все дороги займёт? Неужели если Толя такой герой, то ему, Серёже, уж и ни успехов, ни интересных дел, ни открытий какихнибудь в жизни не достанется?..

Неправда! У Толи своя дорога, а у Серёжи своя. Может, Толя будет управлять ну... всей областью. А Серёжа будет с маралами. Он будет приручать их, одомашнивать. Он будет изучать панты и всё, что из них делают. И он, может быть, потом про это про всё напишет книгу...

А может, займётся лимонником. Очень интересное растение — лимонник! Идёт охотник по лесу, или зоолог, или ещё какой человек, устанет, выбьется из сил. Тогда он садится, разводит костёр и кипятит чай из лимонника. Выпьет кружку — и снова он бодрый и снова может идти, двигаться, делать своё дело. Вот что такое лимонник. Химики уже занимаются им. Может, и Серёжа возьмётся за это и какое-нибудь открытие сделает.

А то ещё жень-шень... Везде на научных станциях уже сажают плантации жень-шеня. Говорят, похуже дикого получается. А может, Серёжа начнёт изучать, как и где растёт дикий жень-шень, и создаст саженому точно такие же условия, и у него жень-шень вырастет таким же драгоценным, как те редкостные корни, которые люди находят в тайге.

Да мало ли дел найдётся у них здесь, в Приморье!

А Светлана пусть глядит на одного Толю Серебрякова. И все пусть глядят только на него одного и только про него говорят. Серёже этого ничего не нужно...

Так успокоил себя Серёжа и уснул. А занозинка в сердце осталась. Ну и пусть осталась. Пусть сидит там, о ней знает только Серёжа. И не узнает больше никто и никогда.

Ветер гулял по совхозной улице. Домики словно прижались к земле, испугавшись бури, и закрыли глаза. Ни одно окно не светилось, только лампочки на столбах жмурились и мерцали, словно пытались разглядеть что-нибудь сквозь дождь.

Лишь в одном домике, возле кладовых, горел огонь. У кладовщика Телёнкина сидели гости. Гости эти были случайные. Шли по своим делам биологи с научно-исследовательской станции. Недалеко от совхоза их застала гроза, и они остались ночевать.

Это были знакомые люди. Один — молодой практикант Саша Боровиков. Другой — научный сотрудник станции шутник и балагур Борис Данилыч Шляпников. Они сидели с гостеприимным антоновым отцом за накрытым столом и без конца вспоминали и рассказывали разные истории и необыкно-

венные случаи из своей бродяжьей таёжной жизни... Рассказы порой были страшные, но больше весёлые и смешные. Хозяйка, мать Антона, сначала всё прогоняла их всех спать, а потом и сама уселась с ними за стол и смеялась так, что даже охала и стонала от смеха и всё повторяла:

— Ну и шут вас возьми! Ну и чудаки-рыбаки!

Антон давно поужинал. Мать накормила его кашей, творогом и молоком и велела лечь спать. Послушный Антон сейчас же улёгся. Но как же он мог уснуть, если в соседней комнате шли такие интересные разговоры!

Плотный ужин, тёплая постель, шум дождя за окном — всё нагоняло неодолимую дремоту. Однако Антон сопротивлялся, он слушал, приподняв голову над подушкой... Но, послушав минут пять, падал на подушку, побеждённый сном. Так и мешались сны и рассказы, а где сон, где рассказ, Антон уже и не пытался разобрать. То шла речь о медведе, который ловил лапой крупную рыбу сёмгу. На перекате вода мелкая — вот тут он её и хватает. Рыбу съест, а хвост и голову бросит. А то ещё видели, как медведь на речке баловался, сначала шлёпал лапами по воде, смотрел, как взлетают брызги, а потом уткнулся носом в воду и давай бурлюкать, вот как маленькие ребятишки делают, когда не хотят пить молоко...

А другой раз сядет бурый где-нибудь на сопке, подопрётся лапой, глядит куда-то вдаль и думает. О чём думает? Ну, человек и человек...

И вот Антон уже видит этого медведя.

«О чём ты? — спрашивает он. — Скучаешь, что ли?»

Медведь повернулся к нему, поглядел:

«Да, скучаю. Зима скоро...»

Антон вздрогнул, протёр глаза. Вот ещё — медведь приснился... А разговор за столом идёт уже о каком-то домике в лесу, о каком-то лабазе.

— ...Недели три мы там прожили, — рассказывает Борис Данилыч, — пернатых изучали, записи вели. Так за эти три недели наш Саша ухитрился приучить птиц, — ну, прямо стаями вокруг дома с утра до ночи птицы кружатся...

— Опять вы, Борис Данилыч! — жалобно отзывается Саша. — И когда уж вы про это забудете!..

Но голос матери с живостью прерывает его:

— Ну, ну, Борис Данилыч, и что же?

— Харчей им не напастись было, — негромко продолжает Борис Данилыч. — Другой раз придёшь обедать. А обеда нет — всё птицам скормил! А птицы все тут были: и сойки, и сороки, и щеглы, и горлицы...

И уже речь его не слышна: шелест крыльев заглушает её. Антон видит солнечное крылечко, а на крылечке стая птиц: рябенькие, красногрудые, с лазоревыми перьями на крыльях... Щебечут, стрекочут, перекликаются... И все клюют корм. А на крыльце сидит Борис Данилыч, держит в руках лесную сизую горлинку и красит ей шейку лиловой краской, а крылышки красной.

Дружный смех разбудил Антона.

— Вот Саша и поймал её. «Товарищи! Новый вид горлинки! Это я открыл!» А мы тоже смотрим и будто удивляемся: «Что за дивная горлинка у нас появилась?» Дня через три прихожу — Саши нет. Достаю ключ — он у нас всегда около двери, под крышей висит. Открываю. На столе записка: «Презираю!!!» — с тремя восклицательными знаками. А перед этим дождь прошёл, лиловая-то краска — чернила это были — осталась, а красная с крыла почти вся смылась. Ну, он и догадался!..

Все засмеялись снова. Но Антон, как ни старался понять, о чём шёл рассказ, так ничего и не понял. Он подложил руку под щёку и сладко уснул.

Всю ночь гудела тайга, раскалывалось над нею небо и с грохотом обрушивался на неё дождь. Но с рассветом внезапно всё утихло, будто и не было ничего, будто сопкам и лесу всё это приснилось душной и тёмной июльской ночью. Тучи умчались в ущелья Сихотэ-Алиня. В тайге поднялся белый туман — предвестник погожего дня. Деревья, как призраки, стояли неподвижно в густом мареве, словно отдыхали от ночной тревоги.

Вышли маралы из-под навесов, из-под густых крон, из зарослей, где спасались от дождя и бури, замелькали, как тени, осторожные, бесшумные... А когда загорелась заря и туман рассеялся, что-то неожиданное, что-то новое увидели они в парке. Огромный тополь, который стоял у изгороди, рухнул. Он давно уже сгнил изнутри и только ждал бури, чтобы упасть. Тяжкий неохватный ствол с грубой рубчатой корой обрушился на изгородь и повалил её. Широкий выход открылся из парка в глухие, зелёные, ещё нехоженые долины, полные свежести и просторов...

Несмело, принюхиваясь, подошли маралы к пролому. Тайга позвала их. Этот зов диких распадков и весёлых вершин, гремящих ручьёв и привольных пастбищ, зов бестропья, безлюдья, зов свободы острее всех почувствовал выхоженный людьми Богатырь. Он всё забыл: и корм, который брал из человеческих рук, и песенку серёжиного рожка, и навесы, спасавшие его от ливней и буранов... Он забыл всё и первым, перешагнув через упавшую изгородь, скрылся в тайге.

А за ним, перегоняя друг друга, ушло из парка и всё стадо.

Рано утром прискакал объездчик Андрей Михалыч Серебряков из парков прямо к директору. И сразу, будто по телеграфу, всему совхозу стало известно, что из шестого парка ушли маралы. Совхоз зашумел. Забегали рабочие — кормачи, варщики, приёмщики пантов, объездчики... Директор Роман Николаевич приказал всем немедленно садиться на лошадей и спешить в тайгу на облаву. Поспешно собирали заплечные сумки: в тайгу нельзя уходить с пустыми руками. Котелок, спички (обязательно спички!), нож, кусок хлеба и ещё какой-нибудь еды на всякий случай, если придётся задержаться в тайге.

Андрей Михалыч забежал на минутку домой. Его жена Евдокия Ивановна, толстая, рыхлая, ещё полусонная, открыла ему дверь.

— Как ты топаешь! — поморщилась она. — Ребёнок спит...

— Весь совхоз на ногах, а «ребёнок» спит! — рявкнул Андрей Михалыч. — Анатолий!

Толя открыл глаза.

— Ты что, разве не слышишь, что в совхозе тревога?

— Ну, а ему-то какое дело? — возразила Евдокия Ивановна. — Что это ты, Андрей Михалыч, со своими зверями никому житья не даёшь? Что он, загонщик, что ли? Или рабочий в совхозе?

Но Андрей Михалыч не слушал её.

— Собирайся. Маралы ушли! — приказал он Толе, взял своё ружьё и полевую сумку, которая всегда была у него наготове.

— Куда это ему собираться? — рассердилась Евдокия Ивановна. — Ещё чего? Рад совсем замучить ребёнка!

Но Толя не ждал, когда ему скажут второй раз: отец не любил повторять сказанного. С сожалением оставил он тёплую постель. Собраться надо было

быстро, быть готовым прежде, чем отец его снова окликнет. Мать смотрела, как он одевается, как спешит, не попадая в рукава, как преодолевает дремоту... Подавала ему ботинки, рубашку. И, не переставая, ворчала:

— И что за характер у человека! Сам покоя не знает и другим не даёт. И чего он каждый раз мальчишку за собой тащит? Загонял совсем!

— Готов? — прогремел Андрей Михалыч, заглядывая в комнату.

— Готов! — торопливо ответил Толя, натягивая старые ботинки на резиновой подмётке. Эти ботинки он надевал только в тайгу: туда в хорошей обуви не пойдёшь.

— Отправишься с рабочими, пешком. Будешь помогать в засадах. Да не мешкай!

— Нет, папа! Я сейчас!.. — ответил Толя.

Мать глядела на Толю жалостливыми глазами. Была бы её воля, она бы уложила Толю в постель: ведь ещё такая рань! Потом, выспавшись, они сели бы вместе пить чай. Потом Толя почитал бы книжку, поиграл бы с ребятами в волейбол, сбегал бы искупаться... Ведь каникулы у ребёнка.

Но жизнь направляет отец. Твёрдая рука у Андрея Михалыча. Ни в чём его не переспоришь!

Толя оделся, мимоходом заглянул в зеркало и поправил кепку, надев её на брови и набок: ему казалось, что так у него более отважный вид. Он смелый охотник, закалённый таёжник. Всё. Толя затянул потуже свой широкий ремень и пошёл.

— Подожди! — Евдокия Ивановна схватила его за плечо.— А что же ты с собой ничего не берёшь? Куртку надень!

Толя отмахнулся:

— Сейчас солнце пригреет — на что мне куртка? Таскать её в такую жару.

— А поесть?

— Ну, отец взял же...

— И ты возьми!

Мать достала из кухонного шкафа кусок белого хлеба, намазала его земляничным вареньем — только вчера сварила это варенье!

— Ну, куда я возьму? В руках буду носить?

— А вот отцову полевую сумку возьми!

Она сняла со стены жёлтую полевую офицерскую сумку на длинном ремне, оставшуюся у отца после войны. Сунула туда свёрток с хлебом и подала Толе. Толя вскинул ремень через плечо и выбежал на широкий совхозный двор, где уже собрались рабочие.

«Серёжка, небось, спит, — подумал он, — а тут вскакивай, беги...»

6

Дороги, домики сотрудников, белые заборы панторезных загонов, сушильный сарай со сквозными ребристыми стенами — всё было облито розовым светом зари. Весёлое утро сразу отогнало мрачные мысли и рассеяло досаду.

«Спят! — уже презрительно подумал Толя.— Ребятишки!»

Но тут же от изумления широко раскрыл глаза. Серёжа Крылатов стоял в толпе рабочих с маленьким, защитного цвета мешком за спиной, в грубых сапогах с короткими голенищами, в стареньком пиджаке, подпоясанном ремешком, готовый к походу. К поясу у него был привязан котелок, через плечо и грудь перекинута сложенная кольцом верёвка-аркан. А на шее, как всегда, краснел его старенький пионерский галстук.

— И ты? — чуть снисходительно сказал Толя, осматривая его снаряжение.

— А как же? — хмуро и озабоченно ответил Серёжа.— Ведь из нашего парка-то маралы ушли.

— Из шестого, — встрепенулся Толя, — и Богатырь?

— Да, видно, и Богатырь.

— Послали на выставку! Поздравляю! А чего смотрели рабочие? А твой чего отец смотрел?

Серёжа промолчал. Ни рабочие, ни отец его не могли знать, что тополь, стоявший здесь с тех пор, как стоит совхоз, и до совхоза стоявший много лет, упадёт и сломает изгородь. Но объяснять этого не хотелось. Толя и сам знает, что зря говорит! Просто берёт его досада из-за Богатыря.

Да и чего тут говорить, спорить, разводить какой-то вздор! Ушёл лучший марал, ушёл серёжин любимец. Где взять другого с такими рогами? Хороших пантачей немало, так ведь они все уже комолые!

Жалко и отца: он будет очень расстраиваться, если не найдут и не загонят Богатыря. Да и обидно: как же это он мог уйти? Ведь его здесь спасли от смерти! Ведь он ел хлеб из серёжиных рук, ведь Серёжа утирал ему слёзы, когда тот лежал совсем беспомощный и плакал от боли! И вот ушёл. А Серёжа надеялся, что этот марал к нему привык, что он к нему даже как-то привязан. А вот же нет! Зверь так и остаётся зверем!

Разбуженные переполохом, вышли из домика завхоза биологи. Саша Боровиков был молчалив, ему хотелось бы ещё поспать. Но Борис Данилыч весело и бодро поглядывал вокруг своими острыми медвежьими глазками. Погладив аккуратную круглую белокурую бородку, он оглянулся кругом.

— Эко утречко! А? В три жизни жил бы, и всё бы мало!

— Вы-то куда? — попробовал удержать его гостеприимный кладовщик Телёнкин.— Вам маралов не ловить.

— А нам другую живность ловить: птиц, жуков, змей, если хотите...

— Ну, этого мы не хотим! — засмеялась мать Антона.— Такого добра нам не нужно!

Антон услышал разговор, вскочил с постели и подбежал к окну. Биологи уходят... Эх, жалко! Но что такое во дворе? Почему народ собирается? Что случилось?..

Среди рабочих он увидел Толю и Серёжу. И тотчас принялся искать свои штаны и рубашку: Антон никогда не помнил, где он их оставил, ложась спать.

Верховые первыми умчались в тайгу. Вслед за ними тронулись рабочие совхоза — пешие отряды.

— А вы пойдёте за мной, — сказал ребятам кормач Иван Васильевич, — не шуметь и не отставать.

Серёжа и Толя молча шагали по тропке за Иваном Васильевичем. В тайге покрикивали бурундуки. Начала куковать кукушка. Изредка задетая ветка осыпала густым дождём голову и плечи. Толя вздрагивал, сердился. Его холстинковая рубашка сейчас же намокла и прилипла к плечам. А Серёжа даже не замечал этого дождя: старый пиджачок промокал не скоро. Да если бы и промок, Серёжа не заметил бы. Он смотрел в заросли, не отрывая глаз, — не мелькнёт ли где бурая спина, не прошумят ли в листве светлосерые ветвистые панты.

Шли осторожно, прислушиваясь, приглядываясь. Вдруг сзади, на тропе, послышались чьи-то шаги, кто-то бежал, задевая ветки, топая и спотыкаясь. Кто же это бежит так неуклюже и шумно?

На тропке показался Антон. Он пыхтел, щёки и уши его раскраснелись. Куртка была распахнута,

ворот рубашки расстёгнут. За плечом, стуча по спине, подпрыгивал туго набитый школьный ранец.

— Антон! — удивился Серёжа.— И ты?

— Ага,— ответил Антон,— и я... Эта... как её...

Толя, увидев Антона, нахмурил тонкие брови и по-отцовски сверкнул синими глазами.

— В чём дело,— строго спросил он,— кто тебе разрешил?

Антон поглядел на него кротким телячьим взглядом.

— Ну, Толя... Ну, я... а? Я тоже помогать буду. Я тоже загонять... эта...

— Эта, эта! Ты не загонишь, а только распугаешь. Да ещё и сам потеряешься. Ищи тебя тогда!

— Я эта... с тобой.

Толя смягчился.

— А если я сам заблужусь, тогда что?

Антон заулыбался и стал похож на румяный колобок, убежавший от бабушки и от дедушки.

— Ну и что? А заблудишься — пропадёшь, что ли? Ну и я с тобой не пропаду. Вот и всё дело.

Толя скрыл улыбку и пошёл вперёд, проворчав:

— Всё дело, всё дело! Нянчись там с тобой.

Серёжа был рад, что Антон тоже пошёл с ними в тайгу. Народу больше — веселее, и Богатыря скорей найдут. И что с Антоном нянчиться? Да и где ж там нянчиться? Не ночевать же они идут в тайгу!

Облава широким кольцом развернулась по лесу. Старые кормачи знали, что маралы, привыкшие к паркам и кормушкам, не уйдут далеко. Так и случилось. Маралы паслись на склонах ближайших сопок, то там, то здесь мелькали их темнобурые, с жёлтыми подпалинами спины. Увидев людей, они настораживались, сбивались в кучки, убегали. Они и не подозревали, что, убегая, возвращаются из тайги в совхозные парки, за высокую изгородь.

Маралов гнали, сбивали в стадо, тихонько пугали из кустов, выгоняя на дорогу. По тайге слышались голоса, крики.

Иван Васильевич шёл, не оглядываясь на ребят.

— Всех не загнать! А, папаня?— крикнул Серёжа отцу, скрывшемуся где-то впереди, в густых зарослях.

— Загоним,— отозвался отец. Голос его слышался уже где-то далеко на сопке.— А не загоним — молодые подрастут! Глядите там, не зевайте.

— Да, подрастут,— совсем расстроенный сказал Серёжа,— а Богатыря-то нету!

— Что из того, что подрастут? — согласился Толя.— На выставку-то сейчас посылать надо!

Серёжа не дал договорить. Он вдруг, раскинув руки, задержал на тропе товарищей.

— Он...— голос у Серёжи дрогнул,— мой... наш...

Из чащи, подняв красивую рогатую голову, глядел на них Богатырь.

— Заходи!— скомандовал Толя шёпотом.— Окружай!

Ребята бросились в чащу, стараясь обойти марала.

Богатырь стоял, будто не зная, бежать ли ему туда, куда гонят его ребята, или повернуться и уйти ещё дальше, в неизвестное приволье.

— Богатырь... Богатырь...— ласково звал его Серёжа.— Что ты, милый... домой пойдём, Богатырь...

Богатырь поводил ушами. Голос был знакомый, хороший голос, добрый. С этим голосом связано успокаивающее поглаживание по спине, солёные куски хлеба... Может, всё-таки пойти на этот голос?

Неожиданно что-то звякнуло. Марал вздрогнул, всхрапнул, замотал рогами и в три прыжка исчез в густом подлеске.

— Кто спугнул? — гневно закричал Толя.— Кто?!

Ребята вышли на поляну.

— Это не я,— торопливо ответил Антон.— Эта... Эта... сумка у меня, эта...

— Не ты? Сумка твоя? — Толя замахнулся.— Вот как дам сейчас по этой твоей сумке!

— Ребята,— взмолился Серёжа,— догоним его!..

Серёжа мгновенно забыл наказ отца не отставать, держаться рядом. Как он мог сейчас помнить об этом? Он увидел Богатыря — разве можно упустить его? Не оглянувшись на ребят, он бросился за маралом в чащу.

Толя погрозил Антону кулаком и побежал за Серёжей. Антон чуть помедлил, посопел. Может, вернуться на тропу? Но тут же, откинув эту мысль, пустился догонять товарищей, пригнув голову и придерживая рукой жёсткую, набитую припасами сумку.

Продравшись сквозь заросли малины и орешника, ребята вышли на полянку. Неясное очертание марала мелькнуло и исчезло за ёлками.

Серёжа в азарте кинулся в ельник. Богатыря не было. Он тихо позвал его, прислушался. А может, то и не марал был? Может, белка, прыгнув, раскачала ветки?..

— Надо найти следы,— решил Серёжа,— и тогда — по следам...

Он обошёл ельник, вернулся на полянку. Толя уже сидел здесь на стволе упавшего дерева, обросшего грибами и мхом. Он поглаживал большую царапину на голом колене. Сквозь разорванную рубашку выглядывало плечо.

Около него, с облегчением сбросив свою сумку, сидел на траве, привалившись к стволу, Антон. На лице его сияла радость: наконец-то он может посидеть, наконец-то набитая сумка не стучит по спине. И куда торопиться? Стадо всё равно загонят, а Богатырь всё равно ушёл...

Серёжа, внимательно разглядывая траву, медленно побрёл по зелёной, нехоженой полянке. Он ещё надеялся найти следы пробежавшего где-то здесь Богатыря.

— Эх, и ободрался же я!— сказал Толя, поглаживая коленку.— Саднит — терпенья нет.

— А ты эта... послюни,— посоветовал Антон.

Толя послюнил.

— И рубашку разорвал,— продолжал он,— вот она, тайга-то. Не шутки. Надо на тропу скорей выходить, нечего тут... Хорошо хоть, девчонки не увязались!

— А почему ты думаешь, что не увязались? — вдруг раздался катин голос.

Толя от неожиданности чуть не свалился с валежины.

На другом конце дерева, на изогнутом его корне, сидели, держась друг за дружку, Катя и Светлана. Светлана иронически-спокойно выдержала его взгляд. А Катя заливисто, от всей души, рассмеялась.

Антон вытаращил на них круглые глаза.

— Откуда же вы... эта?.. Как её?

— А вот оттуда! — задиристо ответила Светлана.— Вы должны маралов загонять, а мы нет? Ага?

— Загонщики!— проворчал Толя, стараясь не показать свой разорванный рукав.— Кого загонять-то? Богатырь ушёл — найди вот его!

Серёжа, издали посмотрев на девочек, незаметно улыбнулся. Значит, Катя не спала, значит, она тут же вскочила и побежала за ним следом в тайгу. А Светланка, конечно, тотчас за ней увязалась. Что это у неё? Папка для растений? Ага, гербарий в тайге собирать решила!..

Улыбнулся и ничего не сказал. И тут же он увидел на влажной несмятой траве след марала, отчётливый след, пересекающий поляну.

— Нашёл!— закричал Серёжа.— Вот он тут был! И побежал туда, куда уходил след,— в густой подлесок, перевитый актинидиями, крепкими лианами с пышной листвой.

Толя вскочил. Ему было досадно, что Светлана увидела его исцарапанным и ободранным, и ещё досаднее, что не он нашёл след марала. Почему этот Серёжка всюду суётся? Толя и сам бы нашёл. Посидел и нашёл бы. А ему всё надо первым!

И, стараясь скрыть досаду, Толя закричал:

— За мной! По следу!

Толя поднял руку, ещё раз прокричал «За мной!» и бросился в чащу, как бросается полководец в битву. Антон, Катя и Светлана побежали за ним.

И никто из этих азартных загонщиков не подумал о том, что тропа осталась где-то далеко и что давно уже не слышно ни голосов загонщиков, ни рожков. На минутку задумался об этом только один Антон.

«Уходим и уходим. А как обратно?» Но тут же и успокоил себя: «А Толя? Толя с нами — выведет». И весело побежал вместе со всеми, придерживая рукой стучащую по спине сумку, вглубь тайги, в зелёные весёлые заросли, залитые солнцем.

Иногда откуда-то издалека доносился голос Ивана Васильевича, он кричал что-то, может, окликал ребят... Но им некогда было отвечать: пока кричишь, Богатырь совсем уйдёт.

7

А в тайге шла своя обыденная жизнь.

На большой могучей черёмухе, словно огромная нелепая птица, сидел чёрный с белой грудью гималайский медведь. Он обламывал ветки, объедал ещё незрелые горчайшие ягоды, чавкал от удовольствия. Съел ягоды — ветку подложил под себя. И потянулся за новой, за той, на которой было погуще ягод. Пустых, объеденных веток под ним была уже целая охапка, и медведь сидел, будто в гнезде.

В полуденном зное цвела, дышала полутропическая уссурийская тайга. Крупнолистые дубы, прямые, как мачта, поднимали к облакам широкие кроны. Стройные светлосерые стволы бархатного дерева нежно голубели в тени торжественных кедров и широких отцветающих лип. Живописные диморфанты красовались веерами своих вырезных листьев. Дикий виноград, актинидии, лимонник висли на ветках деревьев, спускались гирляндами со старых ёлок, переплетали подлесок... Пышно цвела нежнолиловая безароматная уссурийская сирень.

Влажно и жарко дышала земля.

Весёлые бурундуки хлопотали на орешниках, звонко перекликаясь. Ходила по вершинам белка. Стадо кабанов нежилось у ручья на влажном глинистом бережку. Мелькали, как жёлтые тени, косули, карабкаясь вверх по базальтам.

И где-то в заповедной глуши, в недоступных местах отдыхал полосатый рыжий уссурийский тигр...

Медведь уложил уже два гнезда на черёмухе, собрался перелезть на третий сук. И вдруг застыл, не донеся до рта ветку. Маленькие глаза его забегали, сверкая белками. Уши встопорщились.

Из чащи выбежал марал. Почуя медведя, марал ринулся обратно и мгновенно исчез. Медведь потащил было ветку, но опять застыл и засверкал белками: по тайге шёл человек.

— Вот его следы! Вот они! — закричал Толя, выбегая вслед за маралом.— Ребята, за мной!

Медведь мешком свалился с дерева и бесшумно скрылся в кустах.

Толя увидел черёмуху, усаженную «гнёздами».

— Медведь...— прошептал он.

И вдруг закричал зазвеневшим голосом:

— Ребята! Где вы?

— Мы здесь! — отозвался Серёжа, выбегая к Толе.— Где след?

— Тише! Спокойно! — Толя, подняв руку, остановил ребят.— Здесь где-то медведь... Ветки свежие — недавно ушёл...— И показал Серёже «гнёзда» на дереве.

— Да это же такой... невредный! — начал было Серёжа.

— Невредный! — перебил Толя.— А ты почём знаешь?

— Он же людей не ест...

Толя рассердился:

— Без тебя известно, что не ест. Ну, а мало ли что ему в голову придёт? Кабы у нас ружьё было... А так палкой, что ли, драться с медведем? Ты, Сергей, прямо как маленький!

Светлана, а за ней и Катя подбежали к ребятам.

— Где медведь? Ой, где? — испугалась Светлана

— Где медведь? Ой, где? — испугалась Светлана.

и, схватив Катю за руку, начала оглядываться во все стороны.

— Где медведь? — словно эхо, повторил Антон.

— Да вот только что на черёмухе сидел.— Толя небрежно кивнул головой в сторону черёмухи, усаженной медвежьими «гнёздами».

Светлана вздрогнула и прижалась к Кате. Кате тоже стало не по себе. Она широко раскрыла испуганные бархатные глаза и закусила губу.

Ребята постояли, послушали. В тайге было тихо.

Толя провёл рукой по вспотевшему лбу, поправил кепку. То же самое, глядя на Толю, сделал Антон.

Катя вдруг засмеялась:

— Толькино зеркало!

Катин смех прозвучал так неожиданно и весело, что лесные страхи сразу исчезли.

Толя улыбнулся:

— Что, испугались медведя? А я гляжу: поддадутся панике или нет? Ну, так и есть, девчонки задрожали. Эх, вы!

Толя ещё раз оглянулся на черёмуху и пошёл в сторону от неё.

— А Сергей-то меня успокаивает! — продолжал он весело.— «Он не вредный, он не вредный!» Будто я сам не знаю, что этот чёрный одни ягоды да жёлуди жрёт!

Серёжа задумчиво посмотрел на Толю и опустил ресницы. Ему стало неловко. Да, вот уж взялся Толю успокаивать, как будто Толя и в самом деле мог испугаться. Зато и остался в дураках. Его щёки и уши медленно и горячо покраснели.

— Вот Тольян! — засмеялся Антон.— Разыграл нас!

— А пока разыгрывал, марал совсем скрылся! — сказала Катя.— Где он теперь?

Серёжа нахмурился.

— Он здесь где-нибудь, далеко не уйдёт. Стоит где-нибудь за кустом, бродяга! Пошли, ребята!

— А куда? — спросил Антон.— Разве мы знаем?..

Толя оглянулся на него:

— Если ты не знаешь, так и никто не знает?

— Очень просто,— сказала Катя,— если медведь ушёл туда,— она махнула вправо,— нам надо сюда,— она махнула влево и поглядела на Толю.— Правда же?

— А ты видела, куда ушёл медведь?

Катя смутилась. Ведь и правда, они даже не видели, вправо или влево ушёл медведь.

Толя подошёл к черёмухе. С одной стороны была содрана кора и поломан кустарник, растущий рядом. Толя махнул рукой.

— Ребята, за мной!

Он уже знал, куда пошёл медведь.

Ребятам не раз приходилось бывать в тайге. Они знали тайгу и побаивались её. Но сегодня день был такой весёлый, так радостно всё цвело в лесу, будто они вышли в какой-то невиданный сад. И чем дальше шли, чем выше поднимались на сопки, тем богаче красовались сиреневые и жасминовые одетые цветами кусты...

Светлана совсем притихла. Она глядела вокруг изумлёнными и счастливыми глазами. Как хорошо в тайге! Можно с утра до ночи так бродить по лесным полянам, по солнечным склонам и прохладным распадкам...

— Ребята, следите за клещами,— предупредил Толя,— вот на меня один уже забрался...

Он щелчком сбил с рукава серого проворного клеща.

— А я уже трёх сбросила,— сказала Катя.

Светлана испугалась:

— Где клещи? Какие клещи?

— А вот же по тебе эта... бежит,— Антон показал ей на маленького серого клеща, который бежал вверх по подолу её платья.

Светлана завизжала и растопырила руки, боясь дотронуться до клеща, такой он был противный, такой отвратительный! Она визжала и кричала, а клещ между тем бежал всё выше по платью.

— Ну, чего ты? — спокойно и грубовато сказал Серёжа. Он снял клеща и раздавил его.— Вот и всё. Чего их бояться? Только гляди, чтобы не впиякались. А так — что же они? Пустяк.

— Да, пустяк,— возразила Светлана,— а вот же ещё один ползёт. Ай!

— Что ж ты всё и будешь визжать? — засмеялась Катя.— Их тут много. Не бойся. Сбрасывай их — и всё! Ну?

— Барышня в тайге,— иронически заметил Толя, не останавливаясь и не оглядываясь на Светлану.

— Ничего не барышня! — тотчас отозвалась Светлана. Она упрямо тряхнула головой, закусила губу и, содрогаясь от отвращения, сбросила с себя клеща.

— Ну чего ты? — сказал ей Антон.— Они эта... даже хорошенькие, если привыкнешь.

— Ой, Антон,— простонала Светлана,— только замолчи! Хорошенькие! Разве к ним можно привыкнуть?

— Ну, ещё как привыкнешь-то! — ответила Катя.— И замечать не будешь. Сбросишь — и внимания не обратишь!

Катя была права. Светлана очень скоро привыкла почти механически сбрасывать с себя клещей. Да и до них ли было! Светлана недаром взяла папку для растений. Отовсюду глядело на неё множество незнакомых ей трав и цветов.

— Вот какой-то беленький!.. Как он называется?

Это был нежный белый цветок. Ботаники почему-то дали ему грубое имя — по-латыни цинанхум, а по-русски — собакодав. Светлана была бы огорчена, если бы ей сказали об этом. Но, к счастью, никто из ребят не знал его названия. Светлана сорвала цинанхум, полюбовалась им и спрятала его в папку.

Её манили жёлтые и красные лилии с чашечками, полными тепла и света. Иногда среди солнечной тишины на полянке её останавливали дремлющие в полуденной жаре бледноголубые, густолиловые и почти чёрные ирисы...

В одном месте она задержалась и отстала от ребят, потому что долго отрывала от ствола большой бархатный яркооранжевый трут.

— Куда ты его,— уговаривала её Катя,— брось. Надоест таскать.

Но Светлана всё-таки оторвала трут и завязала его в фартук, потому что в папку он никак не влезал.

— Такого добра...— сказал Антон.— Они у нас тут, эта... на деревьях сколько хочешь растут.

— Ну, а у нас на домах не растут!

— Отстанешь — ещё раз ждать не будем,— предупредил Светлану Толя.— Мы за маралом пришли, а не за трутами твоими! Ребята,— вдруг закричал он,— вперёд! Там что-то рыжее мелькнуло!

Солнце тронулось за полдень. Гоняясь за маралом, ребята вышли на отлогий склон. Буйные заросли белого дудника скрыли их с головой: дудник на три метра поднимал от земли корзинки своих душистых соцветий.

— В какой лес мы попали! — с изумлением вздохнула Светлана.— Смотрите, над головой белые кружева, а сквозь них синее небо!

Над цветами вилось множество бабочек и жуков. Тут были и кирпично-красные бархатные перламутровки, у которых на крыльях сияло пятнышко, словно кусочек перламутра. И чёрные пяденицы с белыми глазками. И жуки-бронзовки... Один такой жук пролетел прямо над головой Светланы; он жарко сверкал под солнцем, будто это не жук летел, а до блеска начищенный кусочек меди.

— Серёжа, ты посмотри, какой, а? — Светлана погналась было за жуком.— Я поймаю... для школы...

Но Серёжа не обратил никакого внимания на жука. Он остановился и озабоченно оглянулся кругом.

— Толя, а как думаешь, мы далеко от дома?

— Да...— Толя сдвинул кепку, оглянулся тоже. Старые деревья тихо стояли, заслонив горизонт зелёными шапками. Густой подлесок теснился у их подножий. Белая долина кружевных дудников сбегала к распадку. А там снова начиналась чаща.

Антон, не дожидаясь, пока Толя решит, куда им теперь идти — дальше в тайгу или поворачивать к дому,— тяжело шлёпнул на землю сумку и так же тяжело сел на землю и сам.

— Уморился... Жара эта...

Он снял кепку, положил на траву. Снял курточку...

— Посмотрите,— прыснула Катя,— Антон на дачу приехал!

Светлана засмеялась тоже. Но Толя небрежно взглянул на него и нахмурился.

— Как же это мы ушли от тропы? Не понимаю.

— Мы давно ушли от неё,— заметила Катя.

Толя вдруг рассердился:

— Вот свяжешься с девчонками... И всегда так!

Катя с недоумением посмотрела на ребят. При чём здесь девчонки? Это ей показалось настолько нелепым, что смешинки так и запрыгали в её глазах. А Светлана слегка надулась. Всё девчонки да девчонки! Подумаешь! Вот сейчас придут домой, так она и не поглядит больше никогда на этого задаваку!

— Давайте покричим,— предложил Серёжа,— может, кто из наших отзовётся.

Ребята принялись кричать. Они кричали и все разом и вразброд — никто не отвечал им. Только слышно было, как лепечет на ветру осина и бурундуки изредка окликают друг друга.

Серёжа, не говоря ни слова, пересек поляну. Потом спустился вниз к распадку. И ещё раз, в другом месте, пересек поляну.

— Тропы нет,— сказал он, вернувшись,— и как это мы так далеко убежали?

— Тропы нет,— повторил Антон, будто не веря.— Как это — тропы нет?

— Потеряли тропу,— прошептал Толя, и тонкие брови его почти сомкнулись у переносицы.

— Что же теперь делать? — нахмурясь, спросила Катя.

— Ну, вот ещё — что делать,— спокойно возразил Антон,— а Толя на что? Тольян выведет. Только знаешь, эта... Тольян, давайте поедим, а?

Антон жалобно посмотрел на Толю. Толе и самому хотелось есть. Он достал из сумки свой кусок хлеба с вареньем и тут же, без оглядки, съел его. Ну и вкусный же оказался хлеб! А варенье — такого он и не едал никогда. Жалко, что мать положила один кусок, он и от второго не отказался бы!

Антон отошёл в сторонку, встал на колени перед своим ранцем и, стараясь, чтобы никто не видел, что у него спрятано там, вытащил кусок пирога с мясом и, отвернувшись, принялся не спеша жевать.

Светлана растерянно посмотрела на Катю.

— А я ничего не взяла...

Катя пожала плечами:

— Я тоже!.. Только вот яблоко...

У Светланы заныло под ложечкой. Сейчас же представился ей стол в саду у тёти Надежды, тарелки с супом, ломтики свежего хлеба, молоко... Она, закусив губу, посмотрела на Толю. Неужели ему и в голову не пришло поделиться с ней?

Но Толе, видно, и в самом деле это не пришло в голову. Он облизал пальцы, липкие от варенья, и сказал:

— Эх, хорошо, да мало!

Светлана отвернулась. Толя просто не замечает её!

— Сергей, а у тебя есть что-нибудь? — спросила Катя.

— У меня вот тут хлеб с солью,— Серёжа сбросил с плеча свой небольшой, тощий мешок,— будете? Вот ещё сало.

— Будем, будем! — закричала Катя.— Давай сюда! Светлана, подсаживайся!

Светлана замялась.

— Ну, у него же у самого немного!

— Сколько есть.— Серёжа отрезал им по ломтю от краюшки.— Может, только не понравится?

Он, не глядя на Светлану, пододвинул ей хлеб и сало, нарезанное дольками. Но Светлана всё ещё глядела в сторону, будто наблюдая, как солнечные лучи сквозят сквозь ветки, прорываются длинными пиками, вязнут в густой дубовой листве.

— Светлана, ешь живей,— Катя с набитым ртом дёрнула её за рукав,— вкусно до чего!

Светлана принялась за еду. Да, вкусно было, здорово вкусно — хлеб с воздухом, да ещё с салом! И откуда только Крылатовы берут такой хлеб!

— Толя, хочешь? — предложил Серёжа.— Съешь. Чёрный хлеб покрепче.

— Давай,— согласился Толя.

После еды стало веселее. Ранец у Антона стал полегче. Толе было досадно. И зачем он только взял эту сумку? Хлеб он съел. А пустая сумка будет теперь болтаться за спиной всю дорогу!

На дороге чибис,
На дороге чибис...—

тонким голосом запела Катя.

Он кричит, волнуется, чудак!—

подхватили Толя и Светлана.

Расскажите, чьи вы,
Ах, скажите, чьи вы...

Песенка весело полетела по тайге. Серёжа вторил мысленно; он пел только, когда его никто не слышал: у него совсем не было слуха.

...Ах, скажите, чьи вы
И зачем, зачем идёте вы сюда?..

Серёжа шёл сзади всех. Впереди — Толя. Он шёл, как покоритель неизвестных стран со своим войском. Ребята бездумно шагали вслед за ним. Анатолий знает, куда идти. А им зачем знать?

И только Серёжа, шагая сзади всех, старался проникнуть в мысли своего вожака: куда же всё-таки они идут? На что ориентируются?

— Папоротник цветёт! — закричала Светлана.— Смотрите, вот чудо! А говорят, он спорами размножается!

Светлана бросилась в заросли папоротника. Роскошные перистые листья поднимались ей до плеч. Среди их резной зелени ярко пылали красные бархатистые цветы. Да, конечно, это колдовской цветок папоротника, за которым ходил под Иванову ночь бедный Грицко. Но там, на Украине, он, может, цветёт только под какую-то Иванову ночь, а здесь вот, пожалуйста, рви сколько хочешь!

— Ай! — Светлана увязла, и туфли её тотчас налились водой. Под папоротниками таилось болотце.

— Назад! — сердито крикнул Толя.

— Подумаешь, назад! — задетая его тоном, ответила Светлана.— Мне для гербария нужно.

Она чувствовала, что её красивые жёлтые туфли гибнут и ноги вязнут всё глубже. Однако она дотянулась и сорвала цветок — красный, бархатистый, необычайно яркий, с четырьмя лепестками в форме мальтийского креста. Но что же? Этот цветок вовсе и не на папоротнике растёт. У него свой стебель, свои листья, маленькие листья гвоздики. Светлана покачала головой.

— Хитрый цветок! Ага! Это чтобы его в папоротниках заметнее было. Я понимаю, среди такой зелени тебя всякая бабочка увидит!

Но цветок был очень красив, и Светлана тут же бережно уложила его в папку.

— Не отставать,— напомнил Толя, не останавливаясь.

Катя подбежала к подруге:

— Давай руку, ну?! Завязла?

— Немножко,— прошептала Светлана. И, выбравшись, посмотрела на свои грязные, промокшие туфли.

— Эх, ты,— с мягким укором сказал Серёжа,— разве можно по тайге в таких туфлях ходить? Сапоги надо.

Светлана беззаботно махнула рукой.

— Вот ещё!

И снова ребята завели полюбившуюся песню, под которую так славно было шагать:

Ах, скажите, чьи вы,
Расскажите, чьи вы,
И зачем, зачем идёте вы сюда?!

А Серёжа опять вторил песне мысленно и в то же время думал с горечью: идут домой, а марала так и не нашли, не загнали. Богатырь-то ушёл. Ушёл его любимец, его выхоженный. Не захотел вернуться. Но на этом оставить нельзя. Все старые мараловоды говорят, что если марал попробовал хлеба, он не уйдёт далеко. Может, один из сотни уйдёт... А если этот и есть один из сотни?

Нет. Завтра они с отцом разыщут его и загонят. Нельзя, никак нельзя упустить такого марала!

Серёжа не знал, что совсем недалеко, привлечённый знакомым напевом — ведь именно эту песню играл Серёжа Богатырю, когда приучал его к кормушкам,— следует за ними Богатырь. Он шёл тихо, принюхивался, слушал, смотрел. И вдруг вышел на голый выступ базальта и остановился. Он стоял, освещённый лучами солнца, статный, красивый, и панты, налитые солнцем, сияли у него на голове.

— Богатырь! — ахнули все в один голос.

— Золотые рога! — изумлённо сказала Светлана.— Смотрите, у него золотые рога!

Богатырь исчез. Это было, как во сне. Только во сне может так появиться что-нибудь и так бесшумно и внезапно исчезнуть.

Несколько секунд ребята ошеломлённо глядели на базальтовый выступ. Синий базальт золотился по краям, солнце светило уже совсем косо.

— За мной! — крикнул Толя и побежал к базальтам.

Антон, громыхая ранцем, послушно бросился за ним. Девочки побежали тоже. Побежал и Сергей. Серёжа был счастлив, что увидел своего любимца и что этот любимец, видно, всё-таки не такой уж беспамятный. Ага! Вот ходит. Ходит же возле них, бродяга! Как бы подкрасться да заарканить его?

8

Богатырь ушёл, растаял в зелёном лесном сумраке, среди теней и оранжевых пятен заката. Сгинул. Пропал.

Потянуло вечерней сыростью. Где-то негромко хрюкнул кабан, взвизгнул поросёнок,— видно, стадо укладывалось на покой на влажной отмели ручья.

— Надо домой,— сказала Катя и вопросительно посмотрела на Толю.

— Или ночевать здесь,— сказал Серёжа.

— Как ночевать? — Толя нервно передёрнул плечами.— А дома что скажут?

— А дома что скажут? — как эхо, повторил Антон.

— За нас наши не испугаются,— ответил Серёжа.— Куда я пропаду? А если вам попадёт... Тогда что ж. Пойдём домой.

— «Попадёт»! Дело не в «попадёт»,—сказал Толя,—

а... мать будет беспокоиться. А потом — что же я? В одной рубашке. Холодно будет.

— А мы костёр разожжём,— сказала Светлана. Она шла сзади всех, мокрые туфли чавкали, соскакивали с ног, мешали идти. Она очень устала, ноги стали, как у человечка Буратино, деревянные какие-то. Зато ночевать в тайге, под звёздным небом, у костра!..

— Можно пионерский костёр устроить! Настоящий! Пионерский! — Светлана ликовала.— А что? Сравнить, что ли, как у нас? Поставят среди зала фальшивые дрова, электрические лампочки туда сунут, тряпочка какая-то трепещется — всё фальшивое! А вот в тайге, настоящий костёр... Ой, ребята! Давайте!

Серёже очень понравились её слова.

— Это здорово,— сказал он,— пионерский костёр!

потерял ориентацию и совсем не представлял, в какой стороне совхоз. Он устал, озяб. Царапины на руках и ногах саднило. Он жалел, что не послушался Сергея и не повёл ребят по распадку: ручей привёл бы к берегу моря, а по берегу придти домой легче. Может, остановиться, сказать, что они окончательно заблудились?

Да, сказать! Но он тотчас отверг эту мысль. Признаться ребятам, что он потерял направление? Сказать, что он не может их вывести из тайги? Сказать им это, когда они идут за ним так покорно и не сомневаются ни на секунду в том, что он их приведёт домой?

Нет уж. Будь, что будет!

— Ой! Ой! Падаю! — вдруг не своим голосом закричал Антон.— Спасите!

— Ай, спасите!— крикнула и Светлана, сама ещё не зная, в какую беду попал Антон.

— Давайте устроим! Давайте! — весело подхватила и Катя.— Выступать будем! Стихи читать, песни петь!

— Какой тут пионерский костёр, когда нам есть нечего! — сказал Толя.

— Нам есть нечего,— прогудел Антон.

— Ну, домой — так домой,— грубовато сказал Серёжа,— только вот как домой-то пройти?

— Тольян знает, как,— ответил Антон.

Катя, прищурив свои тёмные бархатные глаза, с затаённой тревогой оглянулась кругом. Лес... Лес... Лес...

— Толя, ведь правда, ты знаешь?

— Сейчас соображу.— Толя поглядел на небо.— Здесь запад. Нам надо на восток. Значит, туда. За мной, ребята!

— Зачем же в тайгу лезть? — остановил его Серёжа.— Вот же распадок. Слышите, там ручей. Вот и пойдём по ручью. Лучше не заблудимся.

— По ручью мы, может, к утру придём,— возразил Толя.— А прямиком — часа через два прямо к совхозу выйдем. За мной, ребята!

И он решительно зашагал вперёд.

Серёжа помрачнел.

— Заблудимся, пожалуй.

— Не беспокойся,— ответил Толя, не оборачиваясь,— я по тайге хаживал.

Темнело быстро. Сейчас только золотились верхушки деревьев, полосатые тени ложились через полянки, и стволы сосен горели густой киноварью... И вот уже погасло всё. Деревья сомкнулись, слились, почернели. Зажглись звёзды. Тайга встала стеной, загородила все выходы и проходы.

Ребята еле пробирались среди густого подлеска, неотступно следуя за Толей.

А Толя давно уже понял, что идёт наобум, на счастье — вдруг да набредёт на тропу! Он давно

Толя остановился.

— Что там такое?

Катя и Серёжа подошли к Антону. Оказалось, что он стал перелезать через огромную валежину и провалился в середину замшелого, давно прогнившего ствола. Серёжа подал ему руку и рывком вытащил его оттуда. Антон запыхтел и принялся отряхиваться.

— Вот теперь опять от матери попадёт... штаны, эта...

— Ну и скажи спасибо, что только штаны испачкал,— сказала Катя,— а то мог бы на змею попасть, они в пустых стволах живут.

Антон быстро подхватил свой ранец и отскочил от ствола. Но тут же споткнулся о какой-то жёсткий корень и снова грохнулся вместе с ранцем. Хоть и устали ребята, хоть и голод их донимал, но такой хохот подняли, что голые базальты отозвались эхом и далеко по тайге разнесли их весёлые голоса.

— Толя, вроде как дальше идти нельзя,— тихо сказал Серёжа, когда ребята умолкли,— девчонки устали.

— Я так и знал,— отозвался Толя,— с этими девчонками...

— Опять! Ты... ты просто не советский человек! — вдруг вскипела Светлана.— И никакой ты не пионер! «Девчонки! Девчонки!» Как будто девчонки не такие же люди!

— Всё? — осведомился Толя.— Ну, раз уж таким сердитым голосом заговорили, значит, придётся ночевать.

— Ну и будем ночевать. Вот эта... и всё,— поддержал его Антон, не вставая с земли: зачем вставать, если сейчас опять садиться?

— Надо место выбрать,— сказал Серёжа.

— А здесь чем не место? — спросила Светлана.

И Антон тут же повторил:

— Самое место. А чем не место... эта... как её?

— А тем, что тут воды нет,— ответил Толя,— надо в распадок спуститься, может, там ручей... Тише, ребята, прислушайтесь: вода нигде не журчит?

Постояли в тишине, послушали. Но не услышали воды.

После того как постояли, ещё труднее было двинуться. Труднее всех было Светлане: она натёрла ноги и устала до того, что, казалось, всё тело её сейчас распадётся на куски — и ноги отвалятся, и руки отвалятся, и голова оторвётся. Весь свой букет она давно растеряла. До цветов ли? Как-нибудь, куда-нибудь добрести — и лечь.

«Всё-таки хороший парень Сергей,— подумала Светлана,— сразу догадался, что мы устали. А тот — у, воображала! Вот только жалко, что Серёжа какой-то такой... Какой-то неразвитой. Идёт сзади да молчит. Сзади кто хочешь идти сумеет».

— Кать, ты устала? — шепнула она подруге, которая молча шла рядом.

Катя ответила неожиданно спокойно.

— Нет,— сказала она, будто ничего особенного в их жизни не случилось,— так себе.

— Кать, ты, может, железная?

— Нет, я таёжная.

Катя засмеялась громко, мягко, ласково. Её трудно было вывести из равновесия. Все события жизни она принимала с интересом и в каждом событии умела увидеть привлекательную сторону. Ну, устали. Ну, проголодались. А зато сейчас зажгут костёр, лягут спать под ёлками. А завтра, может быть, всё-таки отыщут и пригонят марала. И даже наверняка отыщут и пригонят.

— Кать, а мы тропу найдём? — ещё тише спросила Светлана.

— Ну, мальчишки-то? А как же! Ещё бы они не нашли! Солнце взойдёт — и найдут. Анатолька знает.

— Да ведь он с отцом ходил-то!

— Так ведь от отца и научился. Знаешь, какой у него отец? Самый лучший охотник у нас — Андрей Михалыч. Он в тайге, как дома. Вот и Толька в него. Ничего, найдёт.

Среди чёрной ночной тайги перепутались все пути. Впереди оказался Серёжа. Он шёл медленно, осторожно: под ногами и корни, и камни, и ямы...

Но вот он остановился и грубовато прикрикнул на ребят:

— Тише! Ну-ка!

Все затихли. И сразу стали слышны какие-то шорохи, шелесты. В тайге начиналась затаённая ночная жизнь. И среди этих шорохов и шелестов ребята услышали неясное журчание воды.

— Вода! — обрадовалась Катя.

— Вода? Мы нашли воду? — удивилась Светлана.— Вот какое нам счастье!

— Воды в тайге сколько хочешь,— сказал Толя,— даже надоест другой раз через эти ручьи перелезать. Так что ничего удивительного.

— Значит, тут будем разжигать костёр? — У Светланы как будто и усталость прошла.— Вот тут, под большой ёлкой?

— Давайте под ёлкой,— согласился Толя,— тут потише.

— Под ёлкой спать будем,— возразил Серёжа,— а костёр подальше. Ветки подпалишь.

— Ты, Сергей, что-то всё командуешь,— заметил Толя,— ступай лучше за водой, у тебя котелок есть.

Сергей молча повернулся и пошёл куда-то во тьму, где густо чернели кусты, сбегавшие вниз, в каменистый распадок.

Антон посмотрел ему вслед. Куда он пошёл? Может, там зверь какой?.. Вот если бы Антона послали, ни за что один не пошёл бы! Вишь, в какую черноту полез!

— Что, сучья собирать? — Светлану радовало, что всё сделалось так, как ей хотелось: настоящий костёр, в настоящем лесу! — Антон, ты уже уселся? Вставай! За сучьями!

— Хорошо,— сказал Толя,— собирайте сучья. А я расчищу место.

— Осторожней,— предупредила Катя,— берегите глаза, не наткнитесь.

Они с Серёжей не раз ходили за сучьями в лес, и мать всегда вот так же их предупреждала.

Серёжа, скользя и срываясь, спустился в каменистый распадок. Сквозь ветки глядела луна. Ручейка не было видно, но маленький бочажок тихо светился среди тёмных камней.

— Есть! — обрадовался Серёжа и почувствовал, что на душе у него отлегло. Он будто только сейчас понял, как он боялся всё время, что они в темноте не найдут воды.

И вдруг странная мысль пришла в голову: а что, если он один тревожился? Девчонки неопытны,— ну что с них возьмёшь? Они и в тайгу-то как следует не заглядывали. Антон — это просто Колобок, такой беспечный, всего на два года моложе их с Толей, а как маленький всё равно. На Толю надеется, а сам и думать ни о чём не хочет. Но вот Толя... Неужели и ему не приходило в голову встревожиться? А может, он тоже, как и Сергей, молчал?.. Да, конечно. Тревожился и молчал.

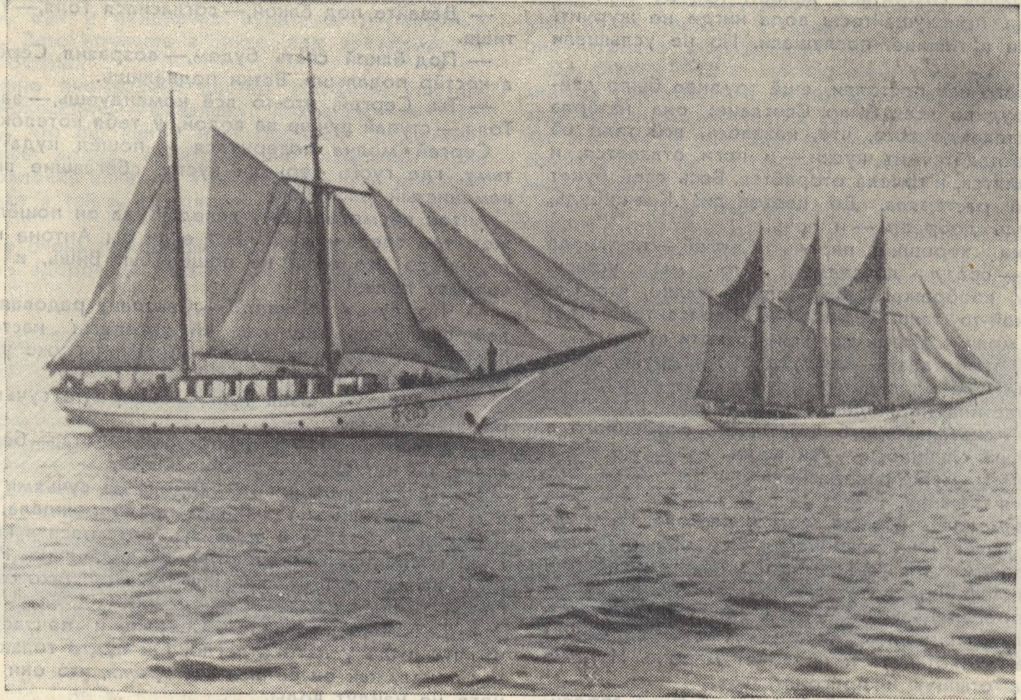
Этот вывод успокоил Серёжу. Всё-таки они двое — Толя и он. Вдвоём-то уж справятся, выйдут и ребят выведут. Только вот какой-то чудной этот Толя, гордый уж очень, хочет всё один. Ну, пусть ведёт один. А когда надо, Сергей поможет. Но Толя такой, что ему вроде как ничья помощь и не понадобится.

Бочажок светился на дне распадка. Тонкая струйка ключа чуть рябила воду, и в этой ряби дробилась звезда.

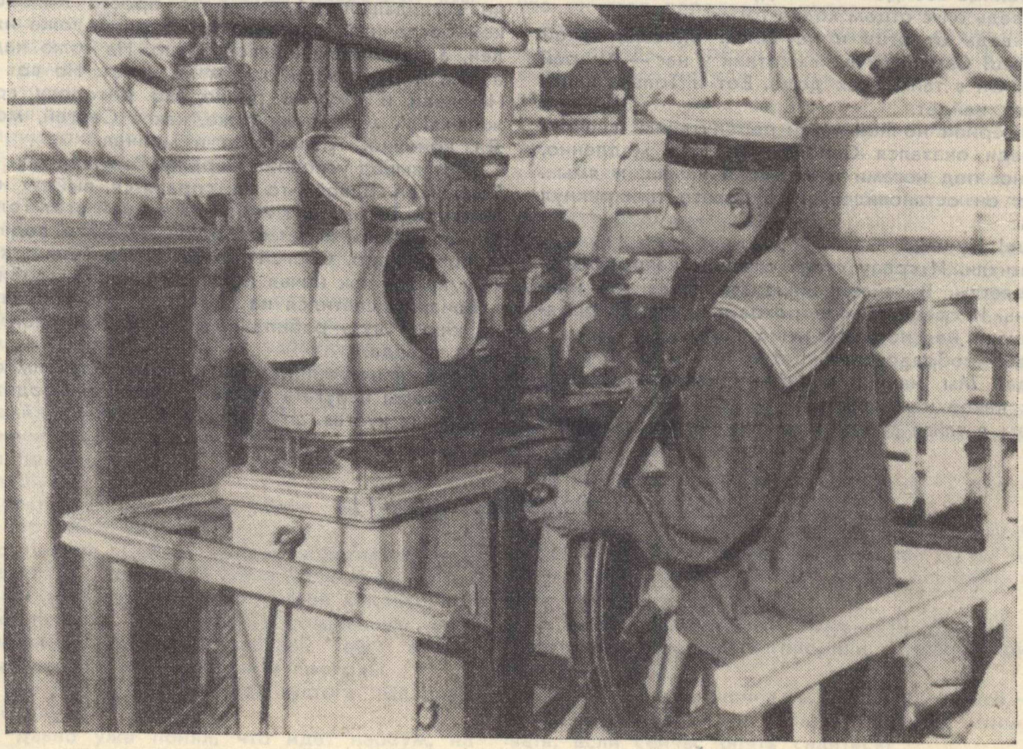
Серёжа поднял камень и, постукивая им о котелок, чтобы напугать зверей, если они бродят здесь в тёмных кустах. спустился к бочажку.

(Продолжение следует)

БУДУЩИЕ МОРЯКИ

1

2

1. Парусная шхуна «Надежда» вышла в открытое море. Нахимовцы сами ведут своё учебное судно. Им приходится следить за ветром, лазать по вантам, ставить паруса. А в этом деле нужна большая слаженность; один матрос потянет не за тот конец, и поднимутся не те паруса, которые нужны.

Плавание на паруснике воспитывает у ребят привычку работать дружно.

И хотя парусный флот — флот прошлого, учиться морскому делу лучше всего именно на парусном судне.

2. Нахимовец несёт штурманскую вахту.

В этот момент он и сам забыл, что он обыкновенный тринадцатилетний мальчишка. Нет, он бывалый штурман, «морской волк». Руки уверенно держат штурвал, глаза внимательно следят за показаниями приборов. Корабль идёт точно по курсу.

3. Вперёдсмотрящий зорко глядит вдаль. Пусть поднимется любой силы ветер, пусть налетит какой угодно шквал, пусть лицо заливают солёные струи — вперёдсмотрящий не покинет своего поста. Он будет так же пристально следить за морем.

4. Интересно стоять на вахте. Почётно быть вперёдсмотрящим. Ну, а «драить медяшку», конечно, поскучней. Однако как радостно, когда начищенный тобой компас засверкает, как солнце!

3

4

Но в этот день я сидела на подоконнике и смотрела на мокрую улицу.

Люди, вышедшие утром в лёгких платьях, доверчиво радуясь солнцу и теплу, возвращались домой бегом, застигнутые внезапно мелким дождём и холодным ветром.

Вот по мостовой проехал извозчик; в пролётке сидела дама в лиловом фетровом горшке, натянутом на уши.

По гранитным плитам набережной прошёл старый стекольщик. Он бережно тащил на себе плоский ящик с большим стеклом, сквозь которое я увидела, как строгий дом напротив вдруг зашатался и пошёл волнами...

По тротуару проскакал Валька — мальчишка, живущий где-то за углом. С этим мальчишкой у меня были свои счёты...

Валька нёс сумку с хлебом. Остановившись под моим окном, он стал вертеть ею, как пращой, и раза два чиркнул хлебом по подоконнику. Из сумки выпала булка. Оглянувшись, он поднял её, вытер о штаны и сунул обратно. Я постучала в стекло, он посмотрел на меня. Я показала ему язык, он погрозил мне кулаком.

НА ПОДОКОННИКЕ

Р. Рома **Рисунки Б. Винокурова.**

У меня была ангина. Я сидела на широком подоконнике одного из окон нашей квартиры, в первом этаже старого дома на Мойке.

Обычно в это время я уже бежала после школы в один из старинных садов, расположенных неподалёку, или в прозрачный, продуваемый невским сквозняком садик у Зимнего дворца, или в чопорный Летний сад, украшенный голыми фигурами. Но больше всего мне хотелось забежать в Михайловский сад, тенистый и уютный, с неожиданными закоулками, с мелкой речкой без ограды, куда можно было окунуть руку или ногу, как на даче.

Но вот дождь перестал. Невидимое солнце осветило чугунную решётку и зеленоватую рябую воду реки, медленно движущуюся на сером фоне гранита.

Люди закрыли зонтики, опустили воротники, повеселели, а какая-то девушка в голубоватом ситцевом платье даже подпрыгивала на ходу. Вдруг она споткнулась, чуть не упала, вытянув вперёд руки, и запрыгала на одной ноге: с другой свалилась туфля. Девушка подняла её и стала горестно рассматривать, пытаясь приставить отломанный высокий каблук. Потом, опустив руку с туфлей и поджав ногу, она прислонилась к тяжёлой гранитной тумбе у реки и стала похожа на большую печальную цаплю.

Я посмотрела на свои ноги в маленьких тапочках и вспомнила про мамины новые туфли, стоящие под кроватью. Я схватила их и, вскочив на подоконник, открыла форточку.

— Послушайте, тётя! — крикнула я, размахивая туфлей.— Идите сюда!

Девушка подняла заплаканные глаза и с удивлением посмотрела на меня.

— Идите, идите, померьте туфли!

С тем же удивлённым выражением лица она подошла ко мне.

— Как же? — спросила она растерянно.— Это чьи?

— Мамины.

— А тебе не попадёт? Где твоя мама?

— Ушла.

— Наверное, попадёт.

— А вы их скорей принесите.

Девушка надела туфли.

— Как раз,— сказала она, потопав ногами.— Прямо чудо! Откуда ты взялась? Это здорово, как ты меня выручила! А я уж совсем раскисла, не знала, что делать. Чуть не опоздала... Какой номер твоей квартиры?

— Двадцать шесть.

И я увидела, как мамины туфли убежали, шлёпая по лужам.

Через час пришла мама. Мы сели обедать вдвоём: отец задержался на работе. Мама, как всегда, стала расспрашивать меня о проведённом дне. Я долго с подробностями рассказывала ей о том, что было в школе два дня тому назад, потом вспомнила, что в Мойку недавно упала кошка, но про кошку мама не дослушала и спросила:

— А что с тобой случилось?

— Со мной? Ничего.

— Нет, я вижу, что ты хочешь мне что-то рассказать.

Я до сих пор не понимаю, как она угадывала такие вещи...

Я совсем не хотела рассказывать про туфли, но тут же рассказала и уже с первых слов поняла, что мне попадёт, и попадёт за дело. Я не знала, где живёт эта девушка, я не знала, когда она принесёт мне туфли, я вообще не знала, кто она, и видела её в первый раз. Но я верила ей, мне и в голову не приходило, что она может меня обмануть.

— Как же ты могла отдать мои туфли какой-то незнакомой женщине? — спрашивала мама сердито.

— Но она принесёт.

— Когда?

— Не знаю. Наверное, вечером.

— Тебе уже девять лет, ты взрослая девочка, что это за легкомыслие такое?

— Но она не могла идти, у неё сломался каблук, мне её стало жалко, она плакала, она спешила...

— А вдруг это какая-нибудь воровка? Она могла влезть в форточку и ограбить квартиру.

Я представила себе, как эта худенькая девушка с грустными глазами лезет в форточку в одной туфле, а другую держит в руке... Мне стало смешно, и я засмеялась.

— Ах, ты ещё смеёшься! — Мама покраснела и совсем рассердилась.— Ты понимаешь, что ты оставила меня без туфель?

— Она принесёт.

— Ты в этом уверена?

— Уверена. Вот я сейчас сяду на окно и буду ждать. Сяду и буду ждать, пока она не принесёт твои туфли.

— Не говори глупости! Я думаю, что ты состаришься на окне и всё-таки не дождёшься девицы с моими туфлями. Лучше садись и делай уроки.

Как я могла делать уроки? Ни таблица умножения, ни задачи, ни грамматические правила не помещались в моей голове, заполненной совсем другими мыслями. Каждую минуту я вскакивала и смотрела в окно. Я думала: «Вот она уже заворачивает с Невского на Мойку, вот идёт мимо Волынкина переулка, сейчас она появится возле нашего дома... Нет, это два пионера с портфелями,

— Как ты могла отдать мои туфли незнакомой женщине?

они о чём-то спорят, один несёт большой свёрнутый лист бумаги. Нет, это мужчина с чемоданом. Это толстая нянька с тощим ушастым мальчиком, похожим на слонёнка... А это целый отряд красноармейцев со свёртками. Наверное, идут в баню».

Уже совсем стемнело... Много людей проходило мимо, внезапно появляясь в свете окна, но моей девушки среди них не было. Пришёл папа. Я прошмыгнула в переднюю и села в угол между стеной и вешалкой.

Через дверь я слышала, как мама что-то рассказывала отцу,— наверное, про меня. Папа строго сказал:

— Что ты говоришь! Не может быть.

И вдруг рассмеялся.

Тоскливое волнение охватило меня. Кто-то засопел рядом. Я испугалась и прижалась к стенке. Брюхастый соседский щенок Решка лизнул меня в щёку. Наверное, он вошёл с отцом. Я схватила Решку поперёк толстого живота и посадила к себе на колени.

— Решка,— сказала я ему тихо, подняв его мягкое шерстяное ухо.— Ведь она принесёт, правда? Как ты думаешь, принесёт или не принесёт?

Решка, вырывая из моих рук ухо, отрицательно помотал головой.

— Ну, тогда убирайся отсюда, дурацкая собака! — Я открыла входную дверь и вышвырнула щенка на лестницу.

Мне нужно было, чтобы девушка пришла. И не только из-за туфель. Это было гораздо серьёзнее.

Я тогда не могла понять, что в эту минуту решалась судьба моего характера. Решался вопрос, как поступать в жизни: верить или не верить людям.

Всё это было в руках у незнакомой мне, прошедшей мимо девушки. Вдруг она не придёт совсем, а я буду сидеть и ждать её, пока не состарюсь?.. Я представила себе, что я старюсь, у меня растёт борода и из ушей лезут зелёные волосы, как у нашего дворника...

Открылась дверь, и вошёл папа.

— Где ты, Тина? — сказал он, не сразу заметив меня в темноте и зажигая свет.— Вот дурочка! Вставай, вставай! Принесёт она туфли, конечно, принесёт. Я тоже считаю, что людям надо верить. Ты будешь им верить, и они тебя не обманут.

Я благодарно обняла моего отца. Слёзы, которые я так долго удерживала, хлынули у меня из глаз и из носа.

— Ну вот, разверзлись хляби небесные! — сказал отец, ероша мне волосы.

Следующий день был воскресенье.

— Только тронь, только попробуй! — крикнула я.

С утра я уже сидела на окне. Солнце блестело в стёклах домов и в мутной воде Мойки. Девочки играли на тротуаре в классы. Они поминутно жулили, ссорились и обижались друг на друга. Между ними вертелся Решка, он гонялся то за перелетающим с места на место стёклышком, то за прыгающими пятками. Девчонки визжали и отбрыкивались от щенка, который убегал, трусливо оглядываясь, а потом робко возвращался.

Выстрелила пушка на Петропавловской крепости — двенадцать часов, а моей девушки всё не было. Я уже хотела задвинуть занавеску и взять какую-нибудь книгу, чтобы время шло быстрее, но тут за окном поднялся такой визг, что я снова взглянула на улицу и увидела Вальку с продуктовой сумкой. Он опять вертел ею над головой, врезавшись в середину бурно споривших девчонок. «Противный какой,— подумала я.— Никому проходу не даёт!»

В дверь позвонили. Я помчалась открывать. За дверью стоял Валька.

— Только тронь, только попробуй! — крикнула я, захлопывая дверь.— Убирайся отсюда, а то я всех позову!

Но позвать мне было некого, а Валька не уходил и нерешительно топтался у нашей двери, ничего не предпринимая.

— Послушай,— сказал он каким-то очень мирным, незнакомым голосом.— Погоди, я всё равно ничего не понимаю, что ты там верещишь. Ты мне скажи, какая твоя квартира?

— Там написано. Ты что, читать не умеешь? А зачем тебе моя квартира?

— Погоди. Ты здесь одна живёшь?

— Нет, нас много, нас очень много,—сказала я для устрашения.

— А девчонок здесь других нет, кроме тебя?

— Нет.

— Тогда открой, я твои туфли принёс.

Я распахнула дверь и втащила Вальку за руку в переднюю.

— Откуда у тебя мои туфли? Давай скорей!

Валька вынул из сумки свёрток. Я быстро развернула его. В нём лежали мамины туфли, вычищенные и даже с набойками.

— Эти! — сказала я и прижала туфли к груди.

— Значит, это ты дала туфли нашей Нинке?

— Я. А кто ваша Нинка?

— Сестрёнка моя...

Валька, всегда прятавшийся за углами, чтобы выскочить оттуда с перекошенным лицом, Валька, с которым я дралась со смертельным страхом в душе, Валька стоял у нас в передней — смирный, смущённый, очень похожий на свою сестру, и искоса посматривал на меня внимательным взглядом.

— Нинка велела передать тебе, что она в вечер работала. А утром послала меня в мастерскую туфли чинить. Я заодно и на твои набойки набил. Она велела сразу тебе отдать.

— Это не мои, а мамины.

— Я знаю. Попало тебе?

— Не очень. Главное, хорошо, что принёс.

— Ну что ты! Да, я забыл: сестра велела тебе сказать спасибо. Ну, я пошёл!

Я ещё держала в руках туфли, когда отец с мамой вернулись домой.

— Вот! — сказала я, кидаясь навстречу.— Вот! Она в вечернюю смену работала! Она с братом прислала! Мне она сразу понравилась, она очень хорошая! А ты говорила...

— Ну, ладно, ладно, иди погуляй,— смущённо сказала мама и поставила туфли на место.

Посмотрите, какой обиженный вид у котишки. Незваный гость, поросёнок, почти совсем оттеснил его от блюдца, прямо по-свински себя ведёт! Хозяину приходится спешить, пока хоть что-то осталось на его долю.

РЕМБРАНДТ

(1606—1669)

Вид Амстердама. Офорт Рембрандта.

Очерк Л. Успенского и К. Шнейдер.

Сын мельника

В конце XVI века в мире владычествовал злобный тиран, Филипп II, король испанский. Власть его простиралась на многие земли; народы трепетали перед ним. Стонала под игом Испании и маленькая удивительная страна Голландия, это чудо из чудес.

Обычно бывает так: существует какая-то земля, приходят люди и заселяют её. А здесь на берег моря пришёл мужественный и благородный маленький народ и, словно громадную рыбу, достал для себя из недр морских свою землю.

Когда-то один путешественник уподобил Голландию пойманной камбале. «Впрочем,— сказал он затем,— не легко решить, что с чем тут приличнее сравнить: страну с рыбой или рыбу со страной,— обе плоские, как тарелка, обе живут на морском дне».

Здесь что ни слово, то правда. О рыбе не будем говорить, но вот Фрисландская низменность так плоска, что на ней почти нет мест, возвышающихся над уровнем моря больше чем на один метр. Зато здесь сколько угодно таких мест, которые лежат на метр, на два, на три ниже уровня моря.

Только в Голландии можно видеть такую картину: налево гребешки волн у самого верха плотины, а направо аист, мирно дремлющий на крыше, под этой же дамбой внизу. Только здесь случается, что на лугу пасутся коровы, а сено для них едет в лодке высоко над их рогатыми головами.

Много веков голландцы боролись с морем, отвоёвывая у него пядь за пядью свою землю, но вот пришло время, и такое же мужество и упорство понадобились им для другой борьбы. Горсточка нищих рыбаков, ремесленников подняла знамя восстания против тирана и победила. Погасли страшные костры инквизиции; прекратились непосильные налоги. Кончилась война. Голландия стала самостоятельной республикой. Свободная и счастливая лежала она на берегу Северного моря, и мягкий ветер, пролетая над полями тюльпанов, гиацинтов, левкоев, рябил воду каналов, вращал огромные крылья бесчисленных мельниц.

Свобода пришла в 1609 году, а за три года до этого, в те дни, когда победы следовали одна за другой и народ ликовал, предчувствуя окончательное избавление, в городе Лейдене на берегу Рейна у мельника Гарменса и его жены Нельтье родился мальчик.

Это был уже пятый ребёнок в семье, но не думайте, что он был в тягость родителям. Наоборот, отец решил, что хотя старшие, окончив школу, поступили в ученье к ремесленникам, младшему он даст серьёзное образование. Пусть его сын идёт учиться в знаменитый Лейденский университет, в котором обучались знатные люди и даже короли. Это была не пустая мечта. Вот как говорил старый мельник: «Хочу, чтобы он, достигнув зрелого возраста, принёс своими знаниями пользу родному городу и республике». Так рассуждали голландцы в то героическое время. Но мальчик не интересовался науками: живопись влекла его к себе неудержимо.

Может быть, во всём виновата мельница, на которой маленький Рембрандт ван Рейн провёл свои первые годы? Может быть, лучи света, пронизывая

золотыми полосами летящую мучную пыль, создавали те самые волшебные световые эффекты, которые так изумляют нас в картинах Рембрандта? Но ведь и вечно меняющееся небо, и призрачные туманы над Рейном, и нежная зелень лугов — разве не всей тихой прелестью родной природы дышит творчество Рембрандта? А сама жизнь, кипучая жизнь тогдашней Голландии, люди, которых он встречал на улицах Лейдена, такие разные по положению, по национальности, по характеру? Всё это не могло не тревожить воображение юного художника. Здесь группа нищих в лохмотьях, а там богатый восточный купец в пёстрой одежде... Вот бредёт тихая старушка с такими добрыми морщинками, а подальше двое мальчишек подрались, и как меняются их физиономии! Какие смешные движения!

Нет, наверно, нужно родиться художником, чтобы всё это — люди, природа, мельница, рыбачьи паруса — непрестанно вызывало страстное желание заносить увиденное на полотно, на бумагу, на гравировальную доску!

Отец не очень противился. Искусство живописи было в ту пору в Голландии делом почётным и ценным. В том, что сын будет художником, он ничего зазорного не видел, хотя и не подозревал, каким великим художником он будет.

Мастерство

Бурно, стремительно, как сама страна, развивалась голландская живопись. И как сама Голландия, она впервые становилась самостоятельной. Раньше художник и шагу не мог ступить, не оглянувшись на итальянских мастеров: они были учителями и законодателями в искусстве. Теперь голландцы пробуют работать по-другому, по-своему. Олимпийские боги, античные герои, чужой, южный пейзаж, пышные портреты придворных и кардиналов выходят из моды. Народ хочет видеть на картинах свою мирную жизнь, свою нежную, неяркую, но такую пленительную природу и просто самого себя — портреты простых людей, тружеников. И вот за какие-нибудь сто лет появляется множество живописцев, среди которых есть великолепные мастера. Адриан ван Остаде пишет картину «Деревенские музыканты», Терборх — картинки «Скрипач», «Деревенский почтарь», «Бокал лимонада»... Художник Питер Янсен изображает «Комнату в голландском доме». Ян Стен пишет картины «Гуляки», «Больная и врач», «Брачный контракт». Всё это не требует объяснений, всё своё, знакомое, близкое. Можно подолгу разглядывать эти картины, можно весело смеяться, глядя на них; а главное, всё это живо, свежо, чудесно написано.

Картинки эти, как правило, маленькие; их легко можно повесить на стене самой скромной голландской комнаты. Для этого их и писали. Только столетия спустя они перекочевали в музеи, когда це-

Два автопортрета Рембрандта.

ны на них так возросли, что только чрезмерно богатый человек мог повесить у себя в особняке полотна Терборха, ван Остаде или Франса Гальса.

Правда, и в те времена, когда художники создавали свои маленькие шедевры, стоили они недёшево. Однако экономные, расчётливые голландцы на такое дело денег не жалели. Нередко какой-нибудь булочник платил сотни флоринов, чтобы украсить своё скромное жилище настоящим произведением искусства.

Рембрандт стал учиться живописи. Первым его учителем был Ян ван Сваненбург, который только тем и прославился, что в его мастерской работал юный Рембрандт. Были потом у Рембрандта и хорошие руководители, но больше всего учился он у самой жизни. Он пристально вглядывался во всё, что видел, выбирал, запоминал, рисовал. Он рисовал на улицах города, на рынках, на берегу канала, на мельнице своего отца.

В эти годы он часто писал своих близких — отца, мать, сестру,— а больше всего самого себя. Да и кто другой согласился бы позировать так, как требовалось юному Рембрандту: то с дико растрёпанными волосами, то с открытым ртом, то с вытаращенными от ужаса глазами! Часами сидел он перед тогдашним тусклым зеркалом, проделывая гримасы боли, гнева, страха, отчаяния и зарисовывая их. Это ему было очень нужно: уже тогда он искал на лицах выражения сильных чувств и страстей. Волей-неволей приходилось писать самого себя: где бы нашёл он натурщика столь терпеливого, а главное, бесплатного?

Любовь к автопортрету осталась у Рембрандта и тогда, когда знаменитому художнику охотно позировал каждый, да и заплатить он мог натурщику. Это большая удача для нас: благодаря этому мы знаем лицо Рембрандта на протяжении всей его жизни. Знаем молодого, весёлого, плотного человека с проницательными, живыми глазами; знаем усталого, старого мастера с лицом увядшим, покрытым морщинами. Но и на самых последних портретах глаза его остаются ясными, живыми — глазами художника.

Один из учителей Рембрандта, Питер Ластман, научил его искусству гравюры и офорта. С тех пор он никогда не выходил из дому без нескольких медных дощечек, покрытых лаком, без острой гравировальной иглы.

Для чего нужна гравюра и что это такое? Видите ли, рисунок художника неповторим; настоящие художники очень редко делают копии своих картин: им жаль тратить на это драгоценное время, которое нужно для творчества. И выходит, что гениальный рисунок живёт в единственном экземпляре; видеть его может ничтожное количество людей. А если он сгорит, порвётся, размокнет? Тогда погибло навек прекрасное произведение. И вот люди придумали: любой рисунок можно награвировать —

Титус. (Портрет сына.)

вырезать на дереве или выцарапать на металле, как буквы на печати, и потом оттиснуть на бумаге много раз. Получатся копии, ничем не отличающиеся от подлинника. Но вы понимаете, что получатся-то они в обратном, «зеркальном» виде? Значит, рисунок на металле надо делать так, как если бы он отражался в зеркале.

Есть много разных способов работы гравера. Один из них называется «офорт», от французских слов «о» и «форт», означающих «крепкая вода», «азотная кислота». Работа над офортом идёт так: на медной дощечке, покрытой лаком и сверху закопчённой, нацарапывают рисунок, потом погружают её в кислоту. Кислота разъедает царапины, а того, что закрыто лаком, не касается. Потом лак снимают, углублённые бороздки искусно заполняют краской и печатают оттиски штуку за штукой.

Рембрандт стал величайшим мастером офорта. Обычно художники сначала рисуют на бумаге, а затем уже переводят рисунок, так сказать, «наизнанку», делая всё правое левым, а левое — правым. О Рембрандте же рассказывают, будто у него был такой острый взгляд, такая верная рука, что он мог сразу безошибочно выцарапывать иглой по меди всё, что хотел. Он делал это с такой уверенностью, словно видел мир не так, как все, а в волшебном зеркале.

Рембрандт становился исключительным мастером.

Урок анатомии

Известно ли вам, что было время, когда занятия анатомией запрещались? Вскрытие мёртвых тел считалось преступлением и каралось смертью. Трудно себе сейчас представить, как могли лечить людей, не зная, каким образом устроены их внутренности, какие изменения производит болезнь.

Когда наконец был издан закон, разрешающий изучать трупы, медики с восторгом и трепетом занялись этой нужнейшей наукой — анатомией. Но врачи — это не удивительно; люди, совершенно не имеющие отношения к медицине, рвались посмотреть, что там у человека внутри. Тогда профессора стали читать над трупами публичные лекции. Люди не сразу привыкли относиться к анатомическому вскрытию как к обыкновенной, хотя и очень сложной работе; им всё ещё чудилось в этом что-то таинственное, жуткое. Специальные залы, которые и до сего времени называются «анатомическими театрами», были украшены черепами и скелетами. Черепа вешали над дверями, из скелетов составлялись целые сцены. Наверное, это нравилось публике, посещавшей такие лекции: чем страшнее, тем интереснее. Но уж наука тут была решительно ни при чём.

Все эти дикости скоро кончились. Анатомические театры стали украшать просто хорошими картинами, подходящими по сюжету. Одну такую картину заказали Рембрандту, который уже год, как жил в Амстердаме, столице Голландии, и успел стать довольно известным художником. Картина должна была быть большой и изображать знаменитого профессора Никласа Тульпа и группу хирургов вокруг него. Рембрандт написал эту картину, и она принесла ему славу. Было ему тогда двадцать шесть лет.

«Урок анатомии» — групповой портрет. Такой вид живописи существовал только в Голландии. Семейные портреты писались и в других странах, но

Портрет матери. Офорт.

портрет нескольких людей, объединённых общей профессией, коллективный портрет стрелков, ткачей, медников, суконщиков — это придумали только в Голландии. Почему? Не потому ли, что гордость своим ремеслом, уважение к товарищам по труду здесь расцвели сильнее, чем где бы то ни было?

Многие голландские художники и до Рембрандта писали групповые портреты, это считалось выгодной работой. Рембрандт написал немного, вероятно, потому, что он был упрямым художником, он всегда делал только то, что считал нужным, и никакие деньги не могли заставить его писать иначе. Существовало определённое правило: все заказчики группового портрета платили мастеру поровну, скажем, по сто гульденов; и, конечно, каждый хотел, чтобы он был похож и виден не хуже других. Художник обычно рассаживал всех так, чтобы никто не заслонял друг друга, чтобы все были одинаково освещены, позы у всех одинаково благородны. Рембрандту было совсем неинтересно писать такие вымученные картины. Его не слиш-

Мост Сикса. Офорт.

Урок анатомии.

ком заботило, похож или не очень похож на себя солдат, врач, ремесленник; его заботила вся картина в целом. Именно жанровую картину, а не групповой портрет чаще всего хотел написать Рембрандт. У него были всегда свои задачи, и в каждом новом произведении он прежде всего решал их.

«Урок анатомии» Рембрандту, видимо, писать было интересно. Здесь никто не позирует, люди заняты делом. Они собрались вокруг анатомического стола, на котором лежит труп, и внимательно слушают профессора. Доктор Тульп демонстрирует мускулатуру вскрытого предплечья и кисти трупа. Он двигает пальцами своей руки, показывает, как работают мышцы. И хотя люди заняты одним и интересует их одно, сами они разные: характеры и чувства каждого можно узнать сразу. Один так и впился глазами в открытые мускулы, другой задумался, как бы вспоминая прошлый урок, третий старательно записывает слова профессора. Невнимателен только один молодой врач с чёрными усами, изображённый слева; кажется, его мало интересует то, что говорит лектор. Ну, что ж, тем хуже для него...

Думается, в этом случае заказчики остались довольны картиной и претензий к художнику не предъявляли. Все они достаточно видны, а главное, прекрасно написаны. О картине заговорили и за пределами Голландии. Рембрандт сразу стал знаменитым.

По-иному вышло с другой картиной Рембрандта. На этот раз ему заказали свой групповой портрет шестнадцать амстердамских стрелков. Но едва художник приступил к работе, как начались неприятности. Стрелки перессорились между собой, а затем и с художником. Их можно понять: что же это получался за портрет? Заказчиков шестнадцать человек, а людей изображено чуть не вдвое больше! Одни ярко освещены, других почти не видно. А ведь платить, по условию, надо поровну. Стрелки бегали в мастерскую то поодиночке, то скопом, возмущались, требовали переделок. Рембрандт сердился, бросал кисть, отказывался от денег и не уступал ни в чём. В конце концов стрелки примирились с художником, хотя, несомненно, получился не групповой портрет, а картина. Недаром её и назвали позднее «Ночной дозор», несмотря на то, что никакого «дозора» Рембрандт не писал и не собирался изображать ночь.

Картина производила ошеломляющее впечатление своей необычностью, удивительной игрой света и тени, живостью расположения фигур. О ней много говорили, писали, спорили, а потом забыли.

Прошло сто с лишним лет, и вот однажды знаменитый живописец и реставратор Ван Дейк-младший разыскал в одной из зал городской ратуши в Амстердаме почерневший от копоти холст с подписью Рембрандта в углу. Он немедленно взялся за работу. Вскоре из-под слоя копоти и грязи вы-

ступили чудесные краски гениального художника. Это был «Ночной дозор». Но каково же было удивление Ван Дейка, когда после реставрации выяснилось, что Рембрандт написал яркий солнечный день, который снопами света пробивался в тёмное помещение и освещал главные группы людей, в то время как остальные тонут в полумраке! Тень, которая падает с руки начальника отряда на плащ его собеседника, окончательно убеждает в том, что это день. Выяснилось и другое. На одной из колонн есть щиток, на котором написаны все шестнадцать фамилий стрелков, к тому времени позабытых.

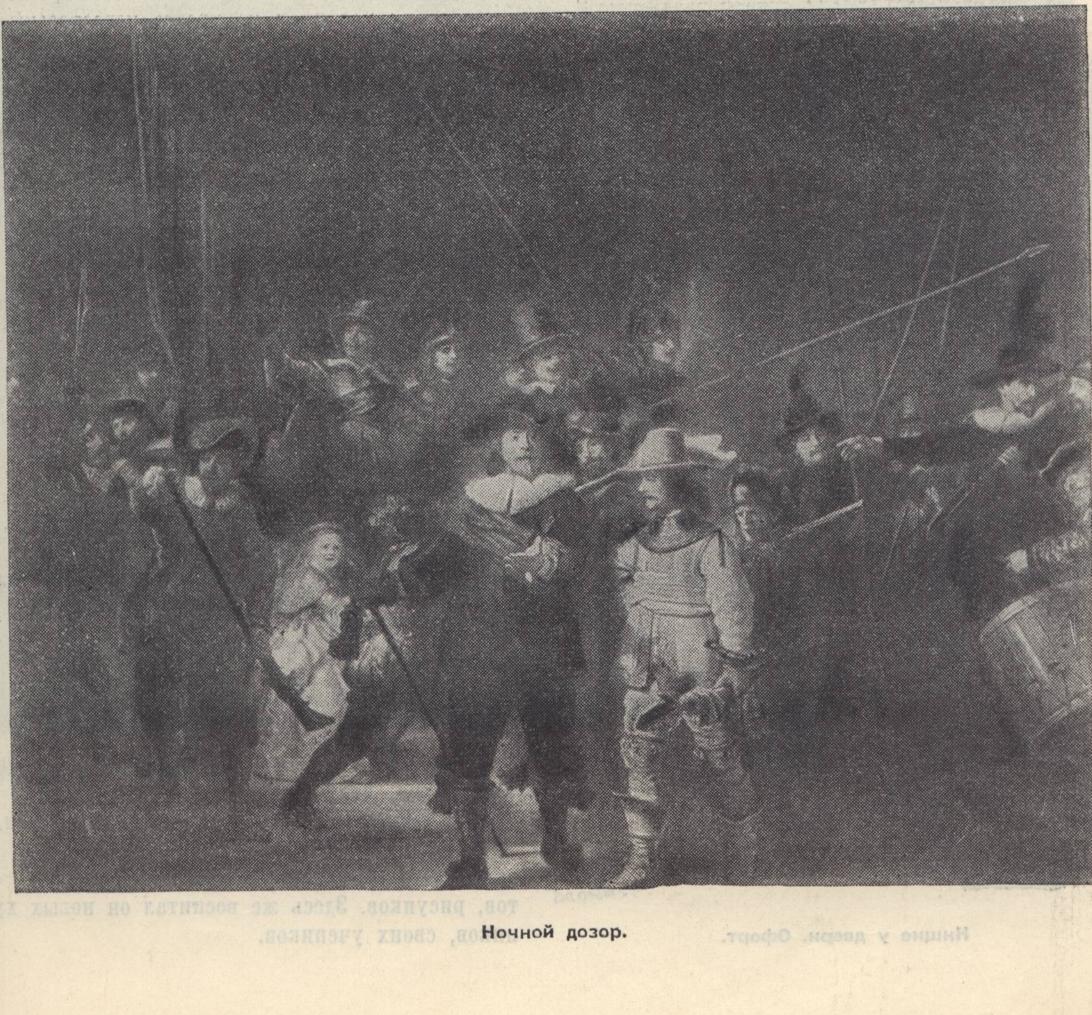
И наконец выступила надпись — полное название картины: «Сбор стрелков отряда Баннинга Кока перед ученьем на площадке в кордегардии».

Только теперь стало ясно, что Рембрандт написал всё же групповой портрет, который стал в одном ряду с лучшими картинами мира.

Интересно вот что: известен ещё один портрет Баннинга Кока, исполненный для его семьи каким-то другим художником, который, несомненно, стремился передать сходство, и на его портрете получился человек ничем не примечательный. Рембрандт же сделал из начальника стрелкового отряда мужественного командира, геркулеса по внешнему виду, сильного и энергичного. Такими, вероятно, представлял он себе героев борьбы за освобождение Нидерландов. Рембрандт пренебрёг точным сходством и «придумал» своего героя. Этого не нужно было групповому портрету, но это нужно было для картины.

Такие образы переживают века и более ценны для потомства, чем самые точные портреты.

Вместе с тем Рембрандт был и остался лучшим портретистом. Доказательством этого являются и многочисленные портреты отдельных людей и последний групповой портрет, написанный Рембрандтом уже в старости, когда его мастерство в передаче характера и чувств человека достигло своей вершины. Это «Синдики», то есть старшины цеха суконщиков. Не ищите на этом полотне ни особого сюжета, ни игры фантазии. Это просто люди — важные, спокойные, умные, полные достоинства. За каждым из этих лиц встаёт живой человек со своим характером, со своей жизнью. И вся эта группа необыкновенно красива, освещена мягким золотистым, рембрандтовским светом. Здесь всё ясно и поистине великолепно.

Ночной дозор.

Счастье

В те годы Амстердам был самым живым, самым кипучим городом в Европе. Сюда, в Амстердамскую гавань, приплывают корабли со всех концов земли; на пристанях толпятся чужеземные матросы, выгружаются заморские товары, звучит разноязычная речь. По узким каналам этой «Северной Венеции» снуют лодки, люди высаживаются из них прямо у порогов своих домов. Красная черепица крыш, пёстрые изразцы стен отражаются в тихих водах. И весь этот как будто для самих голландцев удивительный блеск и процветание сочетаются со строгим порядком и деловитостью.

С 1631 года Рембрандт поселяется в Амстердаме. Он счастлив: всё, что нужно его деятельной, неугомонной натуре, к его услугам. Он завален заказами, ему платят большие деньги. Наконец-то ему доступно всё, о чём он мечтал. А мечтал о многом великий жизнелюбец. Он покупает картины и статуи, драгоценные камни и восточные ткани, яркие перья южных птиц и причудливые морские раковины. Он наряжает себя и друзей в чужеземные костюмы и пишет, пишет... Писать он не переставал никогда.

Нищие у двери. Офорт.

Рембрандту было двадцать шесть лет, когда он женился. Милая, кроткая, весёлая Саския ван Эйленбург, может, и не считалась красавицей, но ему она казалась прекраснейшей женщиной земли. Он без конца любуется своей молоденькой женой и опять пишет и пишет... Саския — юная девушка, Саския — невеста, Саския в костюме Весны — Флоры... Рисунки, офорты, картины, и всюду она.

Рембрандт счастлив. Но ведь он гениальный художник и глубокий, чуткий человек. Разве не беспокоит его, что рядом с богатством всюду живёт нищета, что по улице вслед за счастливым человеком идёт несчастный, что улыбка на женском лице сменяется слезами горя? Разве он не видит, что везде в мире свет борется с тьмой, лучи солнца с мраком? Видит, и лучше, чем кто-либо другой. Недаром на его картинах не только свет борется с тьмой, но и счастье сменяется горем, милосердие приходит на помощь страданию. Ненависть и любовь, величие и унижение, верность и лицемерие,— кажется, нет ни одного движения человеческой души, которое не было бы с гениальной силой отражено в его творениях.

Рембрандт написал много картин на библейские темы, как и другие художники того времени. Но он в своих картинах не просто пересказывает легенды из библии; для него и здесь важнее всего человек.

Бродит ли он по еврейскому кварталу, делая наброски, его глаз не только видит характерную внешность людей Востока, но чутко ловит выражение мудрости, отчаяния, лукавства, отпечаток бед, пережитых гонимым народом. Во всём этом для него раскрываются образы страданий и страстей человеческих. Вот почему в библейских судьях-палачах на картинах Рембрандта современники узнавали знакомые и ненавистные им черты отцов-инквизиторов. Вот почему в юной деве Марии на картине «Святое семейство» нет ничего древнееврейского. «Рембрандт писал мадонну в виде нидерландской крестьянки»,— сказал Карл Маркс. Художник знал: нежность матери, склонившейся над ребёнком, одинакова у всех народов. Его вдохновляла не древняя легенда, а вечная красота материнской любви.

Рембрандт стал могучим художником человеческих страстей. Он выражал их всё с большей и большей силой, его мастерство росло. И в этом было его главное счастье.

Подвиг

Дом, который купил Рембрандт для себя и своей Саскии, превратился в настоящий музей редкостей. Любопытно, что на доме этом была выбита дата: 1606. Рембрандт и дом оказались ровесниками.

Здесь прожил Рембрандт самые счастливые годы, здесь создал множество великолепных картин, офортов, рисунков. Здесь же воспитал он новых художников, своих учеников.

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ БРАТА. **Рембрандт.**
Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Москва.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА.

Рембрандт.
Государственный Эрмитаж. Ленинград.

И вот всё кончилось. Умерла Саския, Рембрандт осиротел.

Разно ведут себя люди в горе: одни долго не могут взяться за работу, другие оглушают себя тяжким трудом. Рембрандт был прежде всего художником. Он служил искусству, и оно не давало ему углубляться в горечь тоски. Он работал, работал неустанно. Можно заметить только, что большая часть офортов, сделанных в первые годы его вдовства,— пейзажи: ему не сиделось в опустевшем доме; он уходил за город и писал.

Скоро на Рембрандта обрушилась новая беда: он разорился. И дом и все любимые вещи, картины, статуи были проданы с аукциона. С этого времени он уже никогда не смог вернуть ни богатства, ни благополучия.

А вслед за этим пришло самое горькое: картины Рембрандта перестали нравиться. От картин теперь требовали ярких красок, приятных сюжетов, изящных образов, изысканных форм, бездумной и лёгкой красоты и пышности. Богачам не нужен стал капризный и упрямый художник, который пишет такие мрачные, горестные картины.

Мрачные? А художник любил свет и писал свет. И тот свет, который проникает в подземелье к заключённым, и тот, который падает с неба на скорбную картину распятия. Свет дня и свет ночи, свет солнца и свет факелов. Нет, Рембрандт не был мрачным, он был человечным, но этого уже не хотели понимать.

И даже это не сломило Рембрандта. Через одиннадцать месяцев после смерти Саскии он пишет её посмертный портрет. Пишет портреты своих друзей и лучший из лучших — портрет Яна Сикса. Он не сдаётся до конца; в этом его величайший жизненный подвиг.

Притча о блудном сыне

У одного человека был сын. Став взрослым, он выпросил у отца свою долю наследства и уехал в дальние края.

Блуждая по свету, он промотал состояние в пирах и веселье и забыл про старика-отца.

Скоро он впал в такую бедность, что сделался простым пастухом и, голодая, завидовал свиньям, которых досыта кормили желудями.

Тогда только он вспомнил про отца.

Он задумал вернуться домой и сказать отцу: «Недостоин я быть твоим сыном, возьми меня хоть в работники».

Но когда, измученный, истомлённый, он робко приближался к дому, дряхлый отец вышел ему навстречу и со слезами протянул к нему слабые, старые руки. «Оденьте его в лучшие одежды! Заколите тучного тельца и приготовьте всё для богатого пира, ибо мой сын умер и воскрес, пропадал и нашёлся».

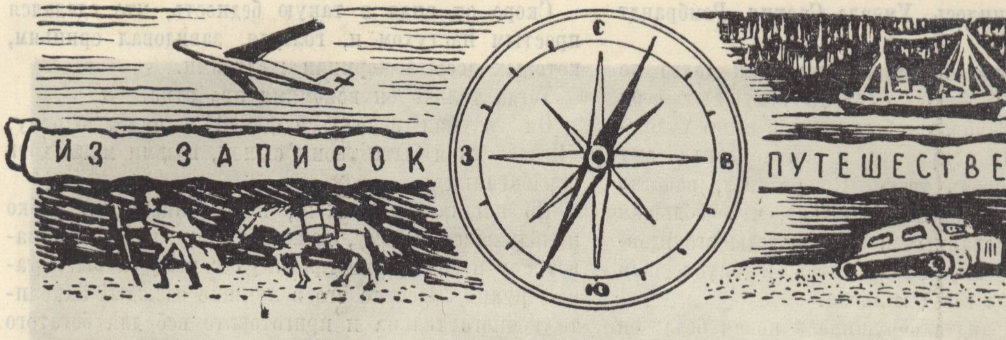
Такая трогательная притча есть в библии. Она стала темой одной из последних картин Рембрандта, «Возвращение блудного сына». Эта жемчужина мирового искусства принадлежит Ленинградскому Эрмитажу.

Знаменитый бельгийский поэт Эмиль Верхарн в 1913 году приехал с женой в Петербург. Больше всего он стремился увидеть эту картину. Вот что говорит о ней Верхарн:

«Поклонившись Рубенсу и Ван Дейку, мы наконец направляемся к Рембрандту... Мы подходим к самому замечательному в мире творению Рембрандта... Я знаю «Доброго самаритянина»; я знаю «Учеников в Эммаусе»; я знаю «Еврейскую невесту». Все эти холсты отмечены печатью верховной красоты. Но «Возвращение блудного сына» — величайший и наивысший шедевр. Пребывание перед лицом подобного творения потрясло нас, выступившие на глазах слёзы мешали нам смотреть... Ах, кто сумеет выразить жест, нежный и покровительственный жест отца? Кто передаст словами выражение просветлённости и сострадания на его лице? А сам блудный сын? С продранными башмаками на натруженных ногах, в лохмотьях, отверженный, с трудом добрался он до дому и едва находит силы, чтобы вымолить прощение...

Эрмитаж полон прекрасных французских, итальянских, испанских холстов, но лучезарное видение Рембрандта заслоняет все остальные шедевры».

Умер Рембрандт 8 октября 1669 года.

РЫБЫ ПОЮТ В УКАЯЛИ

Аркадий Фидлер

Рисунки В. Константинова.

(Окончание)

Фото автора.

ИНДЕЙЦЫ, ПРЕЗИРАЮЩИЕ БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ И ОБЕЗЬЯН

Индейцы-чамы, живущие в верховьях и по среднему течению Укаяли, очень плохого мнения о белых. Они считают, что белая раса обижена судьбой, а белые люди — растяпы.

— Почему ты считаешь, что я глупее тебя? — спрашивает полунагого чама белый, уязвлённый его презрением.

— Причин для этого так же много, как рыбы в реке. Ты ведь не умеешь хорошо грести веслом! — отвечает индеец-чам.

— Правда, я не умею грести так хорошо, как ты, но зато мы умеем строить пароходы! — парирует белый.

Чам презрительно смеётся:

— А скажи: как часто приходят сюда твои пароходы?

— Ну... раз в месяц.

— Вот видишь! А грести приходится каждый день. Скажи теперь: что важнее?

Чам по-своему прав. В амазонских джунглях важнее всего весло.

Я довольно долго жил среди чамов и узнал многие их обычаи. Это племя рыбацкое, чамов не встретишь в джунглях. Там охотятся индейцы племени кампа — воинственный народец. В страхе перед ними чамы бегут под защиту белого человека. Правда, чамы не любят и белых наглецов, но ещё больше не любят они войн.

Чамы коренасты, приземисты. Лица у них монгольского типа, и, мне кажется, они подтверждают мнение тех учёных, которые доказывают, что некоторые индейские племена произошли от азиатских народов. Питаются чамы рыбой и бананами, приготовленными разными способами. Так называемая «патарашка» — рыба, запечённая в листьях пальмы,—могла бы служить деликатесом для самого привередливого лакомки. Чамы съедают невероятное количество «цяпу» — супа из бананов, сваренного на костре. Они жить не могут без тростниковой водки и, когда её нет, пьют «масата» — перебродившую юкку, которую женщины предварительно пережёвывают несколько раз.

Рыба и бананы,— видимо, отличная пища, так как чамы не знают болезней, у них всегда прекрасное настроение. Это их отличительная черта. Они всегда веселы, всегда смеются и, что самое удивительное, смеются даже тогда, когда с ними произойдёт какая-либо неприятность.

Хотя племя чамов живёт рядом с белыми людьми, оно, как каменной стеной, отгородилось от их влияния и культуры. Может быть, именно поэтому племя не погибло, наоборот, чамов становится всё больше.

Чамы приняли христианство, но остались верными языческим обычаям и о боге имеют довольно смутное представление. Они верят в колдовство. Некоторые из чамов хорошо считают на пальцах обеих рук; некогда славился «курака» (вождь), который считал так до десяти тысяч. Чамы не имеют понятия о деньгах, а может быть, и не хотят пользоваться ими. Они вообще не ценят вещей и не останавливаются ни перед чем, чтобы удовлетворить свои желания и даже капризы. Понравится, например, какому-нибудь чаму нож соседа, и он не задумается отдать за него своё «эскопето» — ружьё, которое стоит в двадцать раз дороже. Может быть, это происходит оттого, что чамам не приходится бороться за существование. Рыбы в реке сколько угодно, а гроздья бананов свисают с деревьев прямо над головой.

Миссионеры жалуются, что нет более твердолобых людей, чем чамы. Но в этом виноваты не индейцы, а жестокие конкистадоры и их преемники. Своими преследо-

ваниями белые испортили характер индейцев, это они сделали их тупыми, невосприимчивыми. Чамы невольно связывают цивилизацию с рабством, резнёй и бесчеловечной эксплуатацией. Можно ли после этого удивляться, что они отбрасывают её как нечто отвратительное!

Среди остальных индейских племён чамы выделяются своей художественной одарённостью. Правда, не все чамы, а только женщины их племени. Они искусно лепят из глины горшки различной формы и украшают их очень своеобразными рисунками: красными и темнокоричневыми изломанными под прямым углом линиями. Людей или зверей индианки рисуют редко, тоже превращая их в геометрические фигуры. Такими же рисунками украшают они и новые платья, и женские платки, и набедренные повязки мужчин. Рисунки эти всё время повторяются, и поэтому можно предположить, что они имеют какое-то более глубокое значение. Может быть, это остатки давно утраченной письменности, похожей на иероглифы?

Как и во многих первобытных племенах, женщины в противоположность ленивым мужчинам хлопочут с утра до вечера. На них лежит всё несложное хозяйство. Правда, мужчины сажают маниок, но собирают его женщины. Они же выращивают и все остальные культуры.

Чамы говорят, что обезьян можно есть, хотя это и нехорошо, потому что люди похожи на обезьян — у них такие же круглые головы. Индейцы обкладывают голову новорождённого спереди и по бокам дощечками и сплющивают череп ребёнка. Такая изуродованная голова является предметом гордости её обладателя, она усиливает его чувство человеческого достоинства. Волосы на теле, по мнению чамов, увеличивают сходство человека с обезьяной, и они старательно вырывают их.

Индеец-охотник.

Чамы не хотят походить и на белых людей. Сходство с обезьянами и белыми одинаково унизительно для индейца!

Белому человеку невозможно войти в доверие чамов. Они скрывают свои мысли, верования и обычаи. Это умное, весёлое племя ни за что не хочет расстаться со своим индейским образом жизни.

Если тебе, белый человек, надоедят плохие люди, если у тебя расстроены нервы, то тебе, конечно, захочется пожить подальше от городского шума, в благословенной тишине, на лоне самой буйной в мире природы, под пальмами, на берегу изобилующей рыбой реки, среди скромных, спокойных людей, которые не хотят знать денег и зла, порождаемого ими. Ты захочешь смеяться вместе с ними, как дитя, научиться грести веслом, бросать самодельный гарпун в большую рыбину, есть «цяпа» и дивиться примитивному искусству этих людей. Словом, тебе захочется поехать на Укаяли, к чамам, попросить их, чтобы они позволили тебе жить под одной крышей с ними, дружить с ними...

Но, к сожалению, тебя встретит горькое разочарование. Озабоченный «курака» долго будет скрести затылок, а потом вежливо посоветует тебе построить себе отдельную хижину подальше от них...

РАЗБУШЕВАВШАЯСЯ ПРИРОДА

Когда мы однажды гуляли по улицам Икитоса, мой товарищ Виктор Тадеуш споткнулся о какую-то ветку — запылённую, без листьев и, как казалось, без признаков жизни. Он хотел отбросить её ногой, но потом присмотрелся к ней внимательнее, поднял и унёс домой. Тадеуш посадил её в своём саду и полил водой. Я посмеялся над ним, но прошло три месяца, и я был поражён: на жалкой палке вырос пучок листьев и среди них огромный белый цветок, напоминающий лилию, со множеством пестиков и тычинок.

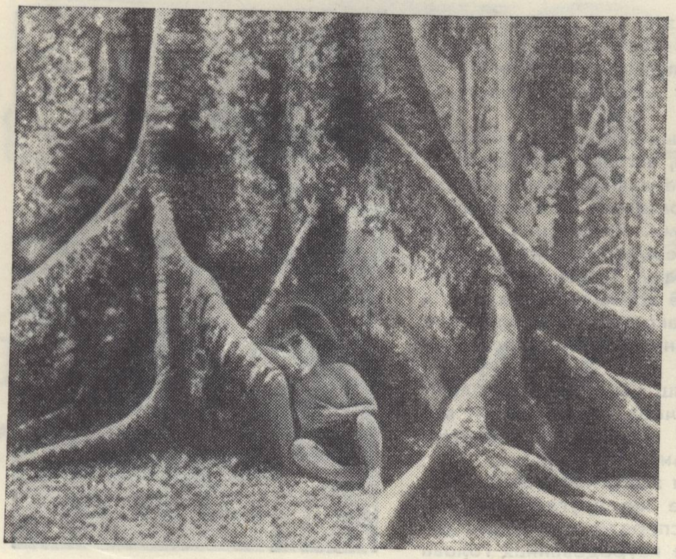

В зоологическом саду в городе Пара недалеко от входа я увидел очень высокое дерево — сумауб. Судя по надписи, этому дереву было всего тридцать семь лет, но в окружности оно имело около четырёх метров. Я много раз встречал в джунглях гигантские сумаубы, по двадцать и тридцать метров в окружности. Из их стволов спускаются к земле отростки, как бы подпирающие дерево, и это ещё усиливает впечатление непобедимой силы и своеобразной красоты амазонских джунглей.

Если посадить в землю плод мамоны, то через несколько месяцев из него вырастет четырёхметровое дерево, и с него сразу же можно собирать плоды величиной с ананас. Остряки говорят, что если на берегу Амазонки воткнуть в землю зонтик, то через два месяца вырастет целый куст зонтиков.

В амазонских джунглях таится страх и безумие. Часто опытные путешественники и исследователи возвращались из джунглей неизлечимо больными или совсем пропадали в лесу, как камень, брошенный в воду. Джунгли ревностно охраняют свою тайну и поглощают много жертв, даже среди туземцев.

Местные жители больше всего боятся заблудиться в джунглях; индеец никогда

Дерево сумауба подпирают огромные отростки, идущие от стволов.

не углубится в лес, не оставив за собой зарубок на деревьях,— это его нить Ариадны,— хотя у всех у них развито врождённое чувство ориентации. Укус маленькой мошки или прикосновение к ядовитому дереву может помутить рассудок. Джунгли готовят человеку тысячи ловушек и неожиданностей, в этом их ужас и вместе с тем их обаяние для азартных и смелых людей.

В книгах о путешествиях часто пишут про страх, охватывающий в джунглях даже людей уравновешенных, со здоровыми нервами. Я сам дважды пережил этот страх на реке Ивайи в Паране и здесь, в Кумарии. В обоих случаях я сошёл с тропинки в погоне за зверем, ни на минуту не забывая о том, как это опасно. Поэтому, продираясь вглубь джунглей, я старался запомнить вид деревьев, мимо которых проходил, и не отходить далеко от тропинки. Когда я удалился от неё примерно шагов на сто, я счёл благоразумным отказаться от дальнейшей погони и вернуться.

Я пошёл обратно. Прошёл сто шагов... сто пятьдесят — тропинки нет. Я оглядел деревья — всё незнакомые. Повернул обратно, чтобы по своим следам дойти до места, откуда только что ушёл, но и этого места я уже не нашёл, словно оно провалилось сквозь землю... Солнца не было видно, сориентироваться по нему нельзя. Холодный пот выступил у меня на лбу, потемнело в глазах.

Бабочка Морфо

Счастье, что неподалёку от меня были товарищи. Заметив долгое моё отсутствие, они вернулись на то место, где мы расстались. Оттуда, то и дело перекликаясь, мы легко нашли друг друга. Оказалось, что тропинка была всего в двухстах шагах от меня. Если бы не товарищи, приключение могло бы кончиться трагически.

Амазонские индейцы верят в лесного демона Курупири. Курупири — двуногое чудовище, одна нога у него человеческая, а другая — ягуара. Он бродит по джунглям и несёт гибель всем, кто встретится ему на пути. Это он издаёт таинственные звуки, пугающие охотника в джунглях. Все несчастья — дело его рук. Злобный дух слоняется всюду, поэтому амазонские дебри так опасны. Самую дикую радость Курупири доставляет безумие человека. С дьявольским хохотом наблюдает он за тем, как гибнет охваченный ужасом человек.

Если ты, дерзкий человек, хочешь раздобыть в глубине джунглей для своей коллекции несколько птиц, бери ружьё, нож-мачете, врубайся в чащу. Осторожно! Вот дерево, из пораненной коры его сочатся капли белой смолы. Это ассаку. Если капля смолы попадёт тебе в глаз, ты навсегда потеряешь зрение. Вот что-то подозрительно зашелестело в траве. Что это, змея? Нет, большая ящерица. Вот пальма пачиуба расставила пирамидой воздушные корни, вооружённые длинными грозными колючками. После укола этими шипами открываются болезненные раны, которые не заживают неделями.

А это растение вызывает головную боль и тошноту. Отойди подальше от него, и через минуту ты перестанешь ощущать неприятный запах и голова перестанет болеть.

Где-то поблизости плачут дети. Ты ясно слышишь всхлипывания голодных малышей. Но это совсем не дети, а лягушки.

Сваленное бурей дерево преграждает тебе путь. Ты становишься на него и по пояс проваливаешься в древесную труху. Из неё выбегают длинные сколопендры, ядовитые бестии. На них набрасываются муравьи-гиганты, величиной почти в два сантиметра. Это инсуле. У тебя на глазах разгорается отчаянная борьба. Спасайся скорей: они могут броситься и на тебя. От яда сколопендры ты заболеешь на несколько недель, а от укуса муравьёв тебя пять дней будет мучить жар.

Спасаясь, ты запутываешься в колючей чаще и валишься на землю. Изумительная сверкающая бабочка морфо пролетает над тобой, как огромный изумруд.

Пятнистый древолаз

Перед тобой чёрная болотная вода. Это одно из миллиона амазонских таламп — бесконечно длинное и очень узкое болото, всего в несколько метров шириной. Не прячется ли в нём какой-нибудь скат, который может оглушить тебя электрическим током? Переходишь осторожно. Тут неглубоко, но несколько пиявок уже присосалось к гетрам. Стряхиваешь их, бросаешь взгляд на талампу и замираешь от ужаса. В мутной воде над твоими следами что-то таинственно и враждебно бурлит. Ты хватаешься за ближайшую ветку и взбираешься на берег.

Бедняга, не надо было браться руками за ветку! На твоей ладони вскакивают жгучие волдыри, и пока ты дойдёшь до дому, у тебя распухнет вся рука.

Ад это или рай, неизвестно... Ты выходишь из джунглей поникший, подавленный

их враждебностью, утомлённый обилием впечатлений. А в глубине чащи слышатся голоса редких птиц, на которых ты хотел поохотиться.

Ты бежишь из джунглей к яркому свету, к людям, чтобы свободно вздохнуть в дружеском кругу. И ты, несомненно, вздыхаешь с облегчением. Но тропические джунгли попрежнему будут притягивать тебя и своей хищной дикостью и чарующей красотой.

Среди бездонных болот, покрытых ядовитой зеленью, по берегам Укаяли растёт изумительный красный цветок. Туземцы называют его ситули. У него два ряда больших, с человеческую ладонь чашечек в форме приплюснутых сердец. Цвет их алый и такой яркий и живой, что кажется, эти сердца горят во мраке джунглей. При виде этого чуда ты останавливаешься ослеплённый, и у тебя мелькает мысль: всё-таки стоило ехать на другой конец света, чтобы полюбоваться цветком ситули.

ВОДА, ВОДА, ВОДА...

Кроме джунглей, в бассейне Амазонки есть ещё более жестокая и ещё более безрассудная стихия — вода.

Могучие реки несут свои воды в Амазонку, самые большие пресноводные рыбы живут в её глубинах. Нагретый воздух насыщен густыми парами. Благодаря воде выросли эти необъятные джунгли.

Укаяли — один из притоков Амазонки. Я живу недалеко от того места, где Укаяли берёт своё начало, но и здесь, почти у самого подножия Андов, эта молодая река достигает почти километровой ширины. Хочу измерить глубину реки около моего жилища и беру восьмиметровый шнур с грузом на конце. Увы! Уже на расстоянии пяти метров от берега не достаю до грунта: здесь гораздо глубже.

Около города Икитоса воды в Амазонке так много, что раньше сюда заходили из Атлантики океанские корабли. Во время моего пребывания в Икитосе я любовался манёврами перуанского военного флота, который передвигался так свободно, будто находился в большом морском заливе.

У селения Табатинга, сравнительно недалеко от Кордильеров, в Амазонке вдвое больше воды, чем в самой огромной европейской реке — Волге. Амазонка вливает в океан... двенадцать таких рек, как Волга. Это водяная лавина!

Однажды в марте мы попали в настоящий ад. Ночью разразилась тропическая буря, а утром мы не узнали реки: вода в ней за ночь поднялась на четыре метра! Это уже не вода, а ревущее безумие. Река кипит, разбрасывая белые клочья пены, катится головокружительным потоком, образуя чудовищные водовороты.

Бесчисленное множество брёвен и вырванных с корнями деревьев мчится сверху и с гулом сталкивается. Деревьев в реке так много, что часто они, сцепившись ветками, образуют островки. Из этого удивительного хаоса тянутся искорёженные ветки, напоминающие руки лесных титанов, взывающих о помощи. Лес плывёт по реке непрерывно, днём и ночью — неисчислимое богатство, которым никто не воспользуется.

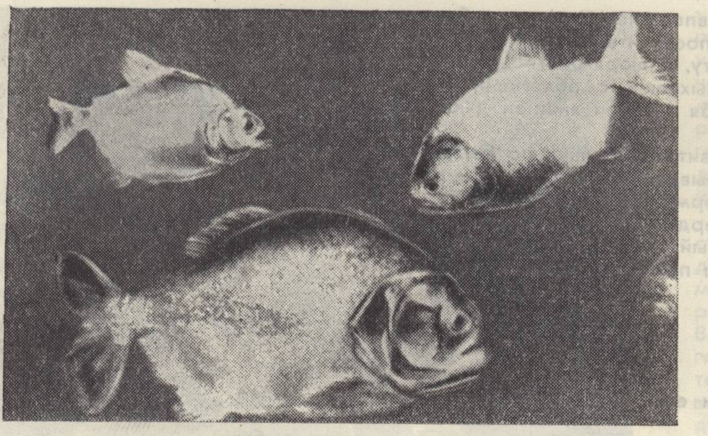
Связь с противоположным берегом Укаяли прервалась на три дня. Люди, которых паводок застал на чужом берегу, не могли вернуться домой. Только на четвёртый день обезумевшая река постепенно возвратилась в обычное состояние.

Ларсен, брат нынешнего капитана «Синчи Рока», спьяна потерял в укаяльском водовороте свой великолепный пароход и погиб сам.

Необузданная, таинственная и зловещая сила Амазонки внушает людям суеверный страх. На её притоках множество «заколдованных» мест, которые плотовщики проходят в глубоком молчании. Они утверждают, что стоит кому-нибудь из них произнести хотя бы одно слово или крикнуть, как в реке мгновенно образуется водоворот.

Когда Виктор Тадеуш искал золото в одном из горных ущелий Эквадора, он однажды нечаянно выстрелил из ружья и из-

Страшилища амазонских вод — пирании.

за этого едва не утонул. От звука выстрела над долиной неожиданно заклубились чёрные тучи, засверкали молнии и начался такой страшный ливень, что поток в ущелье в одно мгновение превратился в реку в несколько метров глубиной.

В селении Кумария время от времени раздаётся странный, глухой гром. Я думал, что где-то неподалёку разразилась гроза. Но однажды, когда сильный гул потряс наше жилище, мне разъяснили, что это «барранко» — борьба реки с джунглями. Во время паводка вода подмывает прибрежные деревья, а когда она спадает, деревья теряют опору и со страшным грохотом обрушиваются в реку. Горе тогда гребцам на каноэ! Местные жители панически боятся «барранко».

В этих глубоких водах сказочно богатая фауна. В Амазонке открыто более трети всех видов пресноводных рыб, которые существуют на земле. Фантастический подводный мир изумляет разнообразием, пестротой окраски. Но прежде всего он поражает небывалой хищностью пожирающих друг друга созданий. Рыбы Амазонки кормят человека и в то же время внушают ему страх.

В Ореллане я познакомился с юношей, которого три года назад страшно искусали рыбы. Раньше это был смелый паренёк, не боявшийся даже воды: ведь в реках Амазонки не станет купаться ни один разумный человек, если ему не надоела жизнь. А этот парнишка отваживался купаться в Укаяли. Но однажды, бросившись в реку, он вдруг страшно закричал. К счастью, поблизости были люди. Они поспешно подплыли к нему на лодке и выхватили юношу из воды. Но и за это короткое время рыбы успели вырвать из его тела большие куски.

То были пирании, страшилища этих вод,— сильные, несколько сплющенные с боков рыбы. Они не больше нашей крупной плотвы, но хищнее и прожорливее акул. Пирании нападают большими стаями и могут в течение нескольких минут обглодать человека до самых костей. В южноамериканских водах они пожирают множество людей и животных. У них сильные челюсти с острыми зубами; даже вытащенные из воды, они кусаются и, если вы будете недостаточно осторожны, могут отхватить у вас палец.

Но вернёмся к пареньку... Искусанный пираниями, он несколько месяцев боролся со смертью. Потом раны постепенно зажили, но нервы юноши сдали: он помешался и часто истерически рыдает.

Так же, как медведь гризли в Северной Америке, пирания стала страшилищем Южной Америки. Каждый честолюбивый путешественник мечтает встретиться с этой бестией и либо описать своё собственное морозящее кровь приключение, либо, наоборот, посмеяться над этой угрозой, якобы раздутой человеческим воображением. Английский писатель Питер Флеминг избрал второй путь и написал остроумную и живую книгу «Бразильская природа». Что касается меня, то мне не удалось встретиться с кровожадными рыбами, и — к счастью или несчастью — меня не искушает это опасное знакомство.

Воды Амазонки и Укаяли жёлтые, мутные, настолько мутные, что в них ничего не видно, и всё, что происходит в их глубине, покрыто непроницаемой тайной. На поверхности можно изредка увидеть лишь дельфинов и рыб пираруку, выскакивающих из воды. Когда человек сталкивает в воду лодку, он может нечаянно наступить на райю — рыбу, которая вонзит ему в ногу свои ядовитые колючки.

Иногда под вечер над водой слышатся какие-то странные звуки, словно где-то звучат колокола. Это поют усатые, с цилиндрическими телами рыбы, напоминающие нашего сома.

Их пение я впервые услышал, сидя около хижины и наблюдая изумительно красочное и живописное зрелище — заход солнца, уходящего с неба после бурного дня. Было очень тихо. И вдруг мелодичные звуки поплыли над водой. Высокие и низкие, они напоминали звон колокольцев разных размеров и даже детских погремушек... Некоторые раздавались совсем близко, даже из-под каноэ, причаленного к берегу.

— Что это? — спросил я у сидевших рядом моих помощников Педро и Валентина, не веря своим ушам.— Неужели это рыбы поют?

— Да, сеньор, рыбы,— ответил Валентин.

— Вы видели их?

— Видел. Они называются корсини.

Арапаима

Я прислушиваюсь к гармоническим звукам, доносящимся из-под воды. Я ошеломлён, меня охватывает тихий восторг, какой я обычно испытываю в концертном зале. Даже забываю о кровожадных комарах, о заходе солнца... Как много удивительного в джунглях! И всё же комары возвращают меня к действительности и заставляют скрыться в хижине.

Черепаха Аррау

Учёным известно несколько видов поющих рыб, относящихся к роду умбрина. Они живут в морях и реках. Пузырь у поющих рыб устроен сложнее, чем у обычных,— он состоит из нескольких камер. Воздух, переходя из одной камеры в другую, заставляет вибрировать стенки пузыря. Так возникают слышанные мною звуки.

В течение девяти — десяти месяцев в году по всей Амазонке идут проливные дожди, и уровень воды в реках иногда поднимается на пятнадцать метров. В Амазонке два раза в год прибывает и спадает вода. Примерно в мае, во время самого высокого паводка, она заливает амазонские джунгли, проникая на сотни километров вглубь. Куда не достигает река и её разливы, там обильные дожди образуют топи, болота и озёра, затопляющие лес на несколько метров в высоту. Человек не покидает в это время своей хижины, которую он предусмотрительно строит на высоких сваях.

В сентябре картина меняется. На короткое время прекращаются дожди, вода спадает, обнажаются белые песчаные пляжи, отовсюду слетаются стаи птиц, и над водой в ярких лучах солнца царит радость. Пищи хватает всем в избытке. Метать икру рыбы идут такими косяками, что их можно обнаружить по шуму, который слышен издалека. Рыбу можно черпать корзинами. На пляжи выходят из реки огромные черепахи и кладут в песок свои яйца. Яйца черепахи считаются здесь деликатесом, прибрежные жители целыми семьями отправляются по ночам собирать их.

Идиллия — если вообще жизнь на Амазонке можно назвать идиллией — продолжается два — три месяца, до ноября. А потом снова льют сплошные ливни. Снова прибывает вода в реках. Вместе с тучами, обложившими всё небо, возвращаются хлопоты и заботы местного жителя.

В сердце человека снова вселяется страх, невыносимый страх гребца каноэ, которому кажется, что он плывёт на хрупкой скорлупке не по реке, а над какой-то огромной, капризной, враждебной и таинственной бездной...

ДРУЖБА

Сегодня нам предстоит поездка к индейцу Клавдио, у которого я хочу купить маленькую обезьяну.

Валентин, Джулио и я садимся в каноэ. Я укладываю самые красивые отрезы материи для обмена и самые сладкие бананы для обезьяны.

Быстро плывём по течению. Через час перед нами появляется хижина Клавдио. Уже издалека мы с радостью убеждаемся, что хозяева дома.

Клавдио встречает нас несколько смущённый. Обезьянка у него есть, она вполне здорова, но... индеец передумал её продавать. Жена его привязалась к зверьку и ни за что не хочет расставаться со своей любимицей. Даже яркие ткани не производят на неё никакого впечатления.

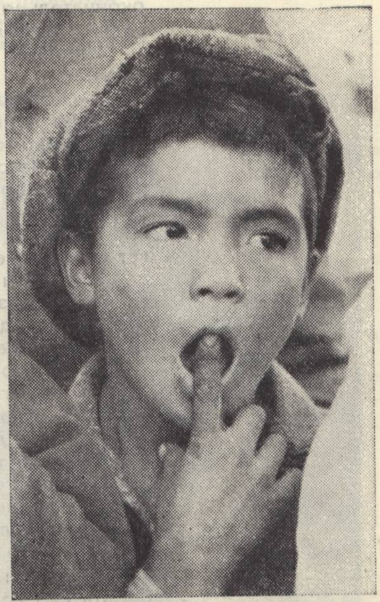
Мы стоим на берегу реки, неподалёку от хижины. Обезьяны нигде не видно. Где же она? Индейцы со смехом показывают на крышу дома: там виднеются коричневая макушка и испуганные глаза, следящие за нами с напряжённым вниманием. Позади ещё одна обезьяна таращит на нас глаза — чёрная, с большой круглой головой. Точь-в-точь, как двое ребятишек, испуганных приходом чужих людей, но неспособных побороть своё любопытство.

Индейцы зовут обезьян, но они не двигаются с места, как будто и не слышат. Потом чёрная преодолевает страх и медленно выходит из-за хижины.

Это превосходный экземпляр обезьяны из рода лаготрикс. Их называют здесь барригудо, то есть толстобрюхими. Это одна из самых крупных обезьян Южной Америки. Что бы барригудо ни делал, он всегда сохраняет достоинство; кажется, он никогда не совершает необдуманных поступков.

Барригудо неуверенно, медленно подходит к нам. На полпути останавливается и поворачивает голову к хижине, где остался его товарищ. Спокойным, широким жестом он приглашает его подойти к нам. В этом есть что-то комическое, потому что жест напоминает человеческий,— так после окончания спектакля актёр приглашает свою партнёршу выйти из-за кулис на аплодисменты публики.

Мы ласково разговариваем с обезьянами, чтобы приманить их к себе, но они признают только реальные ценности. Бросив на землю два золотистых банана, мы достигаем цели. Вторая обезьяна боязливо покидает своё укрытие, подскакивает к барригудо, и обе подходят к нам. Каждая принимается за свой банан. Малыш ест с жадностью, торопливо, барригудо — флегматично, с чувством меры. Какой разный у них темперамент!

Я подружился с маленьким Чикинио, сыном португальского поселенца. Много удивительного рассказал мне мальчик об Амазонке.

Видимо, бананы пришлись по вкусу, и обезьяны смотрят на нас, как будто спрашивают: нет ли ещё?

Лицо барригудо покрыто чёрной, сморщенной кожей, брови торчат, лоб низкий. Он ещё больше, чем малыш, напоминает человека движениями руки, кладущей в рот банан, и своим смущённым и сосредоточенным видом.

Держа в руке банан, я приближаюсь к обезьянам. Малыш поспешно отступает на несколько шагов. Обыкновенный робкий дикарь! Барригудо, напротив, остаётся на месте. Он пристально смотрит на меня. На выразительной мордочке я читаю все чувства, которые одолевают его: беспокойство, недоверие, страх и любопытство. Он напрягает всю волю, чтобы не последовать примеру малыша, не убежать. Бессознательно кладёт руку на затылок и гладит волосы, совсем как человек.

Я подаю барригудо банан. Он берёт его двумя пальцами и осторожно кладёт в рот. Завистливый малыш подскакивает и вырывает лакомство у него изо рта. Но ограбленный барригудо и не думает драться с лакомкой или догонять его. Он удивлённо смотрит на убегающего, потом обращает ко мне смущённый и выразительный взгляд, прося дать ещё. Протягиваю ему ещё один банан. И тут я просто остолбеневаю. Ещё никогда не приходилось мне наблюдать что-нибудь похожее. Все животные, которых я встречал, жадны к пище, все они лакомки и эгоисты. В лучшем случае они не мешают есть другим. А барригудо не стал есть банан, с невероятной самоотверженностью он отдаёт его малышу с таким видом, как будто хочет сказать: «Бери, если уж ты такой обжора».

Тяжёлой поступью возвращается вечером усталый поселенец в свою хижину.

Барригудо возвращается ко мне и снова просит. Пока он с удовольствием уплетает банан, я касаюсь пальцами его головы. Потом подаю ему руку, и он сильно сжимает её.

Лицо барригудо избороздили морщины, но это не признак старости: обезьяна в расцвете сил. Больше всего меня поражает выражение бесконечного добродушия, сочетающееся с редкой даже у обезьян живостью ума. Эта очаровательная толстуха окончательно покоряет меня. Насколько же она милее малыша, неотёсанного непоседы! Неужели Клавдио не отдаст мне и барригудо?

Индейцы с интересом наблюдают за мной. Клавдио говорит, показывая на барригудо:

— Хорошее мясо!..

Я не понимаю, о чём он говорит, но Валентин объясняет: мясо барригудо считается лакомством, и поэтому лесные жители охотятся на них. Хотя в джунглях довольно много этих обезьян, но вокруг человеческих жилищ барригудо встречаются редко: их почти всех истребили.

— И этого,— спрашиваю я, возмущённый,— тоже откармливают на мясо?!

Клавдио, как всегда, не даёт ясного ответа, но из его слов понятно, что они могут съесть обезьяну, а могут и не съесть.

Индеец и его жена жадно смотрят на пёстрые куски материи, которые я с самого начала разложил на пне перед хижиной. Клавдио подводит меня к тканям и, дотронувшись до красной материи, глядит на меня блестящими глазами.

— Это дашь? — спрашивает он неуверенно.

— За что?

— За него,— показывает он на барригудо.

— Я отдам тебе оба куска! — восклицаю я, едва сдерживая свою радость.

Клавдио думает, что я шучу над ним. Потом поспешно соглашается и приказывает жене унести ткани в хижину: а вдруг я раздумаю и пожалею о своей щедрости?!

По дороге обратно мои спутники упрекают меня в том, что я сильно переплатил. Джулио деловито ощупывает насупившегося барригудо, привязанного на носу лодки, и говорит Валентину:

— Много мяса!.. Сеньор не так уж сильно переплатил.

Когда мы вернулись в Кумарию, Педро, осмотрев животное, посоветовал мне забирать его на ночь в хижину: кто знает, не захочет ли кто-нибудь из индейцев полакомиться им?

Так началась моя дружба с самым симпатичным созданием, которое я когда-либо встречал среди животных. И теперь, вспоминая барригудо, я называю его самыми тёплыми и нежными словами. Трудно сказать, что самое милое в моём друге и в чём

его обаяние: в необыкновенной ли миролюбивости и доброте характера, в доброжелательности ли и мягкости и, я бы сказал, в изяществе манер или же в его сообразительности?

Я отношусь к барригудо по-иному, чем к остальным животным. Но в нашей дружбе нет сентиментальности. Я не люблю слишком откровенно проявлять свои чувства (может быть, поэтому я произвожу впечатление сухого человека), барригудо тоже не любит этого.

Он привязался не только ко мне, но и ко всем окружающим: к моему хозяину Барановскому, к Педро и Валентину. Только Джулио он немного сторонится. Когда я узнал, как проницателен барригудо, я готов был поклясться, что смышлёный зверь почувствовал, зачем Джулио ощупывал его, когда мы возвращались от Клавдио, и, видимо, не может ему этого простить.

Через три дня после приезда в Кумарию я снимаю с барригудо верёвку и отпускаю его на волю. Барригудо не убегает. Целыми днями обезьяна возится перед моей хижиной, сердечно встречая каждого человека, а вечером приходит в мою комнату. Охотно, но с чувством собственного достоинства он играет с другими животными, особенно с обезьянами, и их проделки переносит с забавной снисходительностью. В противоположность этим крикливым созданиям барригудо всегда молчит.

Глядя на его плотную, приземистую фигуру и медлительные движения, я думал, что он неловок и неповоротлив. Оказывается, ничего подобного. Когда барригудо хочет, он совершает невероятные прыжки и так ловко взбирается на самые высокие ветки, помогая себе длинным, гибким хвостом, что ему могла бы позавидовать любая длинноногая обезьяна. Он любит, прицепившись за ветку хвостом, раскачиваться вниз головой, с наслаждением уплетая сласти.

Когда я стал готовиться к отъезду из Кумарии, нашу дружбу омрачила первая забота.

— Вы хотите взять его в Польшу? — спросил меня Барановский.

— Конечно!

— Говорят, эти обезьяны издыхают на море.

Перуанцы тоже убеждают меня, что барригудо редко доплывают живыми до города Пара, погибая где-нибудь около Манаоса.

Но я всё же решил рискнуть.

У меня живёт несколько десятков зверей. У них прекрасное здоровье, и я, охваченный нелепым самомнением, хочу перевезти не только барригудо, но и весь зверинец в Польшу. «Пусть живут,— говорю я себе,— в наших зоологических садах здешние попугаи туканы, цапли, змеи, огромные, с большую тарелку, лягушки, обезьяны, муравьеды, молодой тапир и масса других интересных существ!»

В один прекрасный день, старательно запаковав коллекции, я переселил своих животных в несколько десятков клеток, погрузил всё моё имущество на пароход и поплыл вниз по реке. Хотя на маленьком пароходике очень тесно, но первый этап нашего пути до Икитоса прошёл благополучно, без потерь.

От Икитоса до города Пара, в устье Амазонки, мы едем на большом пароходе, и я не держу зверей в клетках, а привязываю их на палубе. Но, несмотря на это, многие начинают болеть, а вместе с ними страдают и мои нервы. Я всё яснее начинаю понимать всю нелепость и безнадёжность моего предприятия и всё больше чувствую свою вину. Какое я имел право так несправедливо поступить с бедными созданиями: увезти их из родных лесов?! Ведь я обрёк их на верную гибель! И действительно, уже около Табатинги, на бразильско-перуанской границе, смерть уносит первые жертвы.

Звери живут в тихом углу на нижней палубе. Пассажиры и матросы, движимые доброжелательным любопытством, часто заглядывают к ним.

Однажды утром, когда я, как всегда, спустился к моим зверям, чтобы накормить их, я увидел, что нет молодого тапира. Наверно, он отвязался ночью. Но тщетно я ищу зверя на палубе. Неужели он упал в воду с палубы, не защищённой барьером, и погиб? Барригудо, видя, как я рассматриваю верёвку, которой был привязан тапир, подходит ко мне и, схватив за руку, сильно и энергично трясет её. Он никогда прежде этого не делал. Его глаза, обычно такие спокойные, возбуждённо блестят и смотрят на меня выразительно, как бы желая что-то сказать. Я отвязываю обезьяну от столба. Барригудо как будто только этого и ждал. Он ведёт меня к сложенным на палубе ящикам и останавливается с напряжённым, испуганным выражением лица и оскаленными зубами. Я с ужасом замечаю за ящиком кусок шкуры, снятой с моего тапира. Теперь я догадываюсь, что произошло. Кто-то ночью украл зверя, чтобы убить его и съесть. Индейцы любят мясо тапиров так же, как и мясо барригудо.

С этого утра я весь день сижу у зверей, а на ночь забираю барригудо в свою каюту. Я очень недоволен собой и всё больше ненавижу клетки и верёвки. Мне всё труднее держать себя в руках.

Счастье ещё, что барригудо сверх ожиданий прекрасно переносит путешествие по реке. Это здоровый, выносливый зверь.

Глаза барригудо блестят, будто он хочет мне что-то сказать.

Когда утром мы вместе с обезьяной спускаемся на нижнюю палубу, проголодавшиеся за ночь звери издалека приветствуют нас радостными криками и вознёй. В особенности обезьяны, которые привязаны все в одном углу. Они так запутываются, что мне трудно их распутать. Увидев меня, они скачут, как сумасшедшие, и ещё больше запутываются. Тогда услужливый барригудо приходит мне на помощь. Он становится рядом со мной и строго расправляется кулаками и зубами с самыми неугомонными. Барригудо быстро устанавливает порядок, и я без труда распутываю обезьян. Его старания облегчить мне жизнь просто трогательны.

Во второй половине путешествия по Амазонке животные умирают всё чаще. В отчаянии я решаю на какой-нибудь из стоянок отпустить на волю весь зверинец. Но это не удаётся осуществить.

Барригудо попрежнему чувствует себя хорошо. Но именно потому, что мы так любим друг друга и что он так предан мне, меня мучают угрызения совести. Я должен освободить своего друга! Эта мысль всё время преследует меня.

Во время стоянки в маленьком порту на Нижней Амазонке я выхожу с барригудо на прогулку в ближайший лес. Когда мы отошли от реки на несколько километров, я, воспользовавшись тем, что обезьяна потеряла меня из виду, убегаю от неё и возвращаюсь в порт. Пароход даёт сигнал к отплытию, уже втаскивают трап, и вдруг я вижу: чёрный комок, сломя голову, мчится к нам. Матросы узнают барригудо и ещё раз спускают трап, по которому зверь, запыхавшись, вбегает на палубу. Я никогда не забуду тех полных упрёка взглядов, которые он бросал на меня в течение всего дня.

Третий этап пути по морю — от города Пара до Рио-де-Жанейро — превращается в сплошной кошмар и несчастие. Мы плывём вдоль побережья Бразилии, холодный ветер свищет в снастях, мои звери на палубе начинают простужаться. Капитан отказывается предоставить им закрытое помещение и требует такую высокую плату, что она превышает мои средства. Волей-неволей я раздаю своих зверей пассажирам и матросам, оставив себе только барригудо и несколько птиц. От укаяльского великолепия остаются лишь жалкие остатки. А барригудо продолжает чувствовать себя превосходно.

В Рио-де-Жанейро, очутившись на суше, я вздыхаю с облегчением. Под тёплыми лучами солнца мы приходим в себя. Но я твёрдо решаю, что не повезу моего дорогого барригудо через океан в Польшу. Это путешествие может закончиться трагически для него.

К счастью, я нахожу в Рио благородных людей. Профессор Тадеуш Грабовский соглашается взять барригудо в свой дом, окружённый прекрасным садом, а его жена обещает окружить моего любимца заботой.

Утром, в день моего отъезда в Рио, я прихожу попрощаться с другом. Обезьяна сидит в саду на длинной верёвке. С присущей ей проницательностью она обо всём догадывается. Судорожно хватает меня за руку и не выпускает, так что мне приходится несколько шагов тащить её за собой, а потом, когда кончилась верёвка, силой вырваться из её объятий. Барригудо так рвётся ко мне, что верёвка на шее глубоко врезается в тело.

Я отхожу на несколько шагов, и происходит невероятное. До сих пор барригудо никогда не издавал ни единого звука. Но сейчас, в минуту горя, из его сдавленного горла вылетает не то стон, не то плач:

— Чааа!

Вернувшись в Европу, я надеялся, что освобожусь от угрызений совести. Но нет, не освободился! Меня мучают воспоминания о клетках и путах. Я всё яснее сознаю, как плохо поступил с барригудо! Надо было все-таки вернуть ему свободу. Ужасная верёвка, сдавливающая его горло в минуту нашего прощания, снится мне по ночам.

Однако через два месяца после возвращения в Польшу я получаю письмо из Рио-де-Жанейро от опекунши барригудо. В этом письме она извиняется передо мной за то, что произошло, и старается объяснить мне причины. Оказывается, после моего отъезда барригудо переменился. Он помрачнел, стал нелюдимым, с каждым днём он всё больше дичал, кусался, когда к нему подходили люди. И вот однажды ночью ему удалось снять с шеи верёвку и убежать. Спустя несколько дней его видели на горе, заросшей лесом, около Пао д'Азукар, но поймать его не удалось...

Вечером того дня, когда я получил письмо, мои друзья были изумлены: они никогда не видели меня таким весёлым и счастливым.

Перевели с польского
И. Горбачёва, Я. Немчинский.

НАША ПОЧТА

В полном разгаре ласковое зелёное лето. Поют по утрам пионерские горны, и тысячи красных флагов, взвиваясь на высокие мачты, возвещают приход нового лагерного дня. Сколько приключений, находок, встреч, сколько интересных событий в каждом таком дне! Вот прочитайте, что рассказывают о своей жизни пионеры, отдыхавшие близ города Вереи, в лагере завода «Станкоконструкция».

А у вас как, ребята? Весело ли живёте?

Мы уверены, что и вы сумели заполнить свой лагерный досуг весёлыми затеями, играми, и вы пытливо всматриваетесь в тайны лесов, и вы находите работу в соседних колхозах для своих крепких и проворных рук. Наверное, и вам по силам устроить в лагере свой цирк или зоопарк. Скажите, так ли это?

Живой уголок

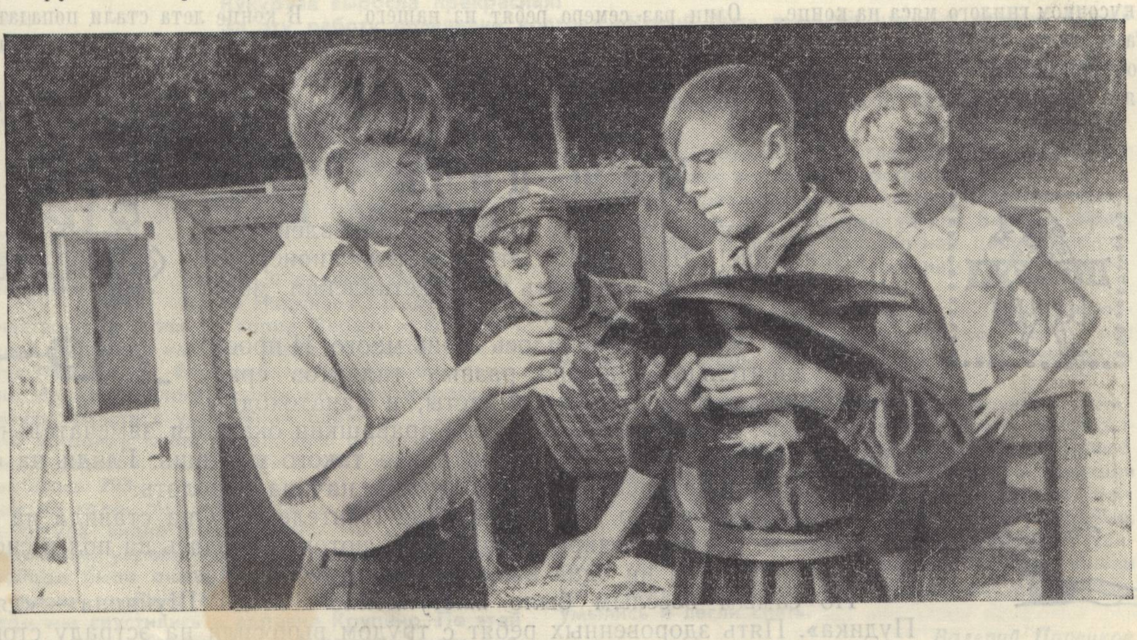
Всё началось с ворона. Серёжа Беляков поймал его на дороге во время дождя. У ворона было подбито крыло, и он не мог летать. Мы решили вылечить птицу: засыпали ранку белым стрептоцидом и посадили Черныша (так мы его назвали) на терраску.

Черныш быстро привык к нам и стал совсем ручным: брал пищу из рук, садился ребятам на плечи. Мы очень полюбили его и только боялись, что он улетит, потому что крыло у него совсем зажило.

Так и случилось. Однажды дежурные недосмотрели, и Черныш улетел. Мы очень жалели его и были уверены, что он никогда не вернётся.

Вечером на открытой эстраде шёл концерт самодеятельности. И вдруг кто-то увидел Черныша. Он сидел на крыше эстрады и каркал: просил есть. С тех пор Черныш везде был с нами.

Потом в лагере появились ежи (ребята

Черныш быстро привык к ребятам и стал совсем ручным.

нашли их в овраге). Серёжа Беляков поймал крота. И тут мы размечтались, что поймаем белку, дятла и что у нас будет целый зоопарк.

Но поймать их нам не удалось. Зато однажды на прогулке нам повезло. Прямо из-под ног вспорхнула трясогузка. Мы пригляделись и увидели в кустах её гнездо, а в нём яички. Через несколько дней в овраге, на старой черёмухе, мы нашли совсем маленькое соловьиное гнёздышко. Эти гнёзда взяли под наблюдение. Нас удивило, что соловьиха совсем не слетает с гнезда. Мы решили выследить, когда же она кормится. И мы увидели, что она вылетает из гнезда только вечером и очень не надолго.

Ещё мы познакомились с семейством воробьёв. Они жили в гнезде над нашим изолятором. Очень смешно было смотреть, как воробьята учились летать. Мать учила их летать от гнезда до перекладины — метра на полтора. Если птенчик падал, то воробьиха всегда возвращалась к нему и заставляла снова лететь. Она была строгой матерью.

Оказалось, что наблюдать за птицами на воле гораздо интереснее, чем в неволе.

Лёня Каменев

Раки

В Протве водится много разной рыбы.

Есть такая поговорка: «На безрыбье и рак—рыба». А вот у нас в реке Протве очень много всякой рыбы, но всё-таки больше всего мы любили ловить раков.

Раки живут на песчаном берегу, в глубоких норках. Ловят их по-разному. Можно просто засунуть руку в норку, и рак сам вцепится клешнями в палец. Но это не особенно приятное ощущение.

Гораздо спокойнее ловить раков на рачешницу. Это длинная палка с кусочком гнилого мяса на конце. Раки лучше всего ловятся вечером, на закате. На запах гнилого мяса они сползаются десятками.

Один раз семеро ребят из нашего отряда поймали девяносто раков. Какой мы пир на весь отряд устроили тогда!

В конце лета стали попадаться «мягкие раки». Это они меняли свой панцырь.

Коля Бакушин

Наш цирк

Однажды у нас в лагере появилось объявление:

«Внимание! Внимание! Открывается пионерский цирк! Желающие участвовать в представлении могут записаться у своего вожатого».

Конечно, желающих нашлось очень много. И просто даже удивительно, сколько разных талантов сразу обнаружилось. Нашлись и гимнасты, и канатоходцы, и жонглёры, и фокусники. А Витя Каравашкин оказался замечательным клоуном, не во всяком настоящем цирке такого увидишь. Глядя на его проделки, мы смеялись так, что в животе начинало колоть.

Интересный номер показывала Зоя Пантелеева. Она ставила на голову стакан, полный подкрашенной воды, потом ложилась на пол и снова вставала, при этом ни одна капля воды не проливалась.

Но самым весёлым было выступление Володи Шуйдина — «дяди Пудика». Пять здоровенных ребят с трудом выносили на эстраду стопудовую штангу. Потом появлялся «чемпион планеты дядя Пуд», брался

за штангу и... поднимал её. Он уходил со сцены под аплодисменты зрителей, а в это время выбегала совсем маленькая девочка, брала одной рукой «стопудовую штангу» и убегала...

Все цирковые номера исполнялись в сопровождении нашего шумового оркестра под руководством Палочкина-Махалочкина — Андрюши Никитина из 3-го отряда. Я тоже играл в шумовом оркестре — на коробке палочками. Наш цирк выступал не только у нас, но и в соседнем лагере и в колхозе. Везде выступления проходили очень хорошо.

Гена Сучилин

Витя Каравашкин оказался замечательным клоуном.

Пионерский участок

Рядом с нашим лагерем расположен колхоз «Новый быт». Как-то в начале первой смены в лагерь пришёл председатель колхоза и попросил нас помочь: поработать в колхозе.

Нам выделили отдельный участок в четыре гектара и дали задание вырастить на нём кукурузу. Мы всё делали сами: и сажали, и пололи, и окучивали, и собирали урожай.

Кукуруза выросла прекрасная!

За эту работу правление колхоза «Новый быт» вынесло нашему лагерю благодарность.

Володя Макаренко

По следам 293-й дивизии

Как-то мы узнали, что наш лагерный педагог Сергей Иванович Норовлев во время войны участвовал в боях за город Верею и со своей дивизией проходил как раз через те места, где находится наш лагерь. Всех ребят это очень заинтересовало. Нам захотелось пройти по этим дорогам и тропинкам вместе с участником боёв.

И мы устроили такой поход. Наш отряд шёл просёлочной дорогой, по которой в 1942 году с боями продвигалась 293-я дивизия. Сергей Иванович привёл нас на холм. Мы забрались на самую его вершину, оттуда видна была Верея. На этом холме, над обрывом, укрепилась наша артиллерия. Наверно, бойцам было очень трудно поднимать по крутому склону тяжёлые артиллерийские орудия.

Потом мы спустились к деревне Крупино. По этой же дороге наши бойцы шли, на каждом шагу рискуя жизнью, потому что гитлеровцы ни на минуту не прекращали жестокого обстрела.

От этой деревни началось наступление. И на рассвете 293-я дивизия с боями заняла Верею. Город горел. Сергей Иванович показал нам церковь, в которой фашисты перед отступлением сожгли наших раненых бойцов.

Мы шли, и нам представлялись гул бомбардировщиков, артиллерийская перестрелка, хотя вокруг нас мирно пели птицы и светило солнце, никакой войны не было.

Когда мы спустились к реке Протве, уже стемнело, накрапывал дождь. Сергей Иванович рассказывал, что эту речушку они тоже форсировали ночью и здесь погибло много наших бойцов. Мы перешли речку цепочкой, в полной тишине. Ночь была тёмная, сырая. На другом берегу, уставшие, голодные, мы остановились на привал. Разожгли костёр, сварили ужин. В лагерь мы вернулись поздно, вошли так тихо, что никто даже не слышал, как мы пришли, умылись и легли спать.

Валерий Парецков

Почему и Отчего

Земля и Солнце

Дорогая редакция!

Правда ли, что на Солнце недавно произошёл взрыв от скопления водорода и что взрывная волна на некоторое время остановила действие земных радиостанций, а также что будто произойдут ещё такие же взрывы, от которых Солнце может расколоться на части?

Меня это очень интересует.

Митя Плетенчук,
ученик 7-го класса, с. Мочище,
Новосибирская область.

Не только тебя это интересует, Митя! Вот, например, Наташа Сократова, живущая в Ашхабаде, тоже беспокоится насчёт «взрыва» и хочет знать, чем он вызван. А Володя Ефремов пишет: «Я слыхал о взрыве на Солнце и его последствиях от многих людей в нашей Грачёвке. Одна из моих тёток говорит, что упал кусок Солнца на Землю в том месте, где находится остров Сахалин, и что остров уничтожен. Я отвечаю ей, что кусок Солнца не может упасть на Землю, а тётка не верит».

Повидимому, и ты, Митя, и остальные ребята подразумевают то, что наблюдалось на Солнце 23 февраля нынешнего года. Мы обратились с этим вопросом к астроному, кандидату физико-математических наук Н. Бугославской, и вот что она рассказала:

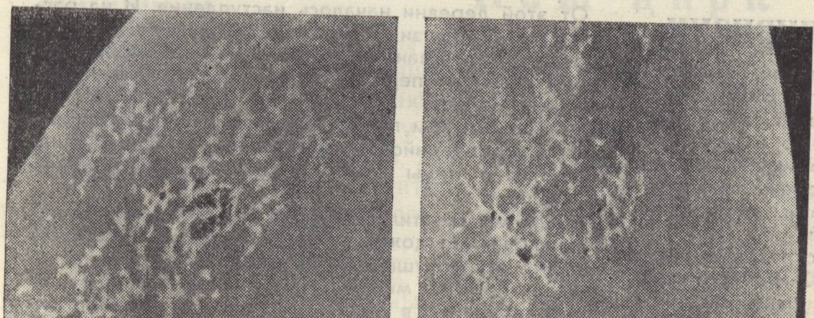
— Действительно, 23 февраля на Солнце произошло нечто интересное. Только давайте сразу же условимся не называть это взрывом. У астрономов такие явления называются вспышками. Вспышки разной силы не так уж редки на Солнце, но даже при самых сильных не может Солнце расколоться, и тем более не может никакой кусок Солнца упасть на Землю. И взрывная волна не может образоваться в безвоздушном пространстве между Солнцем и Землёй.

Что же в действительности происходит на Солнце? Прежде чем говорить об этом, я напомню, что Солнце — звезда, только несравненно более близкая к нам, чем другие звёзды.

Как и все звёзды, Солнце — огромный раскалённый газовый шар. Чтобы легче было сравнивать его с Землёй, давайте мысленно построим небольшую модель, уменьшив для этого Землю до размеров обыкновенного школьного глобуса. Тогда Луна, в виде шарика с некрупный апельсин, расположится на расстоянии шести метров от глобуса, а Солнце даже при этих уменьшённых масштабах окажется далеко: за два с половиной километра. И по размерам оно будет гораздо крупнее глобуса-Земли и апельсина-Луны: большим шаром величиной с пятиэтажный дом.

Настоящее Солнце от настоящей Земли находится за полтораста миллионов километров. И даже из такой дали от него доходит к нам столько тепла и света, что ими поддерживается вся жизнь на нашей планете. А ведь тепло и свет, которые попадают на Землю,— это лишь одна двухмиллиардная часть всего солнечного излучения. Подумайте, какое же Солнце горячее и яркое!

Учёные измерили температуру поверхности Солнца, и она оказалась равной шести тысячам градусов. При этой температуре ни одно вещество не может оставаться не только в твёрдом, но и в жидком состоянии. Всё мгновенно превращается в раскалённые газы и пары.

Близ края солнечного диска разыгралась буря, возникла группа пятен и факелов (правый снимок). Прошло несколько дней, пятна и факелы стали крупней, буря, разыгрываясь, захватила обширную область (левый снимок). Благодаря вращению Солнца вокруг своей оси буря переместилась к противоположному краю солнечного диска.

На Солнце никогда не бывает спокойно. Газы движутся, бурлят, то и дело в них возникают стремительно вращающиеся вихри, вроде наших циклонов, только это циклоны раскалённые и гораздо более быстрые и сильные. У солнечных циклонов так же, как у земных, в центре образуется холодная область. Конечно, этот «холод» всё равно нестерпимо горяч: четыре с половиной тысячи градусов. Но чем ниже температура раскалённого тела, тем меньше от него исходит света, поэтому в сравнении с остальной поверхностью Солнца центры солнечных циклонов кажутся нам тёмными пятнами.

Значит, если на Солнце видно тёмное пятно, мы знаем: здесь

идёт буря, здесь центр бешено вращающихся раскалённых газов.

Вы легко представите себе, как грандиозны размеры этих вихрей, если я скажу вам, что в центральной их части, на площади пятна, можно уложить десятки таких шаров, как наша Земля.

Циклоны эти возникают на поверхности Солнца, сперва разрастаясь и усиливаясь, потом постепенно стихая и успокаиваясь. Учёные следят, как на Солнце появляются пятна, как они изменяют размеры и форму, как они уменьшаются и исчезают.

По соседству с пятнами в растревоженных циклоном областях происходят мощные выбросы вещества из слоёв, расположенных под поверхностью Солнца. Тогда вздымаются гигантские фонтаны раскалённых газов — протуберанцы. Они достигают сотен тысяч километров высоты, а потом падают обратно на Солнце. Но бывает, что скорость летящих частиц в протуберанце оказывается больше шестисот километров в секунду. При такой скорости частицы эти могут преодолеть силу солнечного притяжения и навсегда улетают от Солнца, рассеиваясь в мировом пространстве.

Уходящее от Солнца вещество мы можем наблюдать во время солнечных затмений в виде бледного сияния. Это солнечная корона, она составляет внешнюю, самую разреженную часть атмосферы Солнца, такую разреженную, что воздух у поверхности Земли в миллионы раз плотнее.

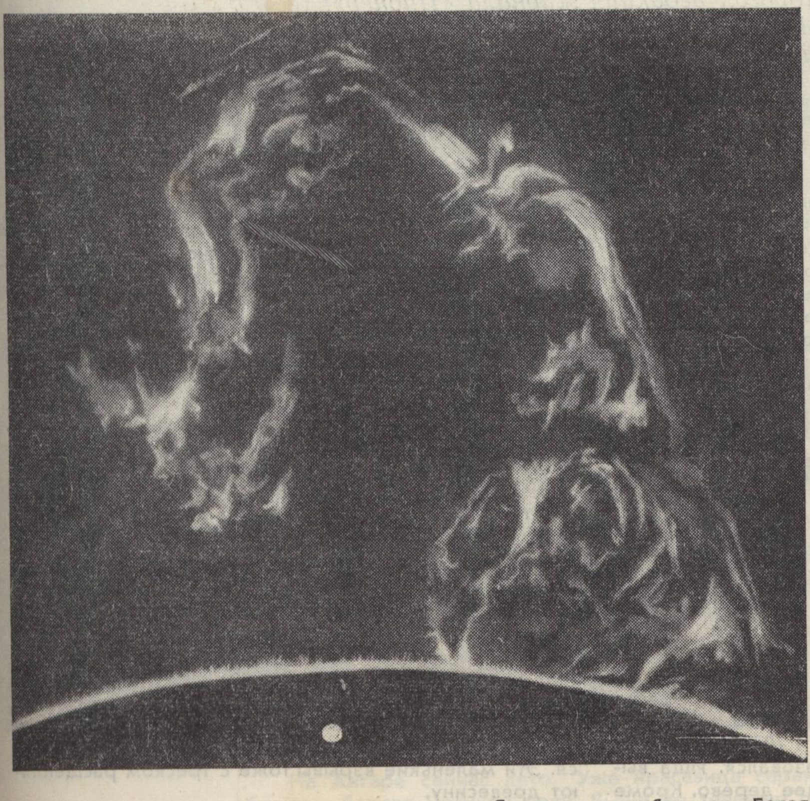
Корона окружает Солнце неравномерным слоем. В ней образуются длинные лучи, они видны во время затмения на десятки миллионов километров, а на самом деле вытягиваются и на сто, и на сто пятьдесят миллионов километров, и много дальше. Но ведь сто пятьдесят миллионов километров — это

Под ударами летящих от Солнца частиц разреженные газы земной атмосферы начинают светиться, и в небе загорается полярное сияние.

расстояние от Солнца до Земли! Значит, лучи короны могут достать до нашей планеты? Да, могут, если она в это время проходит ту часть своей орбиты, которая лежит на пути луча короны. И что же тогда произойдёт? Об этом я расскажу дальше, а пока могу успокоить вас: не произойдёт никаких катастроф, ничего похожего на исчезновение острова Сахалин!

Вернёмся к солнечным пятнам. Кроме протуберанцев, в области пятен часто бывают видны раскалённые облака, более яркие, чем остальная поверхность Солнца. Мы называем их факелами. Иногда какая-либо часть такого факела вдруг начинает светиться особенно ярко, в сотни раз ярче, чем светится спокойная поверхность Солнца. Вспышка длится недолго: минуты, десятки минут, редко два — три часа. В это время из области вспышки, кроме видимых световых лучей, исходит огромное количество невидимых ультрафиолетовых лучей и целый поток заряженных электричеством частиц солнечного вещества. Но такие потоки частиц исходят от Солнца не только во время вспышек. Их посылают и сами факелы и протуберанцы. Как раз от тех мест протягиваются самые длинные лучи короны. Исчезает на поверхности Солнца протуберанец или факел — сокращается над ним и луч короны, а в другом месте, над новой областью «бурь», вытягивается новый луч короны, летят новые потоки частиц и ультрафиолетовое излучение. И вот оказалась на их пути Земля. Что же происходит? Заряженные частицы, летящие от Солнца, словно крохотные снаряды, врезаются в верхние, разреженные слои земной атмосферы, сталкиваются с атомами кислорода, азота, аргона и других газов, под действием этих ударов газы начинают светиться. Вот тогда-то загораются высоко над землёй полярные сияния. Трепещут, играют, гаснут и снова вспыхивают их

Гигантский выброс раскалённых газов на Солнце — протуберанец. Белая горошинка, нарисованная внизу для сравнения,— Земля.

нежные лучи. Полярные сияния можно видеть очень часто, но обычно только в Арктике и Антарктике, потому что земной шар — огромный магнит — отклоняет большую часть солнечных частичек к своим магнитным полюсам. Там-то и происходят самые многочисленные столкновения этих частиц с частичками газов атмосферы. Но бывают периоды, когда на Солнце особенно много пятен, и потоки невидимых, крохотных снарядиков сильнее и чаще атакуют нашу атмосферу. Тогда полярные сияния можно увидеть даже в местах, удалённых от полюсов, например, в Москве и южнее. Совсем недавно, в 1952 году, на небе Москвы играли лучи полярного сияния.

Солнечными частичками вызываются у нас на Земле ещё и магнитные бури. Стрелки компасов, словно потеряв точное направление на север, судорожно вздрагивают, качаются, дрожат.

Ультрафиолетовым излучением, проникающим в атмосферу, создаётся невидимый заслон для радиоволн, нарушается радиосвязь; волны, посылаемые радиостанциями, не доходят до приёмников.

Периоды бурной деятельности на Солнце — эпохи максимума — сменяются эпохами затишья, и тогда, день за днём наблюдая Солнце, можно месяц — два не увидеть ни одного пятна.

Промежуток между двумя эпохами затишья равен примерно одиннадцати годам. Иногда он бывает на год, на два года короче, иногда на год — два длиннее. Последний раз затишье было в 1954 году. Сейчас близится эпоха максимума. Вспышка 23 февраля — один из признаков этого, но не единственный. Всё больше возникает пятен, протуберанцев, факелов, всё чаще происходят вспышки. Они вовсе не являются чем-то исключительным в жизни Солнца.

Может ли отдельная вспышка, отдельный поток солнечных частиц, достигший Земли, сразу сильно повлиять на погоду, переворошить воздушную оболочку Земли? Нет, не может.

Другое дело в годы максимумов: воздушная оболочка Земли почти ежедневно подвергается действию частиц, хотя бы и в верхних своих слоях. Постепенно усиливается сложное, ещё плохо изученное взаимодействие верхних слоёв атмосферы с нижними, и начинаются всякие «фокусы» погоды.

Вспышка 23 февраля была действительно очень сильной, но какая бы она ни была сильная, она не могла вызвать таких ураганов, наводнений, морозов и оттепелей, какие наблюдались и в то время и задолго до неё: в декабре, в январе. Больше того, выброшенные из области этой вспышки потоки частиц вряд ли попали к нам на Землю. Я как раз наблюдала Солнце в телескоп и видела, что факел, в котором произошла вспышка, находился в это время близко к краю солнечного диска. А если так, идущие от него потоки частиц были «нацелены» совсем не в ту сторону, где тогда находилась Земля. Другое дело — ультрафиолетовые лучи. Они распространяются во все стороны, и часть из них несомненно достигла Земли. Вот они-то и прервали радиосвязь.

Химия в картошке

Дорогая редакция журнала «Пионер»!
Меня очень интересует вопрос, почему картошка после того, как её очистишь и оставишь на воздухе без воды, чернеет?

Ира Шутова,
ученица 4-го класса средней школы № 42
Посёлок Микояновка, Белгородской области.

Дорогая Ира!

Твой вопрос интересный. И, знаешь, ты заставила меня проделать такой опыт. Я очистил картошку и, разрезав её пополам, положил одну половину в холодильник, а другую оставил в комнате. И что же? Та картошка, что была в холодильнике, не изменилась, а та, что была в комнате, почернела.

Это меня так заинтересовало, что я порылся в книгах, а потом поехал в Ботанический сад к одному научному работнику. Оказалось вот что. Сырая картошка содержит в себе 70—75% воды, 20—25% крахмала, 1,5% протеина (простейших белков) и 1% зольных веществ: калия, кальция, магния и др. В очищенной картошке, оставленной в тёплой комнате, протеины и зольные вещества тотчас же вступают в химическое соединение с кислородом воздуха, и оттого картошка чернеет. На холоде же окисление происходит очень медленно, и картошка долго не чернеет.

К. Кочетков

Взрывы в дереве

Здравствуй, дорогой «Пионер»!
Очень прошу, если ты знаешь, ответь мне на такой вопрос: отчего трещит костёр?

Галя Алтудова,
с. Сармаково, Нагорного района,
Кабардинской АССР.

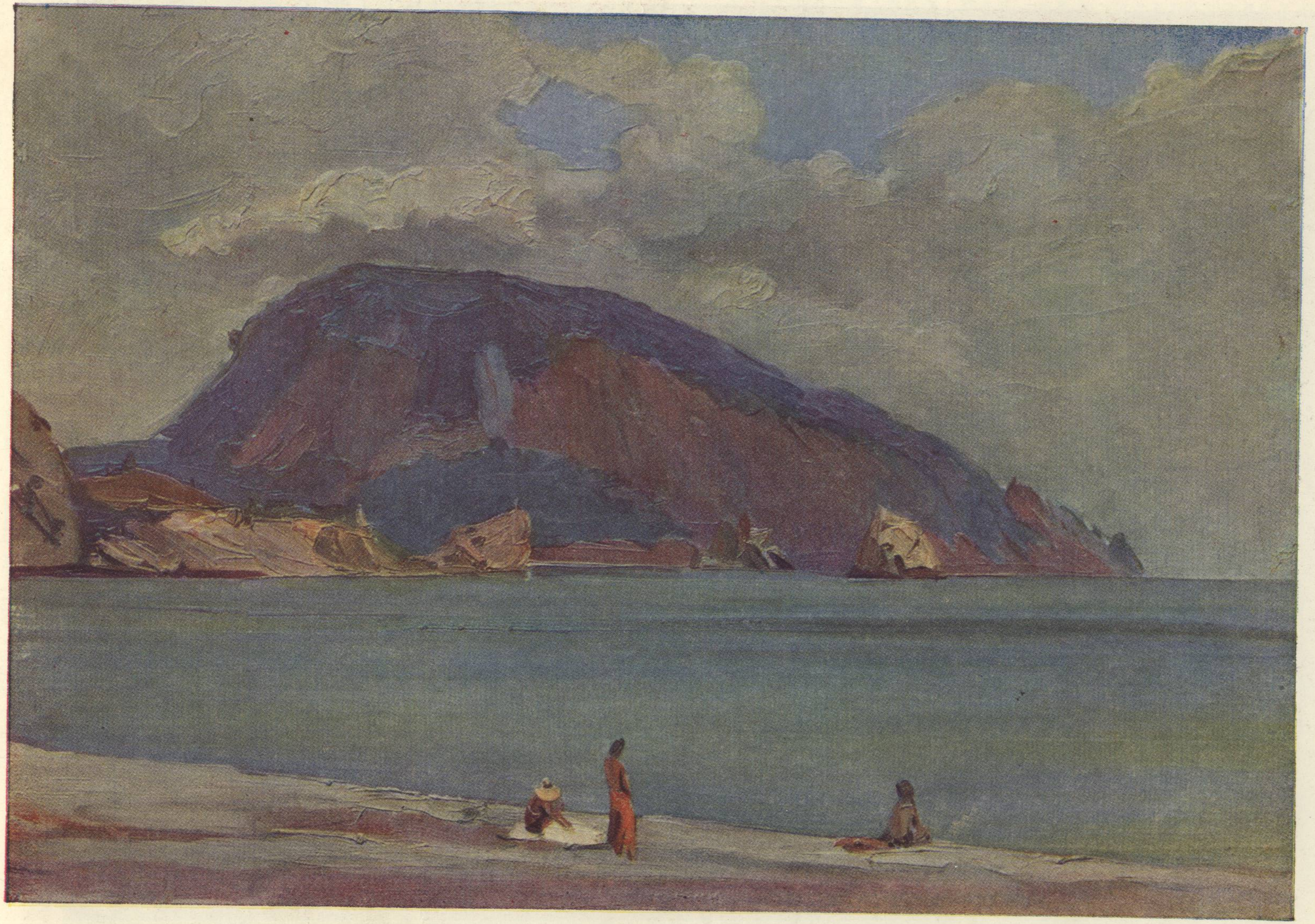
В дереве, дорогая Галя, даже в сухом, всегда есть вода. При высокой температуре эта вода превращается в пар, а объём пара в 1 700 раз больше объёма воды, из которой он образовался. Ища выход, он с треском разрывает горящее дерево. Кроме пара, в поленьях образуются метан и другие горючие газы, которые, скапливаясь то там, то здесь внутри древесины, при высокой температуре взрываются. Эти маленькие взрывы тоже с треском расщепляют древесину.

И. Бавыкина

На Ангаре сейчас лето. Уже красавица саранка, горная лилия, расцвела над обрывом берега могучей реки. Выше по течению ревёт и пенится Ангара на камнях порога Падун. Но недолго ей осталось буйствовать! Плотина Братской ГЭС поднимет уровень воды, и Падун навсегда исчезнет в глубине, как исчезли укрощённые Днепрогэсом страшные днепровские пороги Кивач и Ненасытец.

Фото Н. Немнонова.

ГУРЗУФ. «ГОРА МЕДВЕДЬ». **Е. Асламазян.**

Джанни Родари | **Рисунки А. Брея.**

Глава I

Синьора без пяти минут баронесса

Фея была старая синьора, очень благовоспитанная и благородная, почти баронесса.

— Меня называют,— бормотала она иногда про себя,— просто Фея, и я не протестую: ведь нужно иметь снисхождение к невеждам. Но я почти баронесса; порядочные люди это знают.

— Да, синьора баронесса,— поддакивала служанка.

— Я не стопроцентная баронесса, но до неё мне не хватает не так уж много. И разница почти незаметна. Не так ли?

— Незаметна, синьора баронесса. И порядочные люди не замечают её...

— Но хватит об этом... Примемся за работу.

Было как раз первое утро нового года. Всю ночь напролёт Фея и её служанка путешествовали по крышам домов, разнося подарки. Их платья были покрыты снегом и сосульками.

— Затопи печку,— сказала Фея,— нужно просушить одежду. И поставь на место метлу: теперь целый год можно не думать о полётах с крыши на крышу, да ещё при таком северном ветре.

Служанка поставила метлу на место, ворча:

— Хорошенькое дельце — летать на метле! Это в наше-то время, когда изобрели самолёты! Я уже простудилась из-за этого.

— Приготовь мне бокальчик цветочного отвара,— приказала Фея, надев очки и садясь в старое кожаное кресло, стоявшее перед письменным столом.

— Сию минутку, баронесса,— сказала служанка.

Фея одобрительно посмотрела на неё.

«Немножко она ленива,— подумала Фея,— но знает правила хорошего тона и умеет держать себя с синьорой моего круга. Я пообещаю ей увеличить заработную плату. На самом-то деле я, конечно, не увеличу: и так денег не хватает».

Нужно сказать, что Фея при всём своём благородстве была довольно скуповата. Два раза в год обещала она старой служанке увеличить заработную плату, но ограничивалась одними обещаниями. Служанке давно уже надоело слушать только слова, ей хотелось услышать звон монет. Как-то раз у неё даже хватило мужества сказать об этом синьоре баронессе. Но Фея очень возмутилась.

— Монеты и монеты!— проговорила она, вздыхая.— Невежественные люди только и думают, что о деньгах. И как нехорошо, что ты не только думаешь, но и говоришь об этом! Видно, учить тебя хорошим манерам — всё равно, что кормить осла сахаром.

Фея вздохнула и уткнулась в свои книги.

— Итак, подведём баланс. Дела в этом году неважные, денег маловато. Ещё бы, все хотят получить от Феи хорошие подарки, а когда речь заходит о том, чтобы платить за них, начинают торговаться. Все стараются брать в долг, обещая уплатить потом, как будто Фея — это какой-то колбасник. Впрочем, сегодня особенно жаловаться нечего: все игрушки, которые были в магазине, разошлись, и сейчас нам нужно будет принести со склада новые.

Она закрыла книгу и принялась распечатывать письма, которые обнаружила в своём почтовом ящике.

— Так и знала! — заговорила она. — Я рискую заболеть воспалением лёгких, разнося свои товары, и никакой благодарности! Этот не хотел деревянную саблю, подавайте ему пистолет! А знает ли он, что пистолет стоит на тысячу лир[1] дороже? Другой, представьте себе, хотел получить аэроплан! Его отец — швейцар курьера секретаря одного служащего лотереи, и было у него на покупку подарка всего триста лир. Что я могла подарить ему за такие гроши?

Фея бросила письма обратно в ящик, сняла очки и позвала:

— Тереза, отвар готов?

— Готов, готов, синьора баронесса.

И старая служанка подала баронессе дымящийся бокал.

— Ты влила сюда капельку рома?

— Целых две ложечки!

— Мне хватило бы и одной... Теперь я понимаю, почему бутыль почти опустела. Подумать только, мы купили её всего четыре года тому назад!

Потягивая маленькими глотками кипящий на-

---

[1] 1000 лир — это примерно 6 руб. 42 коп.

питок и умудряясь не обжигаться при этом, как это умеют делать только старые синьоры, Фея бродила по своему маленькому царству, заботливо проверяя каждый уголок кухни, магазина и маленькой деревянной лесенки, которая вела на второй этаж, где была спальня.

Как печально выглядел магазин с опущенными шторами, пустыми витринами и шкафами, заваленными коробками без игрушек и ворохами обёрточной бумаги!

— Приготовь ключи от склада и свечу,— сказала Фея,— нужно принести новые игрушки.

— Но, синьора баронесса, вы хотите работать даже сегодня, в день вашего праздника? Неужели вы думаете, что кто-нибудь придёт сегодня за покупками? Ведь новогодняя ночь, ночь Феи, уже прошла...

— Да, но до следующей новогодней ночи осталось всего-навсего лишь 365 дней.

Надо вам сказать, что магазин Феи оставался открытым в течение всего года и его витрины всегда были освещены. Таким образом, у детей было достаточно времени, чтобы облюбовать ту или иную игрушку, а родители успевали сделать свои расчёты, чтобы иметь возможность заказать её.

А кроме того, есть ведь ещё дни рождения, и все знают, что дети считают эти дни очень подходящими для получения подарков.

Теперь вы поняли, что делает Фея с 1 января и до следующего Нового года? Она сидит в своём магазинчике и ждёт. Она сидит за витриной и смотрит на прохожих. Особенно внимательно вглядывается она в лица детей. Она сразу понимает, нравится или не нравится им новая игрушка, и, если не нравится, снимает её с витрины и заменяет другой...

...О синьоры, что-то сейчас на меня напало сомнение! Так было, когда я был ещё маленьким. Кто знает, есть ли теперь у Феи этот магазинчик с витриной, уставленной игрушечными поездами, куклами, тряпичными собачками, ружьями, пистолетами, фигурками индейцев и марионеток!

Я помню его, этот магазинчик Феи. Сколько часов я проводил у этой витрины, считая игрушки! Чтобы пересчитать их, требовалось много времени, и я никогда не успевал досчитать до конца, потому что нужно было отнести домой купленное молоко.

Глава II

Витрина наполняется

Склад был в подвале, который находился как раз под магазином. Фее и её служанке пришлось раз двадцать спуститься и подняться по лестнице, чтобы наполнить новыми игрушками шкафы и витрину.

Уже во время третьего рейса Тереза устала.

— Синьора,— сказала она, останавливаясь посреди лестницы с большой связкой кукол в руках,— синьора баронесса, у меня бьётся сердце.

— Это хорошо, моя дорогая, это очень хорошо,— ответила Фея.— Было бы хуже, если бы оно больше не билось.

— У меня болят ноги, синьора баронесса.

— Оставь их на кухне, пусть отдохнут; тем более, что ногами носить ничего нельзя.

— Синьора баронесса, мне не хватает воздуха...

— Я не крала его у тебя, моя дорогая, у меня своего достаточно.

И действительно, казалось, что Фея никогда не устаёт. Несмотря на преклонный возраст, она прыгала по ступенькам, словно танцуя, как будто под каблуками у неё были спрятаны пружинки. Одновременно она продолжала подсчитывать.

— Эти индейцы мне приносят доход по двести лир каждый, даже, пожалуй, по триста лир. Сейчас индейцы очень в моде. Не кажется ли тебе, что этот электрический поезд — просто чудо?! Я назову его Голубой Стрелой и, клянусь, брошу торговлю, если с завтрашнего дня сотни ребячьих глаз не будут пожирать его с утра до вечера.

И правда, это был замечательный поезд, с двумя шлагбаумами, с вокзалом и Главным Начальником Станции, с Машинистом и с Начальником Поезда в очках. Пролежав столько месяцев на складе, электропоезд весь покрылся пылью, но Фея хорошенько протёрла его тряпочкой, и голубая краска засверкала, как вода альпийского озера: весь поезд, включая Начальника Станции, Начальника Поезда и Машиниста, был выкрашен голубой краской.

Когда Фея стёрла пыль с глаз Машиниста, он огляделся вокруг и воскликнул:

— Наконец-то я вижу! У меня такое впечатление, будто я несколько месяцев был похоронен в пещере. Итак, когда мы отправляемся? Я готов.

— Спокойно, спокойно,— прервал его Начальник Поезда, протирая платочком очки.— Поезд не тронется без моего приказа.

— Посчитайте нашивки на вашем берете,— раздался третий голос,— и увидите, кто здесь старший.

Начальник Поезда пересчитал свои нашивки. У него было четыре. Тогда он сосчитал нашивки у Начальника Станции — пять. Начальник Поезда вздохнул, спрятал очки и притих. Начальник Станции ходил взад и вперёд по витрине, размахивая жезлом, которым дают сигнал отправления. На площади перед станцией выстроился полк оловянных стрелков с духовым оркестром и полковником. Немножко в стороне расположилась целая артиллерийская батарея во главе с генералом.

Позади станции расстилалась зелёная равни-

на, по которой были разбросаны холмы. На равнине, вокруг вождя, которого звали Серебряное Перо, расположились лагерем индейцы. На вершине горы верховые ковбои держали наготове свои лассо.

Над крышей вокзала покачивался подвешенный к потолку аэроплан: пилот высунулся из кабины и смотрел вниз. Надо вам сказать, что этот пилот был сделан так, что он не мог подняться на ноги: ног у него не было. Это был Сидящий Пилот.

Рядом с аэропланом висела красная клетка с канарейкой, которую звали Жёлтая Канарейка. Когда клетку слегка покачивали, Канарейка пела.

В витрине были ещё куклы, Жёлтый Медведь, тряпичный пёс по имени Кнопка, краски, конструктор, маленький театр с тремя Марионетками и быстроходный двухмачтовый парусник. По капитанскому мостику парусника нервно расхаживал Капитан. Ему по рассеянности приклеили только половину бороды, поэтому он тщательно скрывал безбородую сторону лица, чтобы не выглядеть уродом.

Начальник Станции и Полубородый Капитан делали вид, что не замечают друг друга, но, может быть, кто-нибудь из них уже собирался вызвать другого на дуэль, чтобы решить вопрос о верховном командовании в витрине.

Куклы разделились на две группы: одни вздыхали по Начальнику Станции, другие бросали нежные взгляды на Полубородого Капитана, и лишь одна чёрная кукла, с глазами белее молока, глядела только на Сидящего Пилота и больше ни на кого.

Что касается тряпичного пса, то он бы с удовольствием вилял хвостом и прыгал от радости. Но он не мог оказывать эти знаки внимания всем троим, а выбрать кого-нибудь одного не хотел, чтобы не оскорблять остальных двух. Поэтому он сидел тихо и неподвижно, и вид у него был немного глуповатый. Его имя было написано красными буквами на ошейнике: Кнопка. Может быть, его назвали так потому, что он был маленьким, как кнопка.

Но тут произошло событие, которое сразу же заставило забыть и ревность и соперничество. Как раз в это мгновение Фея подняла штору, и солнце хлынуло в витрину золотым каскадом, вызывая у всех жуткий страх, потому что никто его раньше не видел.

— Сто тысяч глухих китов! — рявкнул Полубородый Капитан. — Что случилось?

— На помощь! На помощь! — завизжали куклы, прячась друг за друга.

Генерал приказал немедленно повернуть пушки в сторону неприятеля, чтобы быть готовым отразить любую атаку. Только Серебряное Перо остался невозмутимым. Он вынул изо рта длинную трубку, что делал только в исключительных случаях, и сказал:

— Не бойтесь, белые игрушки. Это Великий дух Солнце, всеобщий друг. Смотрите, как повеселела вся площадь, радуясь его приходу.

Все посмотрели за витрину. Площадь и в самом деле сверкала под лучами солнца. Струи фонтанов казались огненными. Нежное тепло проникало сквозь запылённые стёкла в магазинчик Феи.

— Тысяча пьяных китов! — пробормотал снова Капитан. — Я ведь морской волк, а не солнечный!

Куклы, радостно болтая, сразу же стали принимать солнечные ванны.

Однако в один угол витрины солнечные лучи не могли проникнуть. Тень падала как раз на Машиниста, и тот очень рассердился.

— Должно же было так случиться, чтобы именно я оказался в тени!

Он выглянул за витрину, и его зоркие глаза, привыкшие часами смотреть на рельсы во время долгих поездок, встретились с парой огромных, широко раскрытых глаз ребёнка.

В эти глаза можно было заглянуть, как заглядывают в дом, когда на окнах нет занавесок. И, заглянув в них, Машинист увидел большую, недетскую печаль.

«Странно, — подумал Машинист Голубой Стрелы, — я всегда слышал, что дети — весёлый народ. Они только и знают, что смеются и играют с утра до вечера. А этот мне кажется грустным, как старичок. Что с ним случилось?»

Грустный мальчик долго смотрел на витрину. Его глаза наполнились слезами. Время от времени слезинки скатывались вниз по щеке и пропадали на губах. Все в витрине затаили дыхание: никто ещё не видел глаз, из которых текла бы вода, и это всех очень удивило.

— Тысяча хромых китов! — воскликнул Капитан. — Я занесу это событие в судовой журнал!

Наконец мальчик вытер глаза рукавом курточки, подошёл к двери магазина, взялся за ручку и толкнул дверь.

Раздался глухой звонок колокольчика, который, казалось, жаловался, звал на помощь.

Глава III

Полубородый Капитан взволнован

Синьора баронесса, кто-то вошёл в магазин, — сообщила служанка.

Фея, которая причёсывалась в своей комнате, быстро спустилась по лесенке, держа во рту шпильки и закалывая на ходу волосы.

— Кто бы это ни был, почему он не закрывает дверь? — пробормотала она. — Я не слышала звонка, но сразу же почувствовала сквозняк.

Она для солидности надела очки и вошла в лавку маленькими, медленными шагами, как должна ходить настоящая синьора, особенно если она почти баронесса. Но, увидав перед собой бедно одетого мальчика, который смущённо комкал в руках свой голубой беретик, она поняла, что тут церемонии излишни.

— Ну? В чём дело? — Всем своим видом Фея как бы хотела сказать: говори побыстрее, у меня нет времени.

— Я... Синьора... — прошептал мальчик.

В витрине все замерли, но ничего не было слышно.

— Что он сказал? — шепнул Начальник Поезда.

— Тс-с! — приказал Начальник Станции. — Не шумите!

— Мальчик мой! — воскликнула Фея, которая чувствовала, что начинает терять терпение, как всякий раз, когда ей приходилось говорить с людьми, не подозревающими о её благородных

титулах.— Дорогой мой мальчик, времени у меня очень мало. Поторопись или же оставь меня в покое, а лучше всего напиши мне хорошее письмо.

— Но, синьора, я уже написал вам,— торопливо прошептал мальчик, боясь потерять мужество.

— Ах, вот как! Когда?

— Около месяца тому назад.

— Сейчас посмотрим. Как тебя зовут?

— Монти Франческо.

— Адрес?

— Квадриччиоло...

— Гм... Монти, Монти... Вот, Франческо Монти. Действительно, двадцать три дня тому назад ты просил у меня в подарок электрический поезд. А почему только поезд? Ты мог бы попросить у меня ещё аэроплан или дирижабль, а ещё лучше — целый воздушный флот!

— Но мне нравится поезд, синьора Фея.

— Ах, дорогой мой, тебе нравится поезд?!. А ты знаешь, что через два дня после твоего письма сюда приходила твоя мать...

— Да, это я попросил её придти. Я её так просил: пойди к Фее, я ей уже всё написал, и она так добра, что не откажет нам.

— Я не хорошая и не плохая. Я работаю, но не могу работать бесплатно. У твоей матери не было денег, чтобы заплатить за поезд; она хотела в обмен на поезд оставить мне старые часы, но я видеть их не могу, эти часы, потому что они заставляют время двигаться быстрее. Я также напомнила ей, что она ещё должна заплатить мне за лошадку, которую брала в прошлом году, и за волчок, взятый два года тому назад. Ты знал об этом?

Нет, мальчик этого не знал. Мамы редко делятся с детьми своими неприятностями.

— Вот почему в этом году ты ничего не получил. Ты понял? Не кажется ли тебе, что я права?

— Да, синьора, вы правы,— пробормотал Франческо,— я просто думал, что вы забыли мой адрес.

— Нет, напротив, я помню его очень хорошо. Видишь, вот он у меня записан. И на днях я пошлю к вам моего секретаря, чтобы взять деньги за прошлогодние игрушки.

Старая служанка, которая прислушивалась к их разговору, услышав, что её назвали «секретарём», чуть не потеряла сознание и должна была выпить стакан воды, чтобы перевести дух.

— Какая честь для меня, синьора баронесса! — сказала она своей хозяйке, когда мальчик ушёл.

— Хорошо, хорошо! — грубовато пробормотала Фея.— А пока повесь на дверь объявление «Закрыто до завтра», чтобы не приходили другие надоедливые посетители!

— Может быть, опустить штору?

— Да, пожалуй, опусти. Я вижу, что сегодня не будет хорошей торговли.

Служанка побежала выполнять приказания. Франческо всё ещё стоял у магазина, уткнувшись носом в витрину, и ждал, сам не зная чего. Штора, спускаясь, чуть не ударила его по голове. Франческо уткнул нос в пыльную штору и зарыдал.

В витрине эти рыдания произвели необыкновенный эффект: одна за другой куклы тоже ста-

ли плакать и плакали так сильно, что Капитан не выдержал и выругался:

— Что за обезьяны! Уже научились плакать! — Он плюнул на палубу своего парусника и пробормотал ещё раз: — Обезьяны!

Рыданий мальчика уже не было слышно; слышался только удалявшийся шум его шагов. Потом всё затихло. Тогда Капитан снова плюнул на палубу и усмехнулся:

— Тысяча косых китов! Плакать из-за поезда! Да я не променял бы мой парусник на все поезда всех железных дорог мира.

Великий вождь Серебряное Перо вынул изо рта трубку, что ему приходилось делать каждый раз, когда он хотел что-либо сказать, и промолвил:

— Капитан Полубородый не говорит правду. Он есть очень взволнован из-за бедный белый ребёнок.

— Что, я? Объясните мне, пожалуйста, что значит «взволнован»?

— Это значит, что одна сторона лица плачет, а другая — стыдится этого.

Капитан предпочёл не поворачиваться, так как его безбородая половина лица в самом деле плакала.

— Замолчи, ты, старый петух! — крикнул он. — Не то я спущусь вниз и ощиплю тебя, как рождественского индюка!

И долго ещё продолжал изрыгать проклятия, такие цветистые, что Генерал, решив, что вот-вот начнётся война, приказал зарядить пушки. Но Серебряное Перо взял в рот трубку и замолчал, а потом даже сладко задремал. К слову сказать, он всегда спал с трубкой во рту.

Глава IV

Начальник Станции не знает, что делать

На следующий день Франческо вернулся, и его печальные глаза снова были устремлены на Голубую Стрелу. Пришёл он и на второй день и на третий. Иногда он останавливался у витрины всего на несколько минут и потом, не оборачиваясь, убегал прочь. Иногда простаивал перед витриной долгие часы. Нос его был прижат к стеклу, а русый чуб спускался на лоб. Он ласково посматривал и на другие игрушки, но было видно, что его сердце принадлежит чудесному поезду.

Начальник Станции, Начальник Поезда и Машинист очень гордились этим и с важным видом поглядывали по сторонам, но никто не обижался на них за это.

Все обитатели витрины были влюблены в своего Франческо. Приходили другие дети, которые тоже подолгу рассматривали игрушки, но обитатели витрины почти не замечали их. Если Франческо не появлялся в обычное время, Начальник Станции нервно ходил взад и вперёд по рельсам, бросая тревожные взгляды на часы. Капитан беспрестанно плевался и изрыгал проклятия, Сидящий Пилот высовывался из аэроплана, рискуя упасть, а Серебряное Перо забывал курить, так что трубка его ежеминутно гасла, и он тратил целые коробки спичек, чтобы разжечь её вновь.

И так все дни, все месяцы, весь год.

Фея ежедневно получала целые пачки писем, которые она внимательно читала, делая заметки и подсчёты. Но вот писем стало столько, что требовалось полдня только на то, чтобы открывать конверты, и в витрине поняли, что близится день подарков — Новый год.

Бедный Франческо! С каждым днём его личико становилось всё более грустным. Нужно было что-то сделать для него. Все ожидали, что Начальник Станции Голубой Стрелы предложит что-нибудь, подскажет какую-нибудь идею. Но тот только снимал и снова надевал свой берет с пятью нашивками или смотрел на носки своих ботинок, словно видел их впервые.

Глава V

Идея Кнопки

Идею — кто бы мог подумать! — подал тряпичный пёс.

Бедный Кнопка, никто никогда не обращал на него внимания, потому что, во-первых, трудно было понять, какой он породы, а во-вторых, он всё время молчал, как рыба. Кнопка был робок и боялся открыть рот. Если какая-нибудь мысль приходила ему в голову, он долго раздумывал, прежде чем сообщить её друзьям. А впрочем, с кем он мог говорить-то? Куклы были слишком элегантными синьорами, чтобы обращать внимание на пса, принадлежащего бог знает к какой породе. Свинцовые сол-

даты не отказались бы поговорить с ним, но офицеры, конечно, не разрешили бы им этого. В общем, у всех была какая-нибудь причина не замечать тряпичного пса, и тот вынужден был молчать. И знаете, что из этого вышло? Он разучился лаять.

Вот и на этот раз, когда он открыл рот, чтобы объяснить им свою блестящую идею, раздался такой странный звук, средний между кошачьим мяуканьем и ослиным рёвом, что вся витрина разразилась смехом.

Только Серебряное Перо не засмеялся, потому что краснокожие не смеются никогда. А когда другие кончили смеяться, он вынул трубку изо рта и сказал:

— Синьоры, слушай все, что Кнопка говорить. Пёс всегда мало говорить и много думать. Кто думать много, мудрая вещь говорить.

Услышав комплимент, Кнопка покраснел от головы до кончика хвоста, откашлялся и объяснил наконец свою идею.

— Этот мальчик... Франческо... Вы думаете, он получит в этом году от Феи какой-нибудь подарок?

— Не думаю,— ответил Начальник Станции.— Его мать больше не приходила сюда, и писем она больше не пишет — я всегда внимательно слежу за почтой.

— Ну вот,— продолжал Кнопка.— Мне тоже кажется, что Франческо ничего не получит. Но я, по правде сказать, не хотел бы попасть к какому-нибудь другому мальчику.

— Я тоже,— пробормотал Жёлтый Медвежонок, почёсывая затылок.

— Мы тоже,— сказали три Марионетки, которые говорили все хором.

— А что вы скажете,— продолжал пёс,— если мы преподнесём ему сюрприз?

— Ха-ха-ха, сюрприз! — засмеялись куклы.— Какой же?

— Замолчите,— приказал Капитан,— женщины всегда должны помалкивать.

— Прошу прощенья,— крикнул Сидящий Пилот,— не шумите так, а то наверху ничего не слышно! Пусть говорит Кнопка.

— Мы знаем его имя,— произнёс Кнопка, когда восстановилась тишина.— Знаем его адрес; почему бы нам всем не пойти к нему?

— К кому? — спросила одна из кукол.

— К Франческо.

На мгновение воцарилась тишина, потом развернулась оживлённая дискуссия; каждый кричал своё, не слушая, что говорят другие.

— Но это бунт! — воскликнул Генерал.— Я никак не могу позволить подобную вещь. Предлагаю повиноваться моим приказам!

— А дальше?

— Дальше? Ничего! Нужно быть дисциплинированными!

— И отправляться туда, куда нас отнесёт Фея? Тогда Франческо и в этом году ничего не получит, ведь его фамилия записана в долговой книге...

— Тысяча китов!..

— Однако,— вмешался Начальник Станции,— мы знаем адрес, но не знаем дороги.

— Я об этом подумал,— робко прошептал Кнопка,— я могу отыскать дорогу чутьём.

— А я умею читать земля,— промолвил Серебряное Перо.— Я тоже говорить, чтобы всем ходить к Франческо.

Теперь нужно было не болтать, а принимать решение. Все посмотрели в сторону Генерала артиллерии.

Некоторое время Генерал, почёсывая подбородок, расхаживал перед своими пятью пушками, выстроенными в боевом порядке, затем произнёс:

— Хорошо. Я буду прикрывать движение моими войсками. Признаться, мне тоже не очень нравится находиться под командованием старой Феи...

— Урра! — закричали артиллеристы.

Оркестр стрелков заиграл марш, способный воскресить мёртвого, а Машинист включил гудок локомотива и гудел до тех пор, пока все чуть не оглохли.

Поход назначили на следующую — новогоднюю — ночь. В полночь Фея должна была придти, как обычно, в магазин, чтобы наполнить игрушками свою корзину... Но витрина будет пустой.

— Представьте, какая у неё будет физиономия! — ухмыльнулся Капитан, сплюнув на палубу своего парусника.

А на следующий вечер...

Перевёл с итальянского
Ю. Ермаченко.

(Продолжение следует)

Так началось карнавальное шествие.

Хозяева квартала

С. Журбина

«НИЧЕГО НЕ ВЫЙДЕТ...»

Рядом с тракторным заводом встали тринадцать новых многоэтажных домов. Целый квартал!

Петя вошёл во двор дома № 22. Дом новый, красивый, с балконами. А во дворе... Петя не переставал возмущаться, пробираясь через груды кирпича, камней и извести. Наконец он добрался до подъезда. Темно! «Лампочки перебили, что ли?» — недовольно подумал он.

Кто вчера выкрутил лампочки во втором подъезде? — услышал Петя голос Павлика Куклева.

Петя прильнул к двери пионерской комнаты. Сквозь щёлку он увидел ребят, сидящих вокруг стола.

Их было одиннадцать, одиннадцать членов штаба квартала. Они собрались на своё первое заседание, чтобы решить, чем будут заниматься этим летом ребята в новых домах нового квартала. И вот... лампочки.

— Я думаю, это — дело рук братьев Осиповых,— сказал Алик,— предлагаю их выследить и воздействовать...

Ляля Шапошникова, которая записывала все решения штаба, наклонившись над тетрадкой, пробормотала:

— Братьев Осиповых выследить и воздействовать... А как на них воздействовать?

— Карикатурой! — закричали сразу три члена редколлегии стенной газеты «Колючка».

— Давайте о главном,— сказал Павлик.— Все мальчишки любят футбол. Организуем две футбольные команды, будем играть.

— Девочкам это неинтересно,— вмешалась Ляля.

— А что девчонкам интересно? Вышивание? Ну и сидите по домам, вышивайте кошечек...

«Сейчас поссорятся»,— решил Петя.

— Во-первых, не груби, а во-вторых, не только вышивание. Можно собрать у ребят книжки, и будет своя библиотека. Потом разные кружки...

— Давайте устроим карнавал, каждый выдумает себе костюм, и никто никого не узнает. Вот будет весело! — предложила Марина.

— Это здорово! Так и пиши, Ляля: «Карнавал на весь квартал».

— А почему никого нет от дома № 13 по улице Борьбы? — вдруг сказал Павлик, оглядев ребят.

— Я давно здесь и всё слышал,— распахнул дверь Петя.— Только я никакой не представитель, а просто так.

— Ну, всё равно, твоё мнение?

— Мнение моё такое: ничего у вас не выйдет...

— Ничего не выйдет?.. Почему это?

— Когда я в старом доме жил, там ребята тоже деревья сажали, они всё равно посохли. Баскетбольную площадку сделали, а потом никто не играл...

Ребята призадумались. Тогда встала молчавшая до сих пор председатель родительского комитета Вера Константиновна Яншина и сказала:

— Ну что же вы сразу и приуныли? Доказывать, выйдет или не выйдет, будете делами. А начинать, по-моему, надо с уборки двора.

На том и порешили. Составили списки ребят, обошли всех и сказали, кто в какой бригаде и когда должен выходить на работу.

КОМАНДОВАТЬ НЕ ПРИХОДИТСЯ...

Утром возле сарая, где были сложены лопаты, метёлки и грабли, собралось одиннадцать человек. Это были всё те же члены штаба квартала.

А здорово это у них на штабе получалось: пункт 1, пункт 2, пункт 3! Казалось, позови — и ребята тут же прибегут. Ну, а членам штаба останется только командовать: распределять работы, смотреть, чтобы у каждого было дело по силам... И вот никто не пришёл.

— Ну, что ж,— решительно сказал Женя Гладских,— будем работать одни.

Молодые деревца — клён и акацию — привезли ещё вчера. Их нужно было срочно посадить. Ребята взялись за лопаты. Земля во дворе оказалась на редкость трудной: камень на камне.

Прошёл час, другой, а лунки для саженцев всё ещё не были готовы. За целый день посадили одиннадцать деревьев.

Деревца стояли, как неживые, без листьев, гнулись от малейшего дуновения ветерка. Сколько придётся повозиться, прежде чем они окрепнут и дадут лёгкую тень!

Петя весь день просидел дома. Он читал «Всадника без головы» и только изредка поглядывал в окно, как там возятся внизу эти «штабные». Вечером Петя вышел во двор. В свете заходящего солнца тоненькие деревья показались ему необычайно красивыми. Около посадок прогуливался Жора из пятой квартиры. Он подошёл к одному из кленочков и начал слегка раскачивать его. И тут Петя, неожиданно для самого себя, бросился к Жоре.

— Люди сажали, а ты ломать!.. Не тронь!

— Ты сажал, что ли? — хмуро отозвался Жора, однако отпустил кленок.

«БЕРЁМ ТЕХНИКОЙ»

На дверях пионерской комнаты появилось объявление о том, что организуется дворовая футбольная команда. Эта весть распространилась по кварталу за какие-нибудь десять минут. На этот раз ходить по домам и уговаривать никого не пришлось. Человек пятьдесят мальчишек собрались во дворе задолго до назначенного времени.

Накануне двое ребят из штаба двора побывали в детской спортивной школе. Им удалось уговорить известного футболиста Сергея Ларионовича Плонского, игрока сталинградской команды «Торпедо», тренировать дворовую команду.

Дожидаясь прославленного футболиста, ребята решили сыграть. Быстро составили две команды. Кто не вошёл в них, стал активным болельщиком. И тут началось... Где чья команда, разобрать было невозможно. Каждый старался забить мяч сам. Все сбились в одну кучу. Даже вратари в пылу боя оказывались у вражеских ворот. Никто не заметил, как к месту сражения подошёл Сергей Ларионович.

— Прекратить игру! — внезапно скомандовал он.— Так играть нельзя. Каждый должен знать своё место.

И он начал чертить прутиком на земле схему расстановки команды на поле.

Ребята смущённо переглядывались.

— Вот ты, например,— продолжал Сергей Ларионович,— как тебя зовут? Суховилов Валя? Так вот, Валя, кто же так бьёт, «пыром»? Надо бить внутренней стороной

стопы.— И Сергей Ларионович показал, как правильно бить по мячу.

Он отобрал в команду четырнадцать ребят, остальным посоветовал пока гимнастикой побольше заниматься.

С этого дня начались регулярные тренировки. Ребята учились правильному, точному удару, учились бегать...

Так постепенно от занятия к занятию они пришли к знаменитому утверждению «берём техникой!» И это действительно так, и результаты неплохие: три победы и одна ничья.

ОСТОРОЖНО, НЕ УКОЛИСЬ!

Около первого номера «Колючки» было настоящее столпотворение. На большом листе ватмана угрожающе ощетинился ёж. Над ним остроугольные буквы заголовка: «Колючка». Бросалась в глаза карикатура. Маленькая фигурка Толи Попова, ноги у него трясутся, глаза испуганно следят за входной дверью. Стоя на спине Вити Осипова, Толя отвинчивает лампочку. Внизу надпись: «Гроза электрических лампочек».

Вечером к газете подошёл и Витя Осипов. Разглядывая своё изображение, он мрачно буркнул:

— Подумаешь! Сразу уж и нарисовали!.. Не могли чего-нибудь поинтереснее придумать!

Но как бы там ни было, то ли карикатура подействовала, то ли Витя увлёкся занятиями в музыкальном кружке, который недавно начал работу во дворе, но лампочки в доме исчезать перестали.

КАРНАВАЛ НА ВЕСЬ КВАРТАЛ

Давно уже ребята подружились с Василием Ивановичем Советовым, мастером тракторного завода. Он помог им построить во дворе столики и скамейки. Сюда они потом вынесли настольные игры, шашки, шахматы — устроили игротеку. Вечерами ребята часто собирались вокруг Василия Ивановича и подолгу слушали его рассказы о том, как строился Сталинградский тракторный завод, как выпустили первую партию тракторов, как шли бои в цехах родного завода во время войны, как восстанавливали завод после ухода фашистов.

Во дворе открылась своя библиотека-читальня.

Василий Иванович же и предложил, чтобы «Карнавал на весь квартал» был устроен в день двадцатипятилетия тракторного завода.

Ребята ждали этого дня и готовились к нему: пионерская комната превратилась в мастерскую. Всюду были разбросаны вороха разноцветной бумаги, стружка, ленты, тюбики грима, нитки, накрахмаленная марля. Ребята из кружка «Умелые руки» безотказно всем помогали скроить костюм, разрисовать маску, склеить какую-нибудь необычайную шляпу, сделать цветок.

На свой праздник ребята пригласили рабочих и служащих Тракторного завода, родителей, соседей и ребят из другого района. И вот началось карнавальное шествие. Кого только здесь не было: и лёгкие бабочки, и нарядные цветы, и герои русских народных сказок!..

В комнате художественной самодеятельности выступали и гости и хозяева. За лучшие костюмы было выдано двадцать премий.

ПОЕЗДКА НА ГЭС

В плане штаба была намечена экскурсия на Сталинградскую ГЭС.

И вот этот день настал. Желающих было много. Ребята поехали по Волге на катере, побывали на стройке, видели огромный котлован, где будет возведено здание ГЭС, восхищались работой подвесной канатной дороги, которая протянулась над Волгой, разговаривали с крановщиками — молодыми ребятами-комсомольцами.

Домой возвращались на катере «Мир». Петя сразу же пристроился к судоводителю. Вскоре он уже знал, что зовут его Юрой Головко, что он комсомолец и живёт на улице Мира, что у них во дворе есть свой клуб, разные технические кружки. Тут же Петя получил приглашение придти в гости.

На другой день Петя отправился на улицу Мира, нашёл нужный двор.

«Тихо, стой где стоишь»,— повелительно сказал чей-то голос из кромешной темноты, в которой очутился Петя, войдя в дверь с надписью: «Фотографический кружок».

Через минуту щёлкнул выключатель, и Петя увидел мальчика, который шёл с бачком к умывальнику.

— Ну и техника у вас!— восхищённо протянул Петя, разглядывая увеличитель, красный проекционный фонарь, фотографические аппараты разных систем.

— И учти, что всё достали и сделали своими руками... Из какого ты дома? Что-то я тебя раньше не видел... А в нашем авиамодельном кружке ты был?..

Вечером на штабе Петя рассказал обо всём, что он видел.

— Ну, а библиотека у них есть? — ревниво спросили девочки из группы «Друзья книги».

— А карнавал был?

— Но у них будет шахматный турнир! — выпалил Петя.— У нас ведь тоже есть шахматисты... И фотолабораторию такую же точно сделать бы...

Тут же решили, что Петя ещё раз пойдёт на улицу Мира и посмотрит, что за шахматный турнир устроят там ребята.

ПОРА ДОМОЙ!

Шахматы Петя не очень-то любил, поэтому, посидев немножко в клубе дома грузчиков, где происходил турнир, он решил, что всё понятно: нужно собрать всех, кто играет в шахматы, сказать, чтобы ребята готовились к турниру, потом пойти в спортивную школу, пригласить настоящего судью — вот и вся организация.

Петя вышел в коридор. Из конца в конец по коридору расхаживали двое ребят с красными повязками — дежурные. Вот один из них остановился, взял за руку маленькую девочку и со словами «Пора домой, Ирочка» повел её к выходу.

— Это её брат? — спросил Петя у второго дежурного.

— Нет, дежурный. Пошёл укладывать Иринку спать.

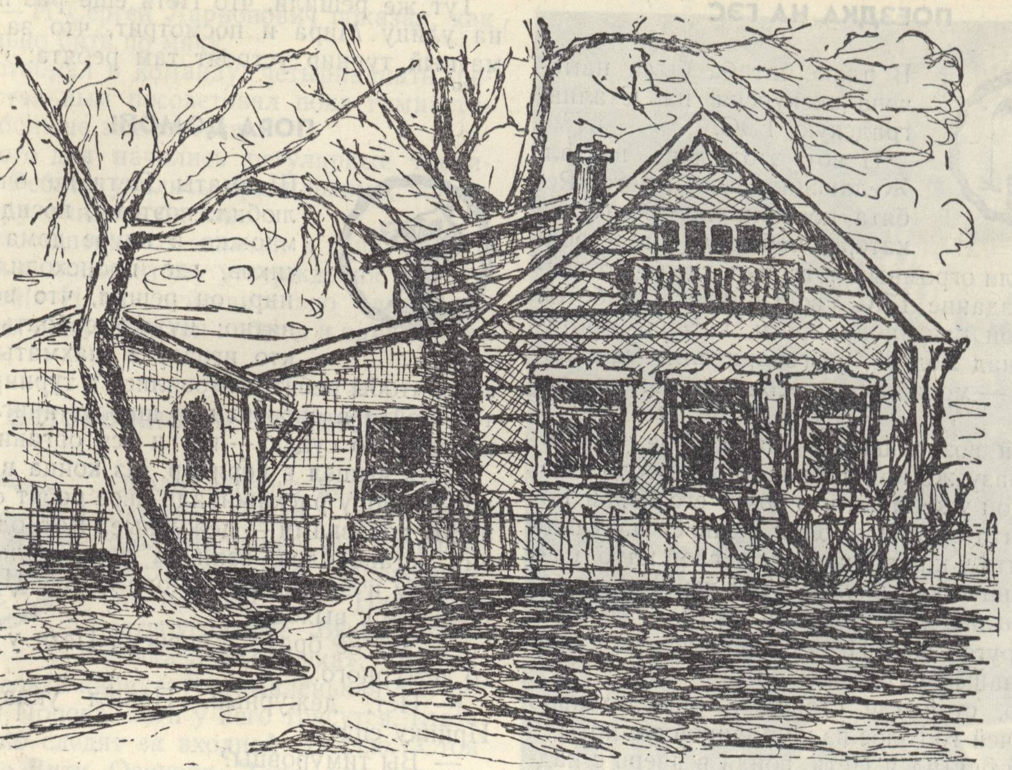
— Вы тимуровцы?

— Нет, просто мы следим за малышами, которые остаются без надзора. Играем с ними, читаем им книжки. Ну, а когда родители вечером работают, укладываем спать.

Поздно вечером Петя возвращался домой пешком. Шёл и думал, что, пожалуй, у ребят в доме грузчиков тимуровская работа идёт куда интереснее, чем у них... И ещё многому можно поучиться у этих ребят.

Трудный случай.

Дом Ленина в Подольске.

Рисунок Александра Мистюкова.

Карандаш — оружие туриста

Пришла пора летних путешествий. Звенят по дорогам и тропкам весёлые песни, загораются походные пионерские костры. Осенью придут ребята в школу с богатыми трофеями, которые, как в зеркале, отразят, у кого к чему лежит сердце. У ботаников — свои сокровища, у геологов — свои, у зоологов — свои, а у художников? Художникам хорошо! Для них всё интересно. Всё становится добычей быстрого карандаша, послушной кисти, острого глаза: и цветок на поляне, и светлая берёзка, и синее небо, и золотой простор полей.

Но у художников тоже могут быть свои пристрастия, свои особые склонности и, следовательно, свои цели.

Можно рисовать просто пейзажи, а можно в своих рисунках поведать о местах необыкновенных, о том, что нам особо дорого и интересно, о том, что связано с прошлым или в чём отражён сегодняшний день родной страны.

Здесь мы даём наброски, которые сделали во время летних походов юные рисовальщики, живущие в посёлке Люблино, Московской области.

Вот скромный домик, нарисованный ребятами, когда они были в Подольске. Здесь, в этом домике, жила семья Ульяновых. Сюда в июле 1900 года приезжал Владимир Ильич проститься с родными перед отъездом за границу, в эмиграцию. Бережно хранит народ всё, что связано с Лениным. Дорог нам и этот домик, в котором он прожил недели две с небольшим перерывом.

Вот на другом рисунке усадьба Мелихово. Здесь жил Антон Павлович Чехов. А вот и рабочий кабинет писателя, стол, за которым он создавал свои рассказы.

Ребята побывали в Серпухове. Там они зарисовали больницу, в которой Антон Павлович работал врачом. Целый альбом чеховских мест собрался из этих рисунков.

В других рисунках люблинских ребят перед нами встают памятники русской старины: древние стены и башни монастыря в Загорске, не один раз выдерживавшие долгие осады и яростные штурмы врагов; стройные очертания старинных церквей, созданных талантом и трудом замечательных народных мастеров, зодчих и строителей. Эти сооружения охраняются Советским государством как большая архитектурная и историческая ценность. И всё, чему радовался глаз юных художников, унесли они домой в своих рисунках.

Ребята, вы тоже пойдёте в походы. Родная страна лежит перед вами. Оглядитесь кругом! На вашем пути всегда встретится что рисовать. То новая стройка, то славные исторические места: Куликово поле, Чудское озеро, Бородино.

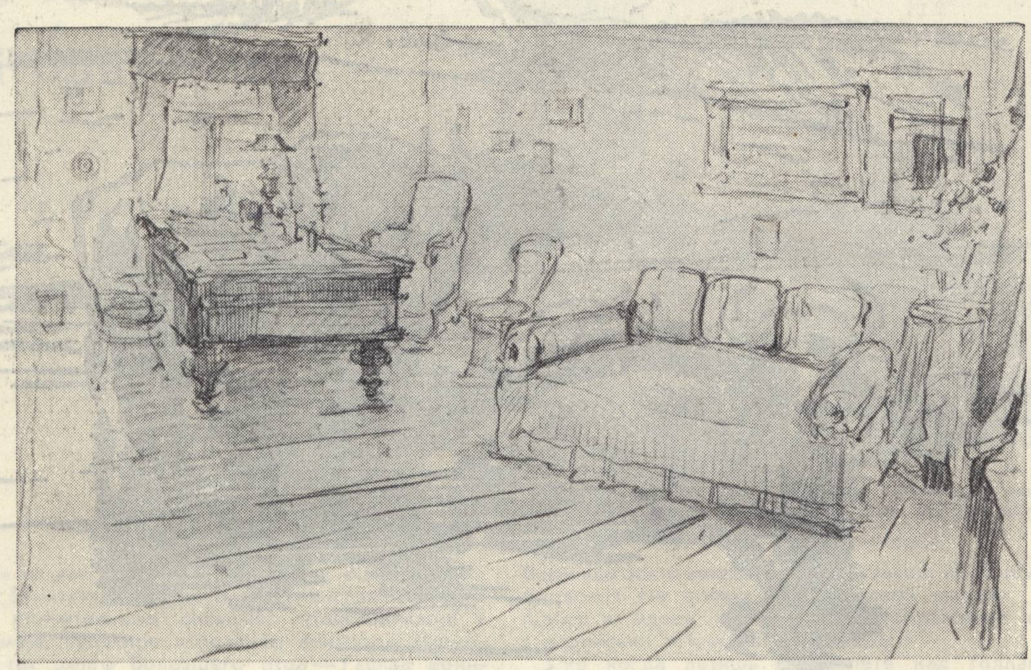
Может быть, вы будете путешествовать по Волге. Здесь память народная связывает многие места с именами и подвигами Разина и Пугачёва. В Камы-

шине, например, и сейчас укажут дом, где, по преданию, не раз находил приют удалой Стенька Разин.

А может, в Брянских или Псковских лесах вас привлекут партизанские тропки, вы разыщете старые, заброшенные лесные землянки, пройдёте по местам, где лесные мстители внезапными ударами истребляли фашистских захватчиков.

Неисчислимые сокровища искусства и истории ждут юных художников в древних русских городах — Пскове и Новгороде. И везде, куда ни направь свои шаги, вам встретятся и памятники былого и приметы нашего времени.

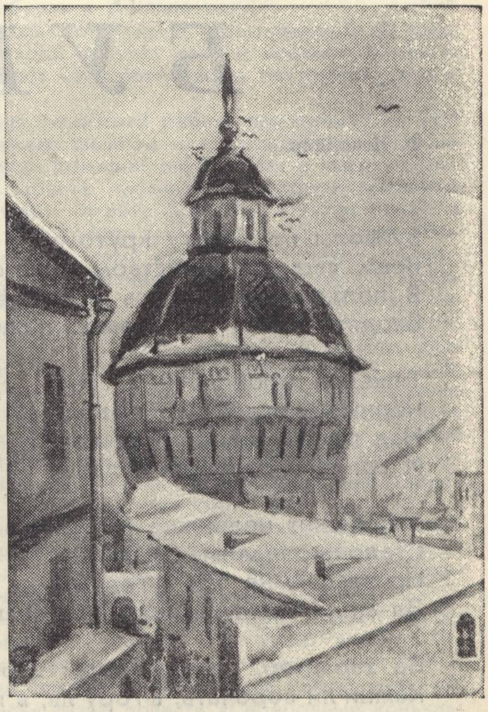
Дм. Соболев,
Е. Рубцова

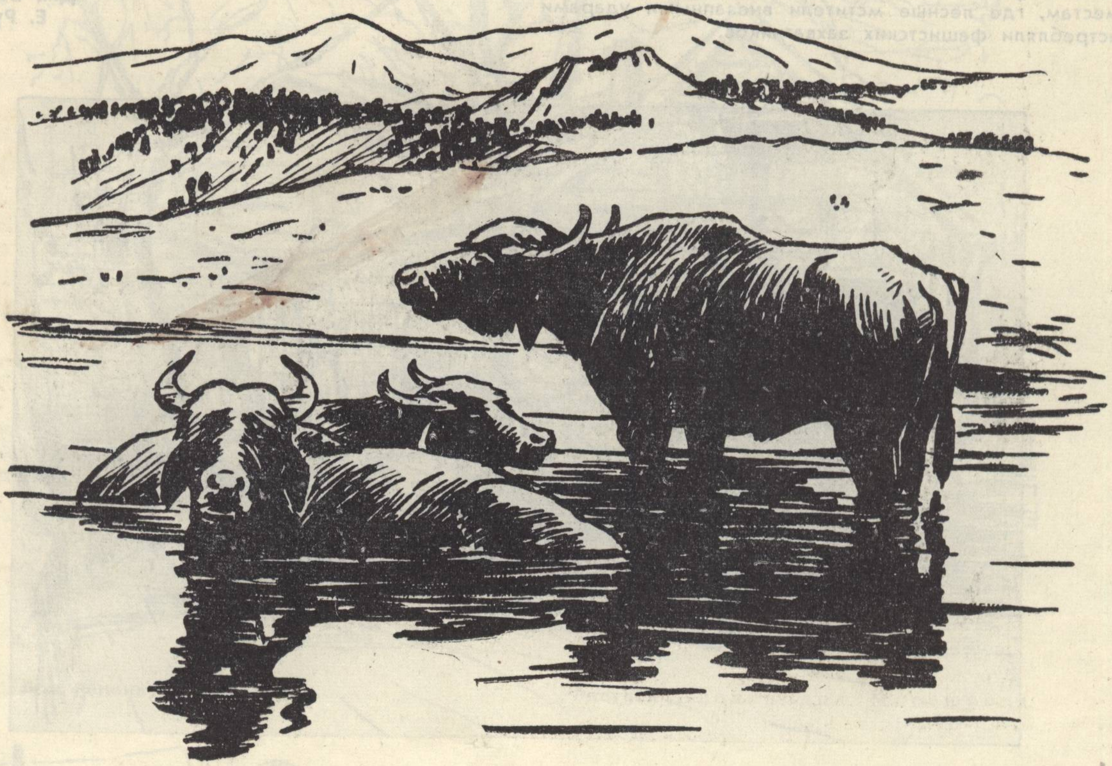
Мелихово. Кабинет А. П. Чехова. Рисунок Вити Выслова.

Мелихово. Рисунок Владислава Рябинина.

Одна из башен монастырской стены в Загорске.
Акварель Гены Иконникова.

БУЙВОЛЫ

Ф. Искандер

Рисунок В. Трофимова.

Буйволы по берегу крутому
Всем своим семейством толстокожим
В полдень потянулись к водоёму,
Входят в воду, выбирают ложе.

Тяжелее броненосных глыб,
Чёрные, лоснясь до синевы,
Над водою лишь рогов изгиб
И сопение жующей головы.

Вот лежит недвижно и угрюмо
Стадо молчаливых работяг.
Нравятся мне эти тугодумы
За медлительный, но твёрдый шаг;

За характер, не гадающий заранее,
Камни ли ворочать, в гору ль, в грязь,
Много людям сделали добра они,
Перед ними не ласкаясь и не льстясь.

Им под стать, где трактор не пройдёт,
Землю выпахать и, встретивши врага,
Защищаться, выставив вперёд
Узловатые гранитные рога.

Пусть медлительны в работе буйволицы
И доить дояркам нелегко,
Но зато в подойники струится,
Как смола, густое молоко.

Каждый день по берегу крутому
В полдень, появляясь неизменно,
Буйволы проходят к водоёму,
Отработав утреннюю смену.

ПУТЕШЕСТВИЕ В «СТРАНУ СТРАННОСТЕЙ»

Р. Измайлова

Фото автора.

Старинные ветряные мельницы встречаются в Голландии повсюду. Их красивые крылья иной раз достигают сорока метров длины.

Многие из вас, ребята, читали книгу «Серебряные коньки». Помните историю брата и сестры, Ханса и Гретель, удивительные события, происходившие у них в семье, чудесное исцеление доктором Букманом их так долго болевшего отца — Раффа Бринкера? Помните увлекательное состязание юных конькобежцев, в числе которых был один мальчик с таким на редкость длинным именем, что его трудно сказать без запинки: Воостенвальберт Схиммельпенинк?

Эти дети и их родные жили, как рассказывается в книге, в некоей «стране странностей» или даже в «стране противоречий».

Нет, конечно, здесь не о сказке идёт речь.

В книгах по географии Голландия имеет много названий: «низкая земля», «страна на воде», «впалая земля». Почему же автор книги «Серебряные коньки» назвал её ещё вдобавок «страной странностей» и сказал, что она во всём отличается от других земель?

Недавно мне пришлось побывать в Голландии, и я убедилась, как много удивительного в этой стране. Отличительная её особенность в том, что большая часть суши лежит ниже уровня моря. Старинные голландские летописи рассказывают о сотнях случаев вторжения воды в пределы материка. Тридцать пять наводнений обрушилось на эту страну в XIII веке. Морские бури и ураганы прорывали огромные плотины, поглощали города и деревни, в волнах гибли тысячи людей. Даже совсем недавно, три года тому назад, в Голландии опять случилось тяжёлое и бурное наводнение.

Всю свою жизнь голландцы ведут дерзкую борьбу с природой. Океан отнимает у них землю, а они упорно и настойчиво снова забирают отнятое водой. Эта многовековая, неустанная борьба стала как бы символом народного характера.

В одной из старинных ратуш я видела развешанные на стенах гербы голландских провинций и среди них герб Зеландии, изображавший льва, смело борющегося с волнами. Девиз гласил: «Борюсь и выплываю!» На древней голландской медали, хранящейся в музее, я встретила изображение океана с надписью: «Покровитель и враг!»

Уже когда летишь в самолёте над голландской землёй, видно, что вся страна изрезана плотинами, дамбами и различными заградительными сооружениями. Так издавна защищают себя голландцы от морских набегов и разлива рек.

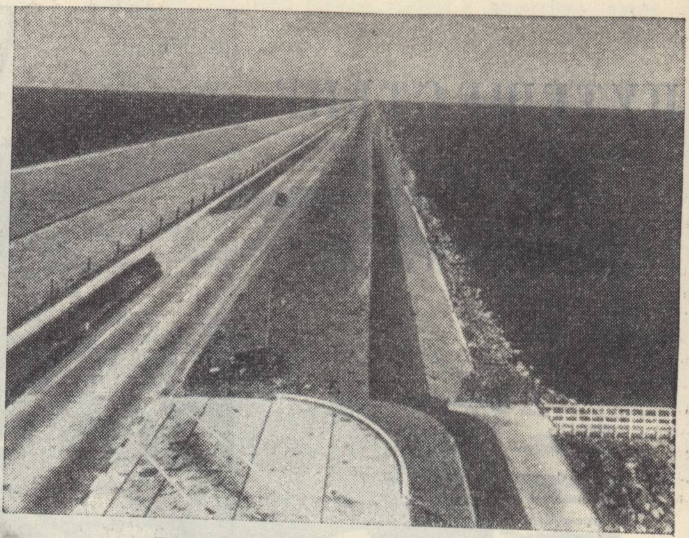
Они удерживают стихию, преграждают ей путь, а там, где вода возьмёт верх и прорвётся, сейчас же откачивают её. Уровни воды постоянно регулируются.

Эта вечная гигантская работа производит на всякого приезжего сильное и неизгладимое впечатление. Особенно памятна мне длинная и высокая тридцатикилометровая плотина, по которой проезжал наш туристский автобус. Плотину эту построили в 1932 году по проекту талантливого инженера Корнелиуса Лели. На семь с половиной метров возвышается она над уровнем Северного моря и представляет собой колоссальное инженерное сооружение. Когда будет полностью осуществлён проект инженера Лели, в стране прибавится двести двадцать тысяч гектаров плодородной полезной земли, отнятой у бывшего залива Зайдер-Зе, уже превращённого в озеро Эйсел. Так на географической карте Голландии с годами становится меньше голубой краски, зато больше коричневой, больше новых осушенных участков — здесь их называют «польдерами» — для хлеба, цветов и городов.

Мы по пути увидели, как много новых земель получили энергичные голландцы, осуществляя этот проект, увидели на новых землях новый город Лелиштадт, названный в честь инженера Лели.

...Чуть ли не с IX века голландцы строили плотины, оберегая и защищая ими свою землю. Так и возникал этот причудливый, немного фантастический пейзаж, который с искренним удивлением, как сказку, описал автор повести «Серебряные коньки»:

«Плотины высоки и широки, а на некоторых из них стоят здания и растут деревья. Больше того, на плотинах проложены отличные дороги, с которых лошади могут смотреть вниз на придорожные домики. Кое-где кили проплывающих кораблей выше, чем кровли жилищ. Аист, болтающий со своими птенцами на шпиле дома, быть может, считает своё гнездо расположенным на такой высоте, что ему не грозит никакая опасность, но лягушка, квакающая в соседних камышах, ближе к звёздам, чем птица. Водяные клопы снуют взад и вперёд выше ласточек, гнездящихся в дымовых трубах, а плакучие ивы никнут, словно стыдясь, что не могут дорасти до тростников... На фермах крыши напоминают громадные обвисшие шляпы, надвинутые домам на глаза, а сами дома стоят на деревянных ногах, как бы подоткнув юбки и говоря: «Мы решили остаться сухими, если сможем»... Короче говоря, весь ландшафт — сплошной утиный рай».

Такие высокие и широкие плотины и дамбы помогают голландцам оберегать страну от штормов и затопления. Однако Голландия знала немало бедствий, когда морская стихия разбивала защитные сооружения. Во время наводнения 1953 года более 50 тысяч жителей пришлось эвакуировать из затопленных районов, а 1 800 человек погибло в волнах.

Сильно изменилась «страна странностей» с того времени, как были написаны «Серебряные коньки», но всё же и сейчас Голландия выглядит такой же необычной и своеобразной.

Когда мы прилетели из Москвы на огромный аэродром Схипгол, близ Амстердама, и вышли из самолёта, нам сказали:

— Вот здесь, где вы стоите, почва ниже уровня моря на четыре с половиной метра! Этой земли сто с лишним лет назад вообще не было. Здесь было озеро.

Нелегко вообразить, что вся эта огромная благоустроенная площадь, пересечённая бетонными посадочными полосами, залитая асфальтом, на которую садятся прилетающие из всех стран мира самолёты, составляла не так уж давно часть дна огромного Гаарлемского озера, раскинувшегося на сто восемьдесят квадратных километров.

Голландцы выкачивали это озеро целых три года, пока отвоевали у воды обширные поля, на которых раскинулся сейчас огромный аэродром, а дальше за ним — зелёные луга, пастбища, многочисленные поселения.

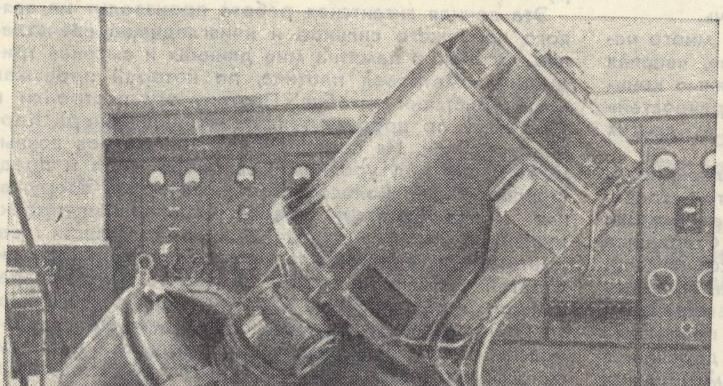
Двести лет не решались осушить Гаарлемское озеро: слишком невероятным казался такой замысел. Помогли это сделать паровые машины, приводившие в движение поршни насосов. Одна такая водокачальная машина в те времена поднимала сразу одиннадцатью насосами шестьдесят шесть тонн воды!

Но ведь нам сказали, что ещё в средние века голландцы умели хорошо бороться с водой. Как же они это делали?

Это легко понять, когда путешествуешь по дорогам Голландии. Куда ни поедешь, встретишь ветряную мельницу. Вот кто помогал голландцам — ветер! Сейчас мельниц не больше тысячи, многие из них продолжают молоть муку, пилить лес, а некоторые просто стоят без дела, как красивая деталь голландского пейзажа. А прежде их было больше двенадцати тысяч. И в те дальние времена это они — мельницы — откачивали воду из низменностей в каналы, осушали землю и охраняли страну от угрозы превратиться в болото. Могущественная техника нашего века заменила примитивные мельницы мощными насосными станциями и, конечно, сильно облегчила тревожные заботы голландцев.

Но дома тут попрежнему, как и в старину, строятся на «деревянных ногах». Если б не было этих свай, то Амстердам, красивый, тесно застроенный город, просто не мог бы существовать на этой илистой, топкой почве.

Амстердам нам очень понравился. Это один из самых своеобразных и интересных городов мира. Весь он стоит на каналах, их тут более пятидесяти. Городские кварталы — это девяносто островов, соединённых между собой

Вот такие мощные насосы теперь откачивают воду на специальных станциях, где неустанно наблюдают за уровнем воды в низинах.

мостами, которых здесь... четыреста (вдвое больше, чем в Венеции). Особенно интересна старая часть города: там хорошо сохранились дома XVII века, узкие, продолговатые, по три окна в ширину. У каждого дома на третьем этаже вбит загадочный крюк. Оказывается, ещё издавна мебель и все крупные грузы в дом попадали через окна, на блоке, ибо двери здесь всюду чересчур узкие.

Голландцы любят и берегут свою живописную старину. На некоторых фотографиях, снятых мною в Амстердаме, вы увидите интересные старинные здания, в том числе и городской дворец, в котором великий Рембрандт писал свою картину «Урок анатомии». Сохранился в Амстердаме и дом, где долго жил и работал этот великий художник. Есть в городе здания старые, монументальные, тяжёлые: биржа, ратуша, вокзал. Как же они держатся на зыбкой голландской земле?

Их опора — именно деревянные ноги. Красивое здание амстердамской биржи стоит на 34 тысячах свай. Под ратушей, находящейся на площади Дамрак, вбито 13 659 свай, а городской вокзал опирается на 26 тысяч свай — прямо на целый лес! Это очень длинные сваи, их приходилось забивать до четырнадцати — шестнадцати метров в глубину!

Интересно, что выдающийся голландский писатель эпохи Возрождения Эразм Роттердамский говорил, что знает город, жители которого живут, как вороны на вершинах деревьев. Конечно, он разумел под этим немного загадочным высказыванием именно Амстердам.

Пять дней мы жили в этом городе, осматривая многие его достопримечательности, памятники, музеи с знаменитыми картинами, в числе которых известные творения Рембрандта «Ночной дозор» и «Старшины цеха суконщиков».

Амстердам, которому семьсот лет от роду, конечно, интересен не только своей стариной и живописным обликом; это один из деловых современных центров Европы с сильно развитой промышленностью, многочисленными научными учреждениями и мощным оживлённым портом.

Судостроение — одна из старейших отраслей голландской индустрии. В Роттердамском порту, ещё более крупном, чем в Амстердаме, мы видели, что доки, судостроительные и судоремонтные верфи занимают тут сотни гектаров. Здесь строятся суда торговые, военные, огромные океанские пароходы, танкеры, баржи, рыбачьи баркасы... Однажды утром нам пришлось побывать в городке Заандаме, на запад от Амстердама, одном из давних центров кораблестроения. В Заандаме (в старину в России его называли немного по-другому — Саардам) множество старых ветряных мельниц. Говорят, что здесь их было около двухсот семидесяти. Огромные мельничные крылья, которые лет триста назад служили двигателями многим небольшим фабрикам — кожевенным, табачным, лесопильным, бумажным,— делают этот городок похожим на старинную голландскую

Красивы улицы-каналы живописного города Амстердама, который нередко называют «Северной Венецией».

Вот в этом старинном дворце в Амстердаме Рембрандт писал свою картину «Урок анатомии».

гравюру. Некоторые мельницы работают и до сих пор, невзирая на солидный возраст.

Мы зашли посмотреть на одну из них, к мельнику-мукомолу Адриану Беркхауту; весь его род, начиная ещё с прадеда, занимался мельничным делом. Мельник свёл нас наверх, поближе к крыльям, на окруживший мельницу балкон, показал оттуда красивую панораму города и посоветовал пойти в район Кримп, где в 1697 году жил наш соотечественник плотник Пётр Михайлов.

Я думаю, ребята, что вы уже вспомнили: под этим именем явился в Голландию учиться кораблестроению царь Пётр Великий. Голландцы очень заботливо сохраняют в Заандаме домик, где жил царь. Они покрыли его каменным футляром, так как однажды он сильно пострадал от очередного наводнения. Каморка кузнеца Геррита Киста, которую снимал для жилья Пётр, сохранилась и в наши дни очень хорошо. Старик-сторож показал нам некоторые личные вещи царя — большой ларь, где помещалась постель, его посуду, мебель. На стене висит портрет, изображающий Петра в том костюме заандамского рабочего, который он тогда здесь носил: белые холщовые штаны и красная фризовая куртка. Голландские гиды и теперь с увлечением рассказывают о разнообразных технических познаниях Петра.

Когда он приехал в Голландию, он уже знал четырнадцать ремёсел и был как дома и в любой мастерской и на любой фабрике, которые он часто и внимательно осматривал. Очень многое он умел делать сам, любил ручной труд и часто мастерил мебель и другие предметы обихода. Изучение корабельного мастерства особенно его увлекало. Ведь он хотел сделать Россию морской державой. На памятнике Петру, который стоит в центре Заандама, он так и изображён — юношей с топором, на верфи, за постройкой ботика...

Таких старинных городков, как Заандам, в Голландии немало. Очень красив Гаарлем — родина великого портретиста Франса Гальса и знаменитого голландского пейзажиста Якоба Рейсдаля. Гаарлем славится своим чудесным цветоводством: в его садах, оранжереях, на полях растёт великое множество разнообразных тюльпанов (в Голландии существует около шести тысяч сортов тюльпановых луковиц), которые прославили местных садоводов во всём мире.

Мы побывали и в городе Арнеме. В 1944 году от этого цветущего, красивого города осталось всего сто сорок пять целых домов. Погибло старинное здание ратуши, немецкими танками был разбит городской музей, школы, рабочие посёлки. Теперь город Арнем восстановлен, но повсюду на дорогах тут видны многочисленные военные кладбища со скромными, серыми, как солдатская одежда, надгробиями... Надпись на строгом солдатском памятнике гласит: «Остаюсь до гроба верным родине!»

Нет семьи, где забыли бы горе и несчастья войны. В годы фашистской неволи больше чем полмиллиона голландцев засадили в тюрьмы и лагеря, пятьсот пятьдесят тысяч людей угнали на работы в Германию, а сколько погибло в застенках!

Всё это надолго запомнил голландский народ. Ежегодно 4 мая здесь отмечается как общий день траура всей Голландии по героям и жертвам последней войны. Целое шествие, колонны людей во всех городах собираются, чтобы вместе пойти на солдатские кладбища, на пустыри, где расстреливали фашисты партизан, на безымянные братские могилы.

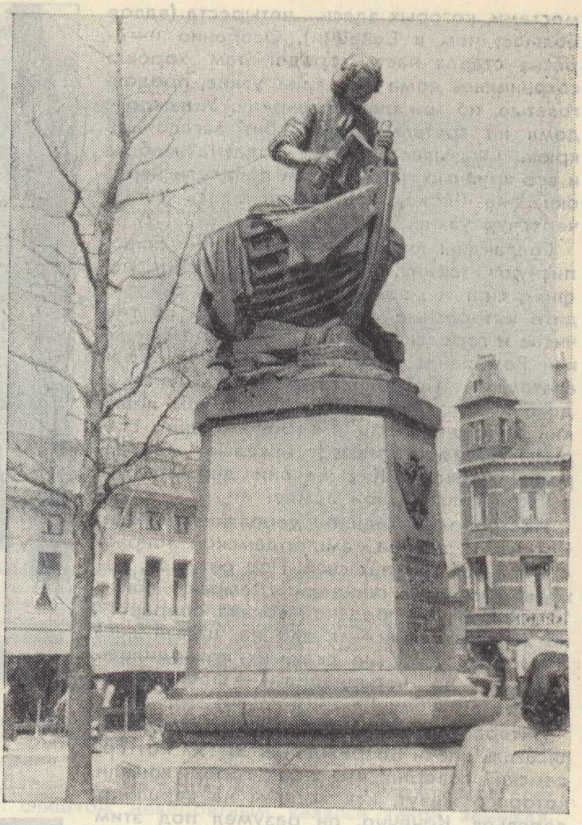
Я вспомнила московскую школу имени Зои Космодемьянской, когда вошла в этот день в голландский лицей в Гааге. Не забывают и здесь, в лицее имени Гуго Гроция (знаменитого юриста XVII века), своих молодых героев. В большом школьном зале висит белая мраморная доска. На ней начертаны имена учеников, сражавшихся и погибших за родину. В этом гордом и скорбном списке одни юные: девушки-партизанки, молодые солдаты... С волнением вспоминают о них учителя и дети.

— Мне не забыть их до конца жизни! — сказал старый учитель с седой головой.

Ежегодно в майские дни, когда на улицах Голландии цветущая весна, перед этой мраморной доской с надписью, звучащей как завещание: «Наша слава — ваше будущее, за которое мы воевали и гибли!»,— в томящей душу тишине собирается вся школа. Дети приносят цветы, букеты, венки, и скоро зал преображается в чудесное голландское поле тюльпанов и гиацинтов, которые, как и все их земляки, так любили погибшие.

Старой школы, где учились прежде юные герои, уже нет. Когда немцы строили в Голландии Атлантический вал, они разрушили три тысячи зданий. Снесли тогда и школу. Теперь вместо разрушенного построили новое красивое здание, где ничто не напоминает о горьком прошлом, кроме этой белой мраморной доски и печальных рассказов старых учителей о своих погибших воспитанниках.

Удивительный памятник одному из героев последней войны мне довелось увидеть в Гааге. Офицер Жорж Мадуро был смелым, самоотверженным бойцом в трудные для Голландии дни фашистского вторжения. Он храбро сражался и убил двадцать пять немецких парашютистов до того, как его захватили в плен и заключили в концентрационный лагерь, где

Пётр I в юности учился кораблестроению в Голландии. В городе Заандаме стоит памятник царю-плотнику.

По утрам, когда все ребята идут в школу, старшеклассники помогают младшим школьникам переходить улицы и площади Амстердама. При переходе дежурный школьник поднимает палочку, чтобы остановить движение.

он и погиб. Друзья смелого офицера знали, что в юности он мечтал построить маленький городок, в котором можно было бы показать всю Голландию — её наиболее интересные здания, индустриальные сооружения, очаги культуры и науки. И вот в память Мадуро осуществили его юношескую мечту и создали колоссальную панораму «Мадуродам» — городок-макет. Каких только зданий нет в этом макете, раскинувшемся на очень большом участке! Тут и дворец Мира, известный в Гааге, здесь и старинный голландский замок с башнями... Немного дальше начинается электрифицированная железная дорога. Движутся поезда, плывут по каналам макета катеры и пароходы, идут автомашины под мостами... Фермы... Школы... Театры... Церкви... Вся страна в миниатюре разместилась на этом макете, а мы, люди, с интересом останавливающиеся у каждого из этих сооружений, выглядим тут гулливерами в городе лилипутов. Весь сбор от входных билетов на посещение городка «Мадуродам» идёт в фонд помощи молодёжи, болеющей туберкулёзом.

Каждое путешествие — это только первое короткое знакомство со страной. Потом всегда хочется узнать о ней больше. Всего две недели я провела в Голландии, и в этом очерке я рассказала вам, ребята, только краткие туристские впечатления, вынесенные из этой страны, такой своеобразной, мужественной и красивой.

Узнать её лучше помогут вам многие книги, рассказы географов, историков и такие увлекательные повести для детей, как «Серебряные коньки» и «Чёрный тюльпан».

На уроке математики в одном из классов лицея имени Гуго Гроция в городе Гааге.

НОЖИК

Г. Мамлин

Рисунки В. Каменского.

В саду мы с дорожек
Весь мусор смели.
Вдруг маленький ножик
Мы видим в пыли.

В нём штопор, и вилка,
И ножницы есть,
В нём тонкая пилка
И лезвий не счесть.

Сказал я Алёше:
— Нашли вот с тобой
Мы ножик хороший,
Да только чужой.

Вздохнул я: — Обидно,
Конечно, но всё ж
Придётся, как видно,
Вернуть этот нож.

Я в домик садовника брата веду,
Я маленький ножик держу на виду.
— Скажите, не вы ли
Свой ножик забыли?
У старого дуба нашли мы в саду.

Садовник сказал, покачав головой:
— Хорошенький ножик, да только не мой.
Быть может, ребятки,
Найдутся перчатки?
В саду потерял я их этой весной.

Соседку-портниху догнать мы спешим,
Соседке-портнихе мы с братом кричим:
— Скажите, не вы ли
Свой ножик забыли
У старого дуба? Нашли мы под ним.

Соседка взглянула, сказала: — Друзья,
Ножей не теряю на улице я.
Нашли бы мне вилку,
Да нынче копилку
Куда-то забросила дочка моя.

— Смотри,— говорю я,— студент у ворот
Сестру нашу Катю, наверное, ждёт.
— Скажите, не вы ли
Свой ножик забыли?
У дуба. В саду. Под скамейкою. Вот.

Студент улыбнулся смущённо в ответ.
— Не мой это ножик, товарищи, нет.
Вот нынче куда-то
Тетрадь я запрятал,
А в ней на «Динамо» хранился билет.

Андрюша с сестрою Наташей вдвоём
Высотный возводят из кубиков дом.
— Скажите, не вы ли
Свой ножик забыли?
Хозяину ножик мы сразу вернём.

Андрей удивился: — Неужто отдашь?
Я взял бы, пожалуй, да ножик не наш.
Мы грядки копали
И там потеряли
Лопатку, совок и цветной карандаш.

Сказал мой братишка: — Ну ладно, иду.
Мне каждое место известно в саду.
Копилку, перчатку,
Совок и тетрадку
Я вам, растеряхам, наверно, найду.

И ходим мы с братом по саду вдвоём.
Копилку нашли мы с одним пятаком,
Нашли мы калоши
И зонтик хороший,
Лопатку и шляпу нашли под кустом.

Под самым окном, возле грядок, в пыли
Мы ржавую вилку соседке нашли,
Студенту — тетрадку,
Андрюше — лопатку,
Перчатки садовнику мы отнесли.
Но ножик, на солнце горящий огнём...
Лежит этот ножик в кармане моём.
Ребята, не вы ли
Свой ножик забыли?
Его мы храним. Напишите, пришлём!

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ПРИЗ

А. Красильщиков

Странные вещи творились в это утро в лагере. Вот два мальчика вынесли из столовой стол и поставили его на берегу пруда. Потом другие ребята вытащили под дерево кровать и в беспорядке свалили на неё одеяла, подушки, простыни. И никто не сделал им за это замечания, не заставил привести кровать в порядок. Больше того. Начальник лагеря Алексей Васильевич Гречишников подошёл, посмотрел на все эти безобразия и сказал:

— Молодцы! Правильно. Готовьтесь, готовьтесь.

К какому же событию лагерь готовится таким необыкновенным образом?

В этот день в лагере проходит эстафета-«кругосветка».

Беговая дорожка кольцом огибает пруд.

Взгляните на фотографию. На старте в напряжении застыла Валя Лукьянова. Прозвучит команда судьи «Марш!», и Валя бросится вперёд. Через сто метров она передаст эстафету товарищу. У него задача посложней: надо быстро влезть по канату. На снимке видно, как мальчик ловко взбирается вверх. Правда, он так заторопился, что впопыхах забыл снять сандалии, хотя без них лезть было бы, конечно, удобнее.

На следующем этапе — новое препятствие. На дорожке стоит стол, на столе записки, а в записках — ни одной буквы. Только точки и тире. Ну, конечно, азбука Морзе! Кто хорошо знает её, тот быстро расшифрует свой текст. Ну, а если забыл какую-нибудь букву, как тогда быть? Выбывать из соревнований? Разумеется, нет! В сторонке, под берёзой, расположилось «справочное бюро». Подойди туда, спроси. Там тебе охотно ответят на все вопросы. Потеряешь драгоценные секунды? Конечно. Но кто же в этом виноват?

Записка прочитана, можно бежать дальше.

Вот дорожка спускается к самому пруду. Пионерка Тереза Хван покрепче сжимает эстафету в руке и бросается в воду. Посмотрите: ей приходится грести одной рукой, в другой — эстафета, Тереза держит её над водой. Близок берег. Ещё несколько энергичных гребков, и эстафета передана подруге.

А у подруги задача совсем другая — как можно быстрей завязать морской узел.

На следующем этапе, прежде чем передать эстафету, ребята должны быстро и аккуратно убрать постель. Вот зачем, оказывается, поставлена на дорожке незастеленная кровать...

Пионер подбежал к кучке хвороста. Присел, аккуратно складывает палочки шалашиком. Что же он медлит? Подсовывает растопку, снова перекладывает хворост. Наконец, взял спичечную коробку.

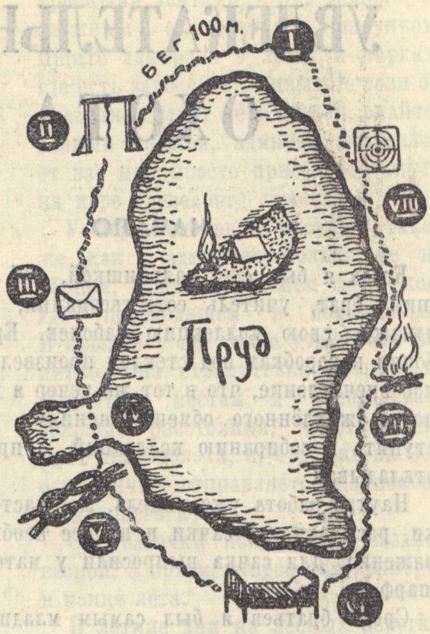
Ага! Всё ясно: в коробке-то всего одна спичка! А костёр во что бы то ни стало должен загореться...

Дальше стоят мишени с отверстиями: кто точнее метнёт теннисный мяч? Если промахнулся, дальше бежать нельзя. Приходится вернуться к «справочному бюро» и получить запасные мячи. Может быть, второй или третий бросок будет более удачным... Близок финиш. Кольцо замыкается. Интересная была эстафета!

Но самое интересное — это приз победителям. Не кубок. Не грамота. Даже не медаль. Нет, совсем-совсем другое.

Посреди пруда, вокруг которого проходила «кругосветка», расположен остров. Вот он на снимке. Очень симпатичный островок: берёзки, трава. Раньше он был необитаемым и безымянным. А теперь его называют «островом робинзонов». Потому что на остров высадились «робинзоны», те самые ребята, которые победили в эстафете. Это и есть приз — право целые сутки прожить на острове одним, без взрослых, ночевать в палатке, варить обед на костре.

Видно, что «робинзоны» довольно уютно устроились. Таким ребятам не страшны трудности: во время эстафеты они доказали свою силу, ловкость, умение.

* * *

Друзья! Если вы захотите провести такую эстафету-«кругосветку» у себя в лагере, можете воспользоваться схемой, которая нарисована вверху справа. На ней хорошо видны все препятствия, расположенные на разных этапах эстафеты.

Но не обязательно, конечно, копировать эту эстафету полностью. Может быть, вы придумаете всё по-своему, и тогда соревнования пройдут ещё веселее и интереснее.

УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ОХОТА

НАЧАЛО

Когда я был ещё мальчишкой, мой самый старший брат, учитель естествознания, показал нам однажды свою коллекцию бабочек. Красавицы-бабочки в коробках под стеклом произвели на нас такое впечатление, что в тот же вечер я и мои братья после оживлённого обмена мнениями решили приступить к собиранию коллекций, и приступить не откладывая.

Наутро работа уже кипела. Мы мастерили коробки, расправилки, сачки и прочее необходимое снаряжение. Для сачка выпросили у матери тюлевый шарф.

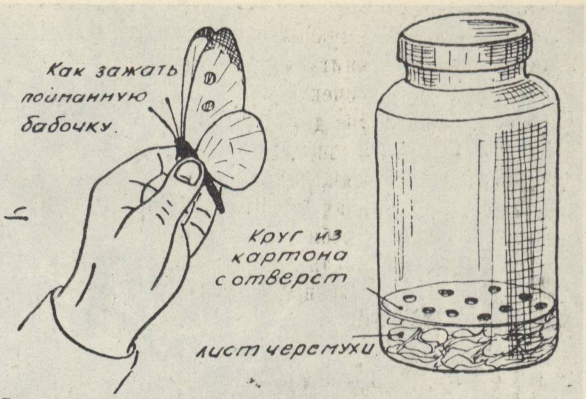
Среди братьев я был самым младшим, и этим определялся круг моих работ. То и дело слышались команды: «подай», «принеси», «сбегай», «убери», «подержи». Я с готовностью всё выполнял, но мне хотелось быть полноправным коллекционером. А это было не так просто. Требовалось отличиться и добыть особо интересных и красивых бабочек.

Мне сначала не везло. Бегая целыми днями по саду, обыскивая каждый куст, каждую ветку, я ничего стоящего не находил. Лишь после долгих испытаний и неудач мне улыбнулось счастье. Отдыхая летом в лагере у реки, я нашёл то, что искал, и своим вкладом в коллекцию заслужил полное признание у братьев. С этого времени я перестал быть для них только «мальчиком на побегушках».

Но вскоре с коллекцией приключилась беда: огромный застеклённый ящик, висевший на стене, упал и разбился. Много бабочек было испорчено.

После этой катастрофы братья заметно охладели к собиранию коллекции, и всё, что от неё осталось, было отдано в моё безраздельное владение.

Долго и терпеливо склеивая отломанные крылышки, прикрепляя их к хрупким туловищам, я восстановил коллекцию и принялся её пополнять. Роли переменились. Теперь все в доме стали моими помощниками. Даже мать, возвращаясь из сада, где жала траву, приносила мне бабочек. Но главным союзником и спутником был мой задушевный друг Миша.

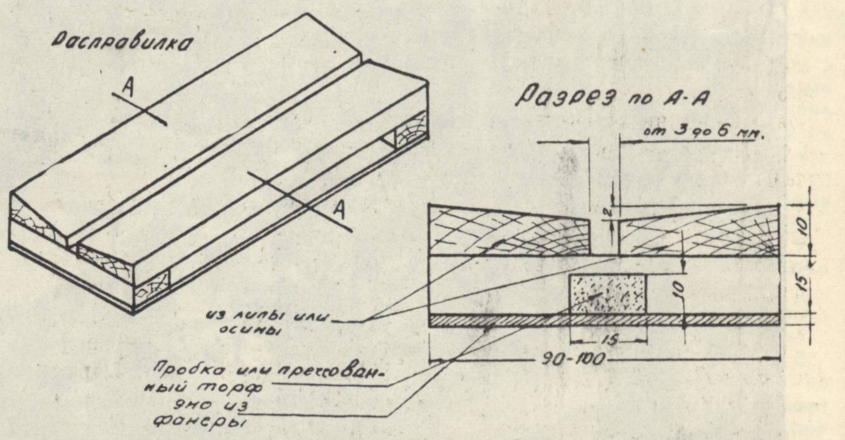

Здесь нарисована морилка, которую нетрудно сделать самим. Не держите её на солнце, мойте почаще, вытирайте насухо, меняйте нарезанные листья черёмухи, не накапливайте в ней много бабочек.

С ним вместе вступили мы в пионеры, вместе целыми сутками пропадали в лесу и на реке, вместе ловили рыбу, собирали бабочек, знакомились с растениями, наблюдали птиц.

Жизнь животных, насекомых, растений проходила у нас перед глазами, рождая трудные и в то же время захватывающе интересные вопросы. Почему одни бабочки яркие и красивые, а другие серые и невзрачные? Почему у одних такой образ жизни, а у других иной? Почему некоторые из них летают быстро, а другие плавно, медленно, не спеша? Читая, наблюдая, я находил ответы. Многому научили меня мои пёстрые и нежные пленницы. И передо мной понемногу раскрывалось главное: в природе существует строгая закономерность. Нет ничего случайного, всё связано между собой крепкими, хотя и незаметными порой нитями.

С тех пор прошли годы. Но бабочки, научившие меня понимать и любить природу, и сейчас остались моим увлечением. Для меня и сейчас охота за ними — лучший отдых.

Расправлять бабочку лучше сразу. Если она высохнет, её надо сначала положить на один — два дня на чистый сырой песок и прикрыть стеклом. Вынув бабочку из морилки, её надо наколоть на энтомологическую булавку. Бабочки очень хрупки, при малейшем прикосновении к крылышкам пыльца с них стирается, поэтому расправлять бабочек нужно осторожно.

Рассказать обо всех бабочках хотя бы понемногу — значит написать большую, толстую книгу. Ведь одних только дневных бабочек у нас в Советском Союзе больше двухсот видов, а на всём земном шаре — больше двадцати двух тысяч. Я расскажу вам здесь о некоторых бабочках и о наших небольших ребячьих открытиях, которые помогли нам лучше понять окружающий нас сложный мир живой природы.

НЕВИДИМКИ

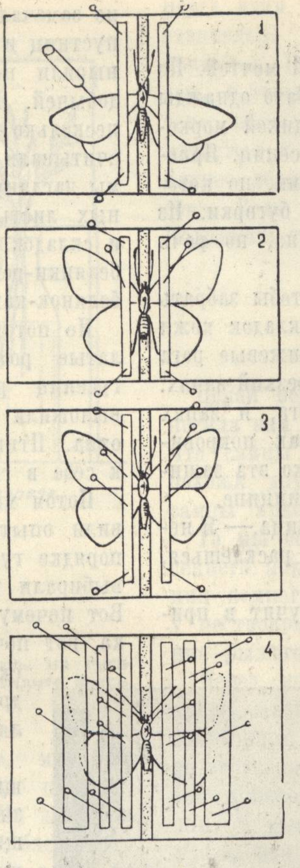
Солнечным днём в конце лета мы набрели на группу старых, могучих дубов, у которых из коры сочился сок, «пьяных дубов», как называют их в народе. Вокруг «пьяных дубов» собралось множество крупных бурых бабочек. Мы с увлечением принялись за ловлю и вернулись домой с богатой добычей. А когда начали разбирать её с определителем, обнаружилось, что бабочки наши, несмотря на сходство, принадлежат к трём различным видам: многоцветница, большая крапивница и эль-белая.

У многоцветницы верх крыльев рыжий, а пятно на вершине передних крыльев желтоватое. У большой крапивницы красно-бурый верх крыльев и белое вершинное пятно. У третьей бабочки края крыльев более резные и белые пятна более заметные.

Но нас сильнее поразило сходство, чем различие,— сходство, замеченное ещё в лесу. Бабочки всех трёх видов становятся незаметными, как только усядутся отдыхать на ствол дерева или на обнажённую землю. Сложив крылышки, они мгновенно прячут свой яркий узор, а серовато-бурая нижняя сторона сливается с окружающим фоном.

Так открылся нам один из самых ярких примеров покровительственной окраски у насекомых, и мы задумали составить коллекцию, которая иллюстрировала бы это явление.

Мы взяли по две бабочки каждого вида. Трёх поместили в коробку, расправив им крылья, трёх, со сложенными крыльями, прикрепили на кусочках коры. Если и вы захотите сделать такую коллекцию, имейте в виду, что её можно ещё расширить. Например, подойдут сюда адмирал и чертополоховка — два вида бабочек, хотя и близких друг к другу, но различных по окраске. У адмирала верх чёрный, с красными лентами, а низ тёмный, со сложным одноцветным рисунком. Ищите адмирала в лесах и парках, где есть заросли крапивы. Но если он внезапно станет невидимкой, знайте: сложив крылья, адмирал спрятался от вас или просто присел отдохнуть на коре древесного ствола.

Установив бабочку на расправилку и закрепив её крылышки бумажными полосками, надо подтянуть сначала верхние крылья (левое, а потом правое). Закрепив их бумажными полосками, подтянуть нижние крылышки и тоже закрепить их (рис. 3). После этого следует расправить усики и брюшко, подложив под него вату, чтобы оно не опускалось. Расправленных бабочек нужно оставить на расправилке примерно на неделю, закрыв их от пыли.

У чертополоховки рисунок такой же, как у адмирала, только не на чёрном, а на яркорыжем фоне, кое-где переходящем в коричневый. И крылья у неё более узкие. Это понятно. Она стремительно летает по открытым местам и преодолевает большие расстояния, чтобы найти куст чертополоха, и, отложив на нём одно яичко, отправляется на поиски следующего куста.

Обе бабочки появляются поздней весной, а потом, второе поколение,— в конце лета.

В летние дни на лесных дорогах, в местах, где есть лужицы и грязь, летают круглые красивые бабочки: тополевый ленточник и переливница-радужница.

Крылья ленточника сверху почти чёрные, с белыми пятнами и перевязками, а у радужниц — тёмный фон с чудесным фиолетовым отливом. Бабочки эти быстро летают, часто садятся на дорогу.

Наблюдая за ними, мы сумели подметить, каким способом они маскируются. Тополевый ленточник садится в самую грязь, на мокрые комочки земли. Сложный рисунок обратной стороны его крыльев, с голубыми пятнами и белыми перевязками, сливается с солнечными бликами на комочках грязи и с отражениями голубого неба в маленьких лужицах.

Радужница выбирает для отдыха сухие места. Серый цвет её сложенных крыльев сливается с цветом дорожной пыли.

Конечно, воспроизвести в коллекции исчезновение ленточника немыслимо: ведь он маскируется с помощью воды и солнечного света. Зато радужницей вы вполне можете обогатить свою коллекцию невидимок.

Есть ещё одна мастерица «играть в прятки». Это бабочка-крушинница, называемая также лимонницей. Крылья её снизу зеленоватые. Мало того: и по форме и по расположению жилок они напоминают листок крушины. Стоит бабочке сложить их да сесть на веточку — не отличишь, где листья, где бабочка.

«БЕРЕГИСЬ»

Парусник махаон был моей заветной мечтой. Но долго мне его не удавалось поймать. Зато однажды на лесной опушке, осматривая куст дикой моркови, я нашёл трёх больших цветных гусениц. Яркозелёные, с широкими чёрными полосами, по которым, словно пуговицы, шли красные бугорки. Из них у меня вывелись бабочки махаона, но речь здесь не об этом.

Едва я притронулся к гусеницам, чтобы забрать их для своего садка, как у них из складок кожи на голове выпятились вилкой яркооранжевые рога и сразу же распространился какой-то резкий запах.

И пёстрая окраска гусениц, и рога, и запах были такой же хорошей защитой, как покровительственная окраска невидимок. Только эта защита была основана совсем на другом принципе.

«Берегись! — словно кричала гусеница.— Я невкусная, не советую меня трогать, раскаешься, пожалуй!»

Это безмолвное «берегись» часто звучит в природе.

Вот как составляется коллекция. Здесь вы видите яйца (в), гусеницу (г), куколку (д) и взрослых бабочек-капустниц (а, б). Значком, который стоит возле буквы «а», обычно обозначают самок; значком, нарисованным рядом с буквой «б»,— самцов.

Вот парит над грядками капустная белянка. А через некоторое время, если хозяин огорода не примет решительных мер, её толстые полосатые гусеницы покроют все капустные листья.

Наблюдая за гусеницами капустницы, мы заметили, что птицы их не трогают.

Поблизости от наших огородов гнездились воробьи, горихвостки и другие птицы. Но все они не замечали нахально, в открытую ползающих капустниц и сотни раз за день, прилетая на грядки, ныряли под листья, вниз, за какой-то другой добычей. Мы для проверки взяли под контроль несколько капустных кустиков. Каждый день пересчитывали гусениц, но они не убывали. Когда же мы заглянули вниз, на оборотную сторону капустных листьев, оказалось, что там, среди извилин и складок, укрываются гусеницы другого вида — белянки-репницы. Их было гораздо меньше, чем белянок-капустниц.

Не потому ли, что это за ними охотятся крылатые родители прожорливых птенцов? Набрав гусениц репницы, мы тут же, среди огорода, выложили их на видное место и стали следить из окна. Птицы очень быстро перетаскали их всех к себе в гнёзда.

Потом мы вычитали в книгах, что учёные ставили опыты, прикрепляя на щитах в различном порядке гусениц обоих видов. Птицы каждый раз выбирали всех репниц, а капустниц не трогали. Вот почему у капустниц пёстрая, заметная окраска, вот почему они живут в открытую, большими скоплениями: «Берегись, не спутай меня с другими!» А беззащитная и съедобная белянка-репница прячется под листьями.

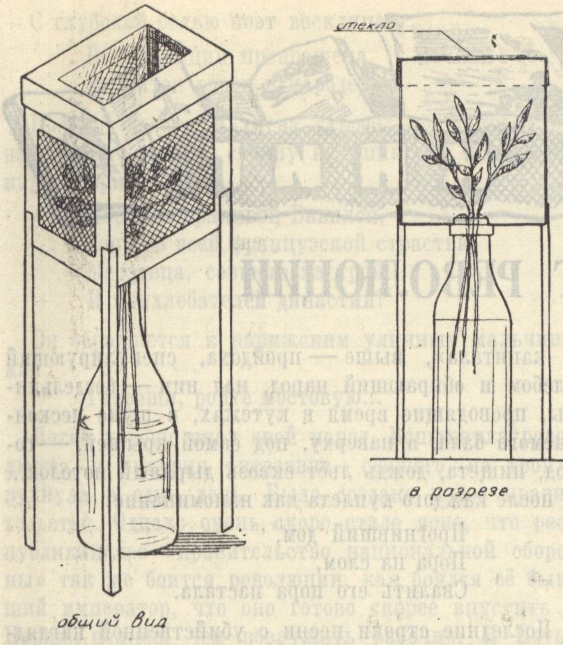
Если вам встретятся гусеницы, живущие, не скрываясь, большими колониями, знайте: они не боятся птиц, у них есть защита, либо они невкусны, либо вооружены шипами, или густо покрыты колючими волосками. Из наших лесных птиц только кукушка да синица поедают мохнатых гусениц.

А у боярышницы не только бабочки и гусеницы не маскируются. У них даже куколки имеют яркую, предупреждающую раскраску. Яркобелые, с чёрными и оранжевыми пятнами, они отчётливо дают сигнал «берегись».

РЯЖЕНЫЕ

Когда крушинница подражает зелёному листочку, её, конечно, нелегко обнаружить. Но стоит ей вспорхнуть с веточки, и вы тотчас узнаете бабочку. А в природе встречаются случаи более удивительного маскарада. В конце июня в местах, где растут тополя, вы встретите стеклянницу. Жёлточёрное полосатое брюшко, прозрачно-слюдяные крылышки, маленькие усики. Оса? Да, вы, конечно, подумаете, что оса. Только с определителем и с лупой в руках, обнаружив хоботок вместо хищных челюстей, отсутствие «талии» и чуть приметные отличия в строении крылышек, вы узнаете, что это бабочка, принявшая облик осы.

На цветах дрёмы и сирени вы можете встре-

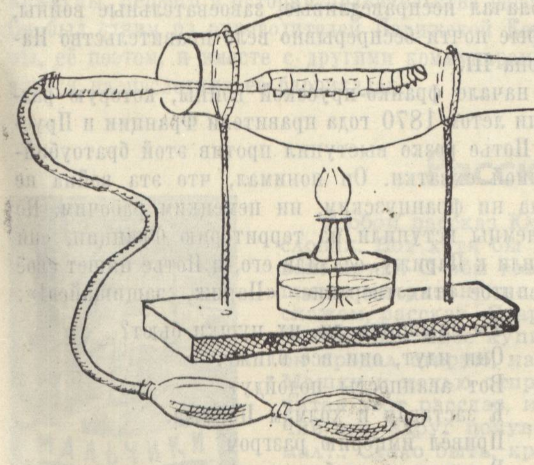

Бабочек для коллекции можно выращивать из гусениц, устроив для них садок, который вы видите здесь.

тить ещё одного ряженого. Толстое, мохнатое брюшко в оранжевую, жёлтую и чёрную полоски, прозрачные, как стекло, крылышки... Ни дать, ни взять — шмель. Только не слышно басовитого жужжания. И не диво, потому что это вовсе не шмель, а бабочка из семейства бражников. Её и зовут шмелевидный бражник.

Зачем же этому бражнику и стекляннице такой маскарад? Да всё для того же, чтобы обмануть врагов.

Они тоже дают сигнал «берегись». Но другие гусеницы и бабочки, о которых у нас речь шла перед этим, предупреждают без обмана: они действительно несъедобны. А эти, ряженые, вполне съедобны. Но они переоделись в костюм шмеля и осы, которых ни одна птица не трогает. Больше того: шмелевидный бражник и стеклянница принадлежат к ночным бабочкам, а летают днём. Понятное дело: «Назвался груздём — полезай в кузов». Ведь осы и шмели — дневные насекомые. Подражать так уж подражать!

Это установка для препарирования гусениц. Сначала их выдавливают на пропускной бумаге, а потом сушат, вдувая воздух, как показано на рисунке.

ПОПРОБУЙТЕ САМИ

Целой вереницей шли открытия, которые приносила нам охота на бабочек. То мы обнаруживали, что самцы и самки одного и того же вида не похожи друг на друга. Например, у крушенницы самцы яркожёлтого, а самки голубоватого цвета.

То мы обнаруживали, что бабочки первого, весеннего поколения капустниц, репниц и брюквенниц немного отличаются по виду от второго, что у пестрокрыльниц даже очень отличаются: весенние рыжего цвета, летние — чёрного.

Перед нами раскрывались многочисленные секреты жизни бабочек. Выяснилось, что гусеницы боярышниц живут колониями, строят себе на стволе дерева общее паутинное гнездо и отсиживаются там в непогоду, и что эти гусеницы прячутся на зиму в домики из листьев, свёрнутых трубочкой, и что эти листья зимуют на ветках, не опадая ни в дождь, ни в ветер, ни в метель, если заботливый садовод сам их не оберёт и не уничтожит.

Мы узнали, что бывают в каждом поколении «запасные» куколки. В то время как все остальные развиваются примерно в один срок, из запасных куколок бабочка выходит с опозданием на год, а иной раз и на два — три года. Если какие-либо стихийные бедствия истребят всех вышедших в положенное время бабочек, вид не погибнет: его возобновит бабочка из запасной куколки.

Мы собирали коллекции по различным темам. О коллекциях покровительственной и угрожающей окраски я уже говорил. Но ещё мы собрали коллекции, показывающие развитие и образ жизни того или иного вида, коллекции, показывающие бабочек — вредителей сада, бабочек — вредителей леса, а иногда бабочек — вредителей одного какого-либо культурного растения.

Всё это доступно каждому из вас, и если вы только попробуете, — увидите сами, как интересна охота за бабочками и всё, что при этом узнаёшь. А чтобы вам не пришлось «открывать Америку» и «изобретать велосипеды», я даю здесь чертежи, рисунки и практические советы, как делать коллекции.

П. Горохов,
учитель 223-й школы, г. Москва.

СОЛДАТ И ПОЭТ РЕВОЛЮЦИИ

Книги пишут писатели, песни и стихи сочиняют поэты. Но вот эти, каждому из нас с детства знакомые слова:

Никто не даст нам избавленья,
Ни бог, ни царь и не герой:
Добьёмся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

Неужели их тоже кто-то сочинил?

Кажется, что они существовали всегда.

Кто же он, человек, написавший слова «Интернационала», слова, которые сегодня повторяют на всех языках, во всех концах земли?

Его звали Эжен Потье. Он родился в Париже 4 октября 1816 года. Ему было четырнадцать лет, когда он написал свою первую песню. Она называлась «Да здравствует свобода!»

Эта первая песня Эжена Потье была откликом на июльские события 1830 года, когда народ Франции сбросил с королевского трона династию Бурбонов.

В 1848 году, когда улицы Парижа вновь покрылись баррикадами, на одной из баррикад сражался за свободу Эжен Потье. В те дни рабочие парижских предместий уже хорошо знали его песни — задорные, весело высмеивающие богачей, зовущие на борьбу.

Создавая свои стихотворения, Потье чаще и охотнее всего пользовался формой популярной во Франции уличной песни-куплета. Этому искусству он учился у своего гениального предшественника, великого французского поэта Беранже.

Вот одна из песен Потье, написанных в дни революции 1848 года. Она называется «Старый дом— на слом»:

Подкрашен сверху этот дом,
И позолота есть на нём.
Но вся постройка обветшала.
Её фундамент одряхлел,
Дом покосился и осел.
Прогнивший дом,
Пора на слом,
Свалить его пора настала.

Поэт рисует этаж за этажом этого символического дома. В бельэтаже живёт банкир, «сосущий прибыль с капитала», выше — пройдоха, спекулирующий хлебом и обирающий народ, над ним — бездельницы, проводящие время в кутежах, в шуме нескончаемого бала, а наверху, под самой крышей, — голод, нищета, дождь льёт сквозь дырявый потолок... И после каждого куплета как напоминание:

Прогнивший дом,
Пора на слом,
Свалить его пора настала.

Последние строки песни с убийственной наглядностью показывают обречённость старого мира:

Внизу — казарма, войск отряд.
Плоха надежда на солдат.
Им тошно слушаться капрала.
И вряд ли будет эта рать
Домовладельца защищать.
Прогнивший дом,
Пора на слом,
Свалить его пора настала.

Как по-разному воспринимаются после каждого нового куплета одни и те же слова рефрена (припева)! Сначала в них слышится весёлая насмешка, потом ненависть и презрение, потом гнев и боль за всех обездоленных, а под конец они звучат беспощадным и грозным приговором.

Во многих своих песнях и стихотворениях Потье разоблачал несправедливые, завоевательные войны, которые почти беспрерывно вело правительство Наполеона III.

В начале франко-прусской войны, которую развязали летом 1870 года правители Франции и Пруссии, Потье резко выступил против этой братоубийственной схватки. Он понимал, что эта война не нужна ни французским, ни немецким рабочим. Но вот немцы вступили на территорию Франции, они подошли к Парижу, осадили его, и Потье пишет своё знаменитое стихотворение «Париж, защищайся!»:

Ты слышишь ли, их пушки бьют?
Они идут, они всё ближе.
Вот аванпосты подойдут
К заставам и холмам Парижа.
Привёл империю разгром
В тупик, к разбитому корыту.
Вставай! Встречай врага ядром.
Париж, создай себе защиту!..

С глубокой болью поэт восклицает:

Вся Франция превращена
В притон воров и мародёров!

Полные ярости и гнева строфы обрушивает он на тех, кто привёл страну в тупик. Он призывает народ Парижа:

Хлестни крапивой Вавилон,
Гони со всей французской страстью
Мерзавца, севшего на трон,
И прихлебателей династий!

Он обращается к парижским уличным мальчишкам:

Гаврoши, ройте мостовую...

Потье хорошо знал свой народ. Вспыхнула революция, и империя «мерзавца, севшего на трон», рухнула в один день. Было создано новое правительство. Однако очень скоро стало ясно, что республиканское «правительство национальной обороны» так же боится революции, как боялся её бывший император, что оно готово скорее впустить в Париж немцев, чем вооружить рабочих. И Потье посвящает «правительству национальной измены», как вскоре стали его называть, свои новые стихи:

Народ бранят они бесстыдно,
Страшнее немцев им народ...
Они забыли, очевидно,
Про девяносто третий год!

Он готов напомнить этим забывчивым господам грозный год великой революции. С новым горячим призывом обращается он к народу:

Народ, ты предан, это ясно!
Довольно попусту орать.
Мы объявляем громогласно
Коммуну. Ратушу забрать!

Эжен Потье был членом Коммунистического Интернационала, созданного Марксом. Он был членом Коммуны, первого в истории правительства рабочих. Он был одним из руководителей Парижской Коммуны, её поэтом, и вместе с другими коммунарами он дрался на последних её баррикадах.

Коммуна была разгромлена. Торгаши подымали бокалы с вином за победителей — уланских и драгунских офицеров, «доблестно» расстрелявших безоружных рабочих. А в это время чудом спасшийся от пуль старый коммунар, скрываясь в подвале сумрачного парижского дома, записывал на клочке бумаги слова, горячие, как кровь, и тяжёлые, как булыжник:

Вставай, проклятьем заклеймённый,
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущённый
И в смертный бой вести готов.
Весь мир насилья мы разроем
До основанья, а затем —
Мы наш, мы новый мир построим:
Кто был ничем, тот станет всем!
Это будет последний
И решительный бой.
С Интернационалом
Воспрянет род людской.

Упитанные люди во фраках и крахмальных манишках, праздновавшие в июне 1871 года свою кровавую победу, ничего не знали ни об этой песне, ни о написавшем её человеке. А если бы и знали, они, конечно, не подумали бы о том, что их внуки, едва заслышав её, будут вздрагивать и зябко поводить плечами, что она ещё прогремит на улицах Парижа и Вены, на набережных Одессы и баррикадах Пресни, что сорок шесть лет спустя, сырой осенней ночью, заговорят пушки «Авроры» и петроградские рабочие и матросы внесут в эту песню свою небольшую, но существенную поправку. Вместо «Это будет...» они запоют:

Это е с т ь наш последний
И решительный бой...

Б. Сарнов

Рассказы о первых подвигах

Любой рассказ Юрия Нагибина можно как будто передать в двух — трёх словах. Вот хотя бы первый рассказ из сборника «Мальчики», рассказ «Новый друг». О чём говорится в нём? О том, как два мальчугана, встретившиеся неприязненно, решили наконец подружиться... Кажется, просто? Или, скажем, рассказ «Старая черепаха». Содержание его тоже куда как несложно. Захотелось Васе купить двух маленьких черепашек, мама не дала денег, и он продал старую, наскучившую ему черепаху Машку. А потом он пожалел Машку и ночью отправился её спасать. Вот как будто и всё... Почему же, читая этот рассказ, и улыбнёшься, и взгрустнёшь, и задумаешься, а закончив его, вдруг почувствуешь, что узнал что-то новое, о чём раньше не думал?.. Стало быть, кроме того, что мы здесь сказали, кроме сюжета, есть в этих рассказах нечто, что не передашь двумя словами.

Впечатление от этих рассказов можно, пожалуй, вот с чем сравнить. Растёт у тебя под окошком куст, ты пригляделся к нему и внимания на него

не обращаешь. Но вот упал весёлый солнечный луч, и куст разом преобразился, засиял, затрепетал листочками, и ты увидел, как затейливо они вырезаны, какие удивительные жучки пробегают по его тонким веткам! Оказывается, куст живёт интересной, красивой, значительной жизнью, и ты глядишь на него в удивлении: «Как же я раньше всего этого не замечал?»

«Как же я раньше этого не замечал?» — думаешь иной раз, читая лучшие рассказы Нагибина о ребячьей жизни. У этого писателя чудесный дар открывать новое, значительное в самых простых, обычных вещах.

Вот, например, рассказ о старой черепахе, содержание которого мы так бегло передали. В чём его интерес?

Всё у Васи получилось очень хорошо: за старую черепаху ему заплатили, сколько он просил, а молодые черепашки, купленные на эти деньги, оказались куда забавнее упрямой, похожей на камень Машки. И мама не рассердилась на Васю, она только взглянула грустно и сказала, скорее себе, чем сыну: «Выходит, старый друг не лучше новых двух...»

Всё отлично, но Вася почему-то не спит, он не доволен собой: нехорошо, несправедливо поступил он со старой черепахой! Впервые в жизни чувствует он, что, кроме его, васиного, удовольствия, есть что-то другое, какая-то чужая жизнь. Судьба старой Машки зависела от него, а он как с ней распорядился? Он даже не подумал о Машке, сделал, как ему, Васе, приятнее... Нехорошо! И так велико это недовольство собой, что Вася не может больше лежать в постели: встаёт, одевается, берёт маленьких черепашек и в придачу несколько любимых игрушек (вдруг новые хозяева Машки не захотят вернуть её без доплаты?!) и выходит на ночную улицу...

Страшно и таинственно ночью в саду и на улице, но Вася, превозмогая страх, идёт спасать черепаху — так велит ему долг. И мы понимаем: не просто маленький мальчик с игрушечным ружьём за плечами шагает по улице,— это идёт добрый и справедливый хозяин земли совершать своё первое благородное дело, свой подвиг. В ребяческом, обычном как будто поступке писатель Нагибин сумел разглядеть важность, значительность и показал их нам, читателям.

В сборнике «Мальчики» много других интересных рассказов, вы сами их прочитаете... А прочитав, подумаете о том, что иная книга интересна не только приключениями, запутанной интригой, но мыслями, какие она будит. О богатстве, сложности и красоте жизни подумаете вы, прочитав эти рассказы, и о том, какие прекрасные подвиги совершаются подчас в самой обычной обстановке.

Ю. Новикова

Детство Сандора

Эта совсем небольшая книга перенесёт вас в недалёкое прошлое, всего на пятьдесят лет назад, в глухую чувашскую деревушку на берегу небольшой речки Булы.

Герой книжки — крестьянский мальчик Сандор. Вы шаг за шагом проследите его тяжёлую жизнь. Голодно, трудно в то время жилось крестьянским ребятишкам. В шесть лет Сандор уже помогал матери жать хлеб на своей узкой полоске. Он видел, как много приходится работать его отцу, кузнецу Луке, чтобы впроголодь кормить семью, и как бессовестно обманывал и обирал отца Сандора жадный кулак Савик. При этом хитрый Савик «поучал» талантливого мастера-самоучку: «Чуваша глупость губит. К русскому ум приходит утром, к татарину — после обеда, а к чувашам — после заката солнца...»

Сандору жилось тяжелее, чем многим его сверстникам, потому что он чуваш, он принадлежал к «инородцам», которых особенно угнетали в царской России. Когда Сандор задумал поступить в кузнечную мастерскую, мастер грубо отказался принять мальчика-чуваша в ученики.

Но вы не увидите в книге Талвира униженных, прибитых, потерявших человеческое достоинство людей. Нет, в ней живут гордые, сильные духом люди, скромные, честные, любящие труд, тянущиеся к знанию! Они стойко противостоят жадным и грубым кулакам, и вы понимаете, что эти люди, объединившись, станут великой, непобедимой силой.

Так и случилось на самом деле. В конце книги вы видите, как уверенно встали на сторону Советской власти кузнец Лука и рабочий Угик.

Революция освободила чувашский народ и героя книги Сандора, она открыла перед ними все пути к знанию и мастерству.

Е. Львова

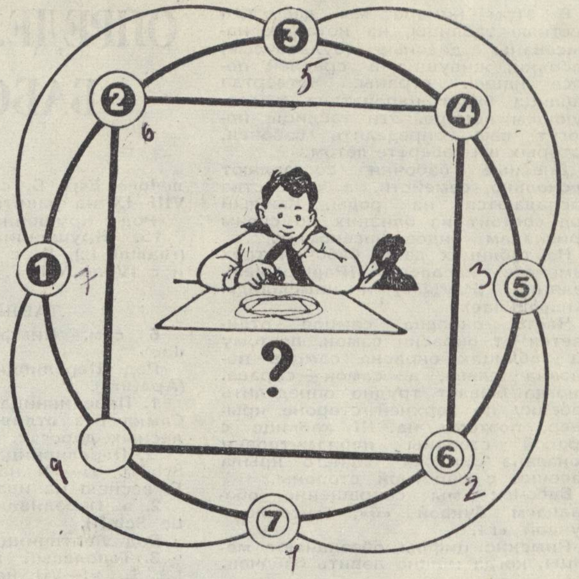
В часы досуга

ПОМЕНЯЙТЕ МЕСТАМИ (Игра-головоломка)

Перечертите эту фигуру, значительно увеличив её размеры. Это будет игровое поле. Вырежьте из картона семь круглых фишек — четыре чёрных и три белых. Размеры фишек должны соответствовать размерам кружков на игровом поле. Пометьте фишки цифрами: чёрные — 1, 2, 3, 4 и белые — 5, 6, 7. Поставьте их на свои места.

Задача состоит в том, чтобы фишки поменять местами: первую с седьмой, вторую с шестой, третью с пятой, а четвёртую передвинуть на свободный кружок, проделав всё это в наименьшее количество ходов. Ходом считается передвигание фишки по линии чертежа на соседний свободный кружок. Оставлять фишки на линиях вне кружков и ставить в кружках по две фишки не разрешается.

Составил **Я. Алексеев.**

ЗАДАЧА ДЛЯ СЛЕДОПЫТОВ

Определите следы птиц и зверей. Из каждого названия возьмите букву, место которой в слове обозначено номером под рисунком. Так из названия в первом рисунке — пятую букву, во втором — третью и т. д. Последовательно отобранные буквы составят фамилию русского путешественника — автора популярной книги, и имя героя её, замечательного следопыта.

Составил **Г. Котов.**

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, ПОМЕЩЁННЫЕ В № 6.

Знаете ли вы!

1. Т. Г. Шевченко. 2. Микеланджело Буонарроти. 3. А. С. Макаренко. 4. М. В. Ломоносов. 5. А. П. Бородин. 6. Леонардо да Винчи.

Подскажите им дорогу

Ориентироваться в пути можно по местным предметам. Так, например, на срезе пня отдельно выросшего дерева кольца годового прироста бывают шире с южной стороны; ветви и листья на отдельно растущем дереве гуще с южной стороны; камни и деревья больше обрастают мхом с северной стороны. Есть немало и других «природных компасов», по которым можно определить стороны горизонта. Один из них, лесной муравейник, показан на рисунке. В лесу муравейники обычно расположены к югу от древесных стволов и пней.

ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ БАБОЧЕК

В этом номере мы даём три цветные таблицы, на которых нарисованы дневные (булавоусые) бабочки, живущие в средней полосе нашей страны. Четвёртая таблица будет напечатана в следующем номере. Эти таблицы помогут вам определить бабочек, которых вы соберёте летом.

Дневные бабочки составляют несколько семейств, а семейства распадаются на роды. Каждый род состоит из близких по своим признакам видов насекомых.

На таблицах даны бабочки трёх семейств: кавалеры (Papilionidae), белянки (Pieridae) и нимфалиды (Nimphalidae).

Часто окраска самцов отличается от окраски самок, поэтому на таблицах окраска самцов показана слева, а самок — справа. Иногда бывает трудно определить бабочку по верхней стороне крыльев, поэтому на III таблице с правой стороны перламутровки показана окраска заднего крыла бабочки с обратной стороны.

Бабочек мы сокращённо обозначаем буквой «б», гусениц — буквой «г».

Римские цифры обозначают месяцы, когда можно ловить бабочек.

ТАБЛИЦА I

Семейство. Кавалеры, или парусники (Papilionidae). Род. Хвостоносцы (Papilio).

1. Подалирий (podalirius L). Б. V—VI у нас редка. Г. VI—VII на рябине и терновнике.

2. Махаон (machaon L). Б. V—VI; VII—VIII; на опушках, просеках. Г. летом на зонтичных.

Род Парусники (Parnassius)

3. Аполлон (apollo L). Б. VII—VIII по сухим боровым местам, на очитке едком. Г. V там же.

4. Чёрный аполлон (mnemosyne L). Б. V—VI по лесным опушкам. Г. весною на хохлатке.

Сем. Белянки (Pieridae)

Род Боярышница (Aporia)

5. Боярышница (crataegi L.). Б. VI—VII. Г. весною на фруктовых деревьях.

Род Белянки (Pieris)

6. Капустница (brassicae L.). Б. с мая до осени. Г. с июня до глубокой осени.

7. Репница (rapae L) Б. с IV до X. Г. с V до X на крестоцветных.

8. Брюквенница (napi L). Летает вместе с предыдущей. Г. на тех же растениях.

Род Пестрая белянка (Syrchloe)

9. Белянка рапсовая (daplidice L.). Б. V; VII—VIII.

Род Аврора (Euchloe).

10. Аврора, Зорька (cardamines L.). Б. IV—V в лесах. Г. VI—VII на сердечнике луговом, вяжечке.

Род Горошковая белянка (Leptosia, Leptidia)

11. Горошковая белянка (sinapis L.).Б. IV—V, VIII. Г. на горошках.

Род Желтушка (Colias)

12. Торфяная желтушка (palaeno L.). Б. VII—VIII по торфяникам. Г. V—VI на голубике.

13. Луговая желтушка (hyale L.).Б. с V по IX. Г. на клевере.

14. Желтушка мирмидона (Myrmidone Esp. Б. с V по IX. Г. V—VIII—IX на ракитнике.

Род Крушенница (Gonepteryx)

15. Крушенница - лимонница (rhamni L.). Б. с VII по X, зимует и с IV по VII. Г. V—VI.

ТАБЛИЦА II

6 сем. Нимфалиды (Nymphalidae).

Род Переливницы, радужницы. (Apatura).

1. Переливница большая (iris L) Самка без отлива. Б. VI—VII на лесных дорогах. Г. V—VI на ивах.

2. Переливница малая (ilia Schiff). VI—VII на лесных дорогах. Г. весною на ивах, осинах.

2. а. Переливница красная (clytie Schiff).

Род Ленточницы (Limenitis)

3. Тополевый ленточник (Populi L.). Б. VI—VII на лесных дорогах у воды. Самки крупнее, с более широкими белыми перевязками. Г. V—VI на тополях, осинах, ивах.

4. Ленточник жимолостевый (camilla Schiff) Б. VI—VII в лесах. Г. весною на жимолости.

Род Чернушка (Neptis)

5. Чернушка темнобурая (aceris Lep). В лесах у воды VI—VIII. Г. V—VII на чине весенней.

Род Углокрылки (Pyrameis)

6. Адмирал (atalanta L.). Б. V—VI и VIII. Г. летом на крапиве. Прячется в свёрнутых листьях.

7. Чертополоховка (cardui L) Б. V—VI и с VII до осени в полях. Г. летом на чертополохе.

Род Ванесса (Vancissa)

8. Дневной павлиний глаз (Io L). Б. с VII до осени, зимует и летает до VI. Г. V—VI на крапиве.

9. Траурница (antiopa L). Б. VII—IX, зимует и до VI. Г. V—VI на ивах и берёзах. Обществами.

10. Ванесса L — белое (L — album Esp.). Б. с VII до глубокой осени. Зимует. Г. до VII на осинах, ивах.

11. Крапивница (urticae L.). Б. с IV до глубокой осени, зимует. Г. обществами на крапиве.

12. Многоцветница (polychloros L.). Б. с весны до осени. Зимует. Г. до VII на ивах и плодовых деревьях. Обществами.

13. Большая крапивница (xanxnomelas Esp). Отличается от предыдущей более краснобурым верхом и белым пятном на вершине передних крыльев. Б. с VII до глубокой осени. Зимует. Г. до VII на ивах. Обществами.

Род Углокрыльница (Polygonia)

14. Бабочка С-белое. (C-album L). Б. Зимует с IV до глубокой осени. Г. летом на деревьях и кустах.

ТАБЛИЦА III

Род Пестрокрыльница (Arasclinia)

1. Пестрокрыльница весенняя (Levana L). Б. V—VI. Г. V—VI обществами на крапиве.

1а. Пестрокрыльница летняя (Levana m. prorsa L). Б. VII—VIII. Г. VII—VIII—IX. На крапиве.

Род Шашечницы (Melitaea).

2. Шашечница рыжая (aurinia Rott). Б. VI в лесах.

3. Шашечница большая (maturna L). Б. VI—VII, Г. весною на травянистых растениях.

4. Шашечница черноватая (dictynna Esp.). Б. VI—VII в сырых местах (лесах). Г. V—VI на подорожнике и валериане.

5. Шашечница темнобурая (athalia Rott). Б. VI—VII. Г. весною на подорожнике.

6. Шашечница пегая (Cinxia L.). Б. VI—VII; Г. весною там же.

7. Шашечница желтоватая (phoebe Knoch). Б. VI—VII. Г. весною на подорожнике и васильке.

8. Шашечница красная (didyma O). Б. VI—VII, у нас в сухих местах. Г. весною на подорожнике.

Род Перламутровки (Brenthis)

9. Перламутровка обыкновенная (selene Schiff). Б. часто в лесах в VI—VII; Г. на фиалках.

10. Перламутровка фиалковая (Euphrosyne L.). Б. VI—VII. Г. V на фиалках. Очень похожа на предыдущую, но на обратной стороне серебряных пятен меньше.

11. Перламутровка торфяниковая (Pales lapponica str.). Б. VI—VII только местами на болотах. Г. весною на фиалках.

12. Перламутровка красивая (amathusa Esp.,). Б. VI—VII по сырым лужайкам. Г. V на фиалках.

13. Малая перламутровка (dia L). Б. V—VI и VII часто в лесах. Г. на фиалках.

Род Настоящие перламутровки (Argynnis)

14. Перламутровка зеленоватая (Laodice Pall). Б. VII в сырых лесах. Г. весною на фиалках.

15. Перламутровка большая (самец) (Paphia L). Б. VII—VIII в лесах. Г. V—VI на фиалках и малине. Среди обычных зеленоватых самок (15а) летают бабочки (самки) чёрно-серые (15б). (valesina Esp.).

16. Перламутровка Аглая (Aglaia L). Б. часто в VI—VII. Г. весною на фиалках.

17. Перламутровка полевая (latonia L). Б. часто на полевых дорогах с V по IX. Г. летом на полевых фиалках.

18. Перламутровка Ниобея (Niobe L). Б. VII—VIII. Г. V—VI на фиалках.

19. Перламутровка Красная (adippe L). Б. VII—VIII. Г. V—VI на фиалках. Бабочка похожа на предыдущую, но крупнее её.

У бабочек-перламутровок Ниобеи и Красной летают особи с различной обратной стороной. У одних имеются жемчужные пятна с блеском, у других они отсутствуют и окрашены в желтоватые и зеленоватые тона. Такие бабочки носят другие латинские названия: у Ниобеи (f. eris Meig), у Красной (f. cleodoxa O).

12. Перламутровка таволжанка (ino Rott). Б. VI—VII по сырым лугам. Г. весною на таволге.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.
Технический редактор А. Ефимова.
Рукописи не возвращаются.

А 05871. Подписано к печати 10/VII 1956 г. Тираж 300 000 экз. Изд. № 642. Зак. 1517.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

II
5
5
2
4
4
1
2
2A
1
3
6
12
10
10
3
6
7
14
9
7
13
8
14
11
11
12
13
9
8

Цена 2 р. 50 к.

III
1
1a
1
9
9
16
16
2
3
2
11
17
17
10
18
18
3
11
10
4
5
4
10
19
19
13
12
5
6
7
6
13
14
20
15 б
14
6
20
8
8
15
15
15 a